ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

9. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГАУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 13.09.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.
Тираж – 2500 экз.
Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Эльбрус МИНКАИЛОВ. *На изломе.* Повесть.....2
Мохьмад АЛИЕВ. *Йишина г1ортор.* Дийцар.....22
Шамсуддин МАКАЛОВ. *Чужой у своего отечества*. Рассказ из цикла «Записки врача».....29
Мовла ГАЙРАХАНОВ. *Мы не верили.* Рассказы, эссе, притчи.....42
Аминат ТАПАЛАЕВА. *Юноша на белом коне*. Рассказ. Перевод с чеченского Субар ИНАРКАЕВОЙ.....56
Алвади ШАЙХИЕВ. *Новоявленный нувориш, или Несостоявшаяся карьера*. Рассказ.....62

ПОЭЗИЯ

Михаил ЛЕРМОНТОВ. *Валарг.* Гочдар КУСАЕВ Іадизан.....18
Руслан ЮСУПОВ. *Красивой девушке*. Стихи.....26
Марем НОХЧИЕВА. *Хлеб Родины моей*. Стихи.....41
Асламбек ЯКУБОВ. *Слова, как бравые полки.* Стихи.....53

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Наргиса КАРАСАРТОВА. *Согрей же, сказка*. Стихи.....59

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *У родника*. Комедия. Перевод с чеченского Сулимана МУСАЕВА.....64

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Арби ВАГАПОВ. *Англо-чеченские лексические параллели.*.....71
Ислам САЙДАЕВ. *Об этимологии слова «Маршо» и названии города Урус-Мартан*.....84

КУЛЬТУРА

Муслим ГАПУЕВ. *Курчалоевский соловей*.....88

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза БЕРСАНОВА. *Женские голоса в мировой поэзии*.....94
Алвади ШАЙХИЕВ. *Поэзия высокой пробы*.....94

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. *Вызов для художника*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Проза

Эльбрус Минкаилов

На изломе

Повесть

Часть первая

I

– Однажды такой момент обязательно наступает, – говорящий поставил на стол пиалу с калмыцким чаем, словно давая тем самым знать, что предстоит серьезный разговор. – Нужно иметь в доме оружие, время смутное… Если власть не может обеспечить твою безопасность, надо сделать это самому… Да и не трудно нынче приобрести оружие… Труднее найти масло или творог…

Говорил старик, аккуратно выбритый, с усами, похожими на бабочку, с коротко проросшими седыми волосами на недавно стриженой голове. Его внимательно слушал крепкого телосложения, со вкусом одетый, мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Дорогой костюм, белоснежная рубашка, умело завязанный галстук свидетельствовали, что он не сельский житель…

– Отец, купить оружие не трудно… Трудно стрелять, тем более в человека…

– Парень, я не говорю тебе, чтоб ты вооружился и начал стрелять в каждого встречного, занялся грабежом или похищением людей!.. Ты живешь в городе, вопреки моему желанию, остаешься там, как будто здесь невозможно обеспечить себя. Что ты собираешься делать, если из-за кого-нибудь из наших близких или самого себя однажды к тебе постучатся в дверь?

– За наших близких и себя я не тревожусь…

– Я это тоже знаю… Но я тревожусь об этом времени… Я пережил нескольких правителей… Главное не в том, что сбросили с пьедестала памятник Ленина… Главное не в нем… Разрушается тот уклад жизни, который он создал, был связан с его именем… До сих пор чеченцам не было никакого дела, кто ими управлял… Сегодня они потеряли ощущение реальности, уверовав в то, что власть перешла в их руки… Пришедшие к власти уже забыли, что они чеченцы… Живут так, как не снилось князьям… Пренебрежительно относятся не только к рядовым чеченцам, но и к нашим устазам и шейхам… Говорят непозволительные вещи… Не только говорят, но и делают… Вы люди умные, поэтому вам будет особенно трудно переживать все это… Их до зубов вооружили, и они не заставят ржаветь это оружие, если им что-то будет угрожать… Россию победить они не смогут (она не для этого вооружила их!), но в тебя и в подобных тебе они будут стрелять… У них есть сила… Необходимо, чтобы была другая сила, с которой им придется считаться… Они натворят еще много бед… Но каждый должен заботиться о своей безопасности сам, как это всегда было у чеченцев… Эти игры во власть когда-нибудь закончатся, как только этого пожелают их устроители… Возвращайся в село, поживи пока здесь… Постараемся, чтобы эта зараза не проникла сюда… Ведь зарплату вы и там не получаете…

– Отец, ты сам знаешь, что это невозможно… А с работы на днях я и сам собираюсь уволиться… С одной… Из редакции…

– Нужно было оставаться в своей прокуратуре!.. Как бы то ни было, без

оружия в город не возвращайся… Теперь не те времена, как некогда – тогда, если встречались враги, а один из них оказывался безоружным, то они дрались, передавая друг другу единственный кинжал… Теперь таких мужчин нет… Если узнают, что у тебя нет оружия, с тобой не станут считаться…

…Кто-то сильно постучал в дверь.

– Эй, вы дома? – в дверях показался старый Шама, живущий в соседнем квартале. – Ассалам алайкум, Садо! – он обнялся с хозяином дома, который направился навстречу ему. – Соскучился, вот и пришел… И ты никак не заглянешь… Ой, Саид, это ты? Приехал, да? – не протягивая руку, он просто обнялся с молодым человеком.

Расспросив о делах, старики начали свой разговор. Некоторое время Саид провел с ними, рассказывая о событиях, происходящих в городе, отвечая на их вопросы. Затем, попросив у них разрешения, он вышел.

2

Приближалась весна, весна, которая ему всегда была по душе. На деревьях, растущих во дворе и в саду, набухли почки, готовые распуститься, как только чуть-чуть прогреется солнце. Легкий ветерок не мешал – он был не таким холодным, как зимой…

Саид, выйдя за ограду своего двора, направился в сторону Терека. В селе он не был месяцев пять-шесть – провел это время в Тбилиси и в Москве, куда ездил по разным делам…

…Заваруха началась в августе, когда в Москве ГКЧП-исты попытались придти к власти. Саид вспомнил эти дни – уже в первый раз, услышав выступление новых «властителей», он понял, что у них нет перспективы. Показывали «Лебединое озеро» Чайковского, затем, прервав трансляцию, зачитали обращение от имени комитета. Увидев возглавившего ГКПЧ, который с трясущимися руками, виновато озираясь вокруг, словно его застали в курятнике тещи, зачитывал обращение, он грустно улыбнулся. «Ну и вид, бедолага… Или еще не отошел от выпитого, или только что поддал для храбрости…» – мелькнуло тогда в голове. Он до этого раз-другой видел его в Москве. В здании ЦК ВЛКСМ, на площади Ногина, с тыльной стороны располагался КМО[1]. Однажды, когда поднимались на третий этаж, его товарищ, подождав, пока встретившиеся на лестнице двое мужчин несколько не отдалились, как бы между прочим заметил:

– Это внук Брежнева… Андрей… Работает в КМО заместителем председателя… А другой – его начальник… Янаев…

Саид хорошо помнил их, но по разным причинам. Внук Брежнева был очень похож на своего деда: такое же широкое лицо, зачесанные назад черные волосы, густые брови… А его спутник был каким-то серым, хотя и большой начальник… «И назначают же начальниками кого попало, – подумал он тогда. – По виду своему не подходит даже для колхозного бригадира…» Читая его биографию после назначения Горбачевым на должность вице-президента, он вспомнил: «Работал председателем КМО… Тот самый, которого видел с внуком Брежнева…» Тогда он несколько удивился этому назначению, но все было далеко от него: он никогда не понимал, как в Москве назначают начальников, как их меняют… Да и в Чечне тоже…

То, что здесь, он понял позднее: родство, местничество, браки, деньги… А СССР ведь был большой, очень большой… Но, оказывается, в стране все обстояло одинаково…

…Страсти в Москве быстро улеглись, словно неожиданно налетевший ветер… Двум погибшим участникам демонстрации против ГКЧП,

пытавшегося спасти СССР – доводя все до абсурда, – присвоили последние звания Героев Советского Союза. Но в Чечне этот ветер набрал неимоверную силу, вовлекая всех в свою круговерть – тех, кто хотел и не хотел…

Саид шел по узкой, еле заметной тропинке. Земля еще была сырой, когда он наступал на участок с вытоптанной травой, ноги скользили. Из-под прошлогодней высохшей травы пробивалась молодая травка; кое-где проросли, словно вестники весны, желтые цветы…

Было послеобеденное время жаркого августовского дня.

Отчитав лекции, Саид шел домой по городской улице. Около моста через Сунжу он встретил Ахмада, товарища по работе. У него было приподнятое настроение, словно получил какое-то хорошее известие.

– Пойдем, посмотрим, как сносят памятник Ленину! Его убирают, слава богу!..

– А кому он мешает?..

– Нам всем! Кончился их срок!

– Чей?..

– Можно подумать, что ты не знаешь… Коммунистов… Партократов…

– Если хорошо посмотреть, у тебя до сих пор партбилет в кармане…

– Нет! Я вчера пошел в партком и сдал его, – с гордостью сказал тот, как будто совершил нечто героическое.

Саид снисходительно посмотрел на Ахмада.

– И ты нашел там человека, который его у тебя принял? – спросил он.

– Нашел!.. Там сидел Момпаша, как ни в чем не бывало!..

Саид снисходительно улыбнулся: Ахмад и Момпаша стали на работе притчей во языцах из-за почти десятилетней борьбы между собой за должность секретаря парткома. Эта борьба несколько пошла на убыль в последнее время, после отмены 6-й статьи Конституции, но они так и остались врагами, отдалились настолько, что перестали бывать друг у друга в горе и в радости, хотя были односельчанами и даже – в какой-то степени – родственниками…

На площади было многолюдно. У некоторых было оружие – обрезы, сделанные из одностволок и двустволок, демонстративно висели на поясах пистолеты, кинжалы. Казалось, что они до поры до времени были где-то зарыты еще с гражданской войны или выселения – револьверы, наганы, «Маузеры»… У других были палки (видимо, торговля пошла бойко у продавцов черенков для лопат). Саид и Ахмад походили в этой толпе на белых воронов – и по одежде, и по поведению

– Давай уйдем отсюда, – попросил Саид.

– Что ты говоришь! Ведь на наших глазах вершится история… Настоящая история! – воодушевленно, словно убеждая самого себя в истинности сказанного, проговорил тот.

– Пока видна только истерия, – глухо проговорил Саид, глядя на не бривщегося вот уже несколько дней мужчину, который, даже охрипнув, не переставал изо всех сил отдавать приказы, всем своим видом демонстрируя, что он здесь главный.

Он без особого удовольствия остался на площади. Люди копошилась, как муравейник…

Было заметно, что какая-то невидимая рука регулирует их движение… Некоторые из присутствующих резко отличались от основной массы своим поведением – осознание того, что они являются вершителями происходящего, выпрямило их спины, изменило походку, манеру разговора…

На площадь подогнали огромную машину, с далеко выдававшейся вперед стрелой. С нее свисал трос с крюком на конце, который был подобен

перевернутому вопросительному знаку. Пока удалось накинуть этот трос на памятник, прошло довольно много времени. Из толпы один за другим начали выходить молодые люди, чтобы проверить свои силы… Вот подался вперед какой-то хилый молодой человек с жиденькой бородкой… «Видно, сбежал из больницы или тюрьмы…» – подумал Саид. В конце концов этот молодой человек, обхватив шею Ленина руками, повис на ней, подобно галстуку…

Собравшиеся отметили его достижение аплодисментами.

– Берегись! – то и дело доносилось до него снизу. С трудом поймав стрелу, молодой человек одной рукой обвязал трос вокруг шеи памятника и осторожно спустился вниз.

Потянув, раскачав, памятник свалили… Сначала, издав глухой треск, памятник упал на мраморные ступеньки, подпрыгнул вверх и потом уже покатился по земле… От памятника на пьедестале остались только ботинки Ильича (позднее в них стали вставлять флаги)…

Толпа ликовала, раздавались громкие крики, аплодисменты… То и дело раздавались выстрелы.

Памятник валялся на земле. Над ним, словно поверженным драконом, столпились люди… Начали отламывать куски… Разрезая толпу, стремительно подъехали и остановились несколько «Мерседесов» и «Вольво». Молодые люди, вылезшие из них, попросили куски для себя, потом, забрав их, видимо, как доказательство для стоявших во главе происходящих событий, они уехали, сунув в руки герою дня – молодому человеку, накинувшему трос на памятник, – несколько банкнот… Тогда в его голове поселилась доселе неизвестная ему мысль о том, что теперь вся его жизнь коренным образом изменится – приватизировав отделившуюся от туловища голову памятника, сев на нее, он стал яростно защищать ее от посторонних…

– Через некоторое время за нее дадут миллион..! Она моя!.. – кричал он, отталкивая тянувшихся к ней. – Разбирайте то, что лежит там!..

…Бедолага не знал, что Ленин стал знаменем и для тех, кто поднялся сейчас – даже своим свержением он помогал им – чтобы повести за собой людей, взбудоражить их, показать им, что уже все дозволено… А деньги, которые он получил в тот день, оказались первыми и последними – куски памятника больше никому не понадобились…

Через две недели после этого власть захватил ОКЧН[2]… Президент, парламент, министры, оппозиция, восхваления, проклятия – все это было потом…

Его мысли прервали встретившиеся на пути двое мужчин.

– Ассалам алайкум, Саид! Откуда ты взялся? – громко, словно боясь, что его не услышат, обратился к нему один из них. Его, одетого в камуфляжную форму, вооруженного, он узнал, лишь внимательно присмотревшись – это был живущий по соседству Успа. Второй был ему не знаком – из села он уехал давно, за это время уже выросло новое поколение…

– Ва алайкум ассалам! Я тебя и не узнал! Что это вы так вооружились?!

– Мы же в оппозиции! В долине мы учились стрелять… Я же, как тебе известно, капитан запаса… Обучаю молодых… Увидишь, скоро мы разгоним этих волков!..

– «Волки» то же самое говорят и насчет вас… – он не знал, что тот капитан запаса – да и дела ему до этого не было, – но выяснять не стал.

– Они же твои друзья, – сказал тот. – Уж не примкнул ли ты к ним?

– Если я знаком с ними, это еще не означает, что они мои друзья… Я ни к кому не примкнул… Это волки собираются в стаи… А я – человек.

– Теперь такими разговорами не обойдешься!.. Или с нами, или с ними! Поезжай завтра со мной в Знаменское, я познакомлю тебя с теми, кто там!

– И их я знаю, в большинстве своем, даже лучше, чем ты…

– В таком случае, завтра-послезавтра, когда придешь с просьбой о какой-то должности, не забудь этот разговор!..

– Я не приду с такой просьбой… У меня есть работа, любимая работа… А должности меня никогда не привлекали, да и не будут привлекать впредь…

…Этот разговор несколько расстроил Саида. «Игры с оружием не приведут народ к добру, – мелькнуло в сознании. – Тем не менее теперь они начинаются… И нет сил их остановить. Сценарий написан, определены режиссеры и актеры… Революция, оппозиция… Чтобы пришедшие к власти держались в определенных рамках, необходима сила, которая им противостоит… Но то, что обеими этими силами руководят из одного центра, наводит на грустные размышления…»

Он довольно долго стоял на высоком берегу Терека, погруженный в свои мысли. Река, еще не проснувшаяся после зимней спячки, медленно катила вниз свои воды. Весна, чей черед настал, принялась раскрашивать мир новыми красками, делать его прекраснее, теплее…

3

Саид, встав рано утром, собрался в город. Отец, поднявшийся еще раньше и ухаживавший за скотиной, отложил вилы и подошел к нему.

– Сын, ты подумал о том, что я вчера тебе говорил?– спросил он. – Ничего зазорного нет, если послушаешься совета… Вы все, словно ослята, пытаетесь показать свой характер… Будь осторожен!..

– Хорошо… Я куплю оружие…

До города он доехал быстро. Сначала заехал к себе домой, чтобы немного отдохнуть с дороги и переодеться. В доме было прохладно: уезжая в село с ночевкой, он выключил печку. Была и еще одна причина того, что в доме холод – уже почти год, как он остался в нем один…

...Саид женился три года назад. Тамила приехала сюда после окончания института в Москве. Их взаимоотношения сложились как-то сами по себе, красиво; ни они сами, ни другие не могли даже подумать о том, что все каким-то образом может измениться. Родители Тамилы жили врозь – отец был дома, а мать – в Москве. Он точно не знал, чем они занимаются, да и особого интереса к этому вопросу у него не было. Он полюбил Тамилу, и ему казалось, что тоже любим. Заслали сватов, ее родители дали согласие... Они провели счастливых два года вместе, но потом в одночасье все рухнуло, когда Тамила и их первенец умерли во время родов... Эта трагедия разделила всю его жизнь на две половины – до и после нее... Острая, пронзительная боль, возникшая после их смерти, до сих пор чувствовалась в сердце, порой затихая, а затем вспыхивая еще сильнее... Эта боль становилась все больше и больше из-за новых потрясений и бед...

Одиночество к нему пришло с тех пор, но он был еще молод, были силы... Он попытался обустроить свою жизнь, вернуться в прежнее русло, но вскоре разочаровался во всем...

В обеденное время, еще окончательно не освободившись от этих тягостных воспоминаний, Саид, взяв деньги, отправился на рынок, чтобы купить оружие.

– Доллары!.. Продаю, закупаю!.. Дорого!.. Фунты!.. Лиры!.. Марки!.. Закупаю йены!.. Любую валюту!.. Закупаю!.. Продаю, – никому не давая проходу, крутились валютчики. Пробравшись через их толпу, он подошел к кучке людей, торговавших оружием, выставив его у стены стоявшего рядом с рынком девятиэтажного дома.

– «Макаров», АКМ!.. Автомат с подствольником!.. Калашников!.. «УЗИ», «Стечкин!.., «Борз»[3]! Отдаю дешево!.. «Красавчик»! О цене договоримся… Лежащие, как картошка, гранаты… Патроны… Кобуры… Бронежилеты… Вооруженные с ног до головы молодые люди… Машины с открытыми багажниками, доверху набитыми оружием… Он прошелся от края до края, осматривая все со стороны – оружия было много, в том числе и того, которого не видел и о котором даже не слышал.

– Дядя, вам что нужно? Найдем все… Есть АГС… СВД… – обратился к нему высокий молодой человек в длинном пальто.

– А что это такое? – спросил он, притворившись, что не знает.

Молодой человек ухмыльнулся:

– Гранатомет… Снайперская винтовка… – и начал рассказывать об их дальности стрельбы, количестве выстрелов в минуту, весе, словно все это сам изобрел.

– Мне нужен всего лишь один автомат, – сказал Саид молодому человеку, видимо решившему, что он пришел закупить весь рынок…

– Какой?

– Какой-нибудь маленький, легкий в обращении…

– Короткоствольный? Есть такой!.. Тебе нужен с подствольником?

– Да… – сам не зная почему, проговорил он.

Они отошли в сторону, к стоявшей поодаль машине. Открыв дверь, откинув накидку с заднего сидения, молодой человек показал оружие. Достав автомат, протянул его Саиду:

– Вот то самое, что ты ищешь!..

Заплатив, не торгуясь, он забрал автомат и направился к своей машине. Саиду казалось, что только что он совершил какое-то страшное преступление.

Оглядевшись по сторонам, он проверил, не следит ли за ним кто-нибудь – до него никому не было дела… Раньше ему никогда и в голову не приходила мысль о том, что смертоносное оружие может быть так просто продано или куплено, но настали времена, когда происходило то, что некогда казалось невероятным…

– Носи на здоровье!.. – догнал голос продавца.

Не сообразив, как же на это нужно ответить, он, не поворачиваясь, кивнул головой в знак согласия, быстро открыл дверь, сел в машину и отъехал…

…Дома он начал искать место, где можно спрятать автомат, но, наконец, подумав о том, что приобрел его не для того, чтобы прятать, отнес в свою спальню и поставил в ближайший угол, чтобы находился под рукой…

Усевшись в глубокое кресло, Саид включил телевизор. Сменяя друг друга, выступали новоявленные представители власти – бахвальство, оскорбления, клевета, предположения, то, о чем знают и не знают. То, что почти все они были ему хорошо известны, мешало слушать их, верить тому, что они говорят. Некоторые из них были и его «клиентами»…

– Я… Мной… Мне…

Несколько имен, несколько дат, общеизвестных фактов… Вновь и вновь, словно заезженная пластинка… Серые лица, серые мысли… Пытающиеся убедить всех в том, что в прошлом власти преследовали их, что пострадали от них – офицеры, бывшие чиновники разных рангов, освободившиеся из мест заключения (осужденные за воровство и всякие мерзкие преступления), ученые (ничего в науке не сделавшие!), журналисты, артисты, писатели… Женщины, мужчины… В большинстве своем – те, кто и раньше всячески доказывали свою лояльность прежним властям…

«…Мы – чеченцы!.. Самый древний народ в мире… Арийцы… Хурриты… Урарту…

Берже… Грабовский… Потто… Фадеев… Дьяконов…
Мы все мусульмане!.. Слава Аллаху!..
Мы создали независимое государство…
Мы всем покажем!.. Мы!.. Мы!..
У нас есть президент, генерал-майор ВВС СССР!..
Есть парламент и Совет Министров!.. Даже КОУНХ[4], которого больше ни у кого нет!..
Есть все атрибуты власти!.. Герб, флаг, гимн!..
Вскакивая с места, во весь голос:

Если нас утомит голод,
Будем есть корни,
Если жажда замучит,
Будем пить росу!..[5]

У нас много нефти… Мушмула!.. Смородина!.. Крапива! Знаете, какая вкуснятина – пироги с крапивой!.. А галушки с мясом – исключительно наше блюдо! Как замечательно готовят их наши женщины!.. Женщины других национальностей тоже учатся готовить их!..
Есть минеральная вода!.. Чеченцы называют ее «муж-хи»!..
Выступающий пытается высказать все сразу, его невозможно понять, но он, словно соревнуясь с самим собой, переходит на крик, продолжает во весь голос: «Я… Мной… Мне… Меня в Москве «аятоллой» называли!..»

Саид хорошо знал этого «аятоллу»… Он много лет прожил в Москве, там учился, работал… Женился на русской, чтобы было легче вступить в партию… Несколько месяцев назад он вернулся, чтобы «освободиться» от жены… Как-то к ним пришли гости, вместе выпили, а когда они расходились, жена заметила, что муж разговорился с одной из женщин, и закатила скандал… Поколотили друг друга… Когда убедился в том, что жена подаст на него в суд, навострил лыжи домой…
Лицо «аятоллы», обезображенное ревнивой супругой, до сих пор еще не зажило…
Бедолага… И этот тоже утверждает, что приехал освобождать Чечню…
Бедная Чечня…

… Наконец, утомившись, он ложится спать, но сон не идет. Ночную тишину часто нарушает лай собак – с тех пор, как покинули свои дома «оппозиционеры», начали выгонять русских, армян, других инородцев и инакомыслящих, в городе появилось множество бродячих собак…
Потом лай собак прекращается. Начинается пальба – видимо, где-то гуляют «волки»… Откуда-то со стороны, давая знать, что они тоже бодрствуют, в ответ звучат выстрелы…
Оружия очень много… Сегодня он убедился в этом на рынке… Оружия, оставленного при выводе войск, достаточно, чтобы все чеченцы уничтожили друг друга… Или еще больше…
Испуганные выстрелами, вновь начинают лаять собаки… Их лай нервирует… Наконец, перед рассветом, он засыпает…

4

Был последний день марта 1992 года…
Он еще не встал с постели, как кто-то сильно постучался в дверь. «Кто же это так рано?» – сказал он самому себе и подошел к двери. Заглянув в глазок, он увидел своего односельчанина Успу. Тот был в камуфляжной форме, с каской на голове. Саид открыл.

– Ассалам алайкум! Я же говорил тебе, что мы войдем в город! Пока ты лежишь в постели, мы захватили телевидение, вот-вот возьмем Президентский дворец и парламент. Кончилось время «волков»! Мы сопровождали одного твоего соседа, я зашел посмотреть, что с тобой. Пойдем, там почти все наше село!

– Я попозже подойду, – сказал он и проводил Успу со своими спутниками, которых недолюбливал.

Исраил, к которому они приходили, был коллегой Саида по работе, затаившись, он потихоньку делал свое дело. В 1991 году, когда противостояли два митинга, Исраил оказался в стане оппозиции. Уверенный в том, что ОКЧН не сможет предпринять ничего существенного, он, как-то не особенно задумываясь, выступил с трибуны оппозиционного митинга. После этого несколько дней покрутился на площади Ленина, уверенный в том, что нахождение в лагере победителей принесет ему какие-то плоды… Но после 9-го ноября все рухнуло, он притих, как лягушка в болоте… Видимо, сегодня он понадобился…

Саид некоторое время спустя оделся и ушел в город, чтобы посмотреть на происходящее. Перед парламентом стояла жиденькая толпа. Люди в камуфляже и без, разбившись на несколько кучек, говорили о чем-то, курили. Площадь наполнилась через два-три часа – в городе и селах распространилась весть о том, что оппозиция вошла в город…

Саид сразу же усомнился в том, что происходящее что-либо изменит. Несмотря на то, что люди были вооружены до зубов, ничего не предпринималось. Время шло…

Узнав, где находится штаб, он с одним из своих товарищей отправился туда. О руководителе штаба раньше они ничего не слышали – он, вероятно, был назначен на эту роль с какой-то целью, понятной только посвященным.

Там, где должен был находиться штаб, никого не оказалось. Не смогли они добраться и до Исраила, соседа Саида, за которым приходили утром – кто-то сказал, что тот готовит воззвание от имени нового руководства. Найти штаб так и не удалось… Они вдвоем направились к студии телевидения – дорога, ведущая к парку им. С.М. Кирова, была заблокирована, стоял БТР. Вокруг него сновали молодые люди с оружием. Они сказали, что их товарищи заняли телевидение и охраняют его.

– Телевидение-то вы заняли, а телевышку? – спросил Саид старшего.

– А она зачем?

– На что студия телевидения, если нет ретранслятора? Разве вы не хотите как-то использовать телевидение?

– Конечно, хотим!.. Подготовлено воззвание… Назначен новый руководитель республики… От его имени оно будет зачитано… И диктора уже привезли…

– Это хорошо, что вы нашли диктора… Он зачитает обращение для собравшихся в студии… – сказал Саид, сдерживая злость.

Он вновь отправился на площадь. Подходившие люди вели себя уже не так робко, как раньше: те, которые поддерживали власти, видя нерешительность оппозиции, становились агрессивнее – то здесь, то там вспыхивали ссоры, обстановка накалялась. Особенно активно вели себя женщины, которые в последнее время стали авангардом новой власти. Он слышал и то, как оправдывались оппозиционеры – это было свидетельством того, что они уже проиграли. Да и как не проиграть, если ничего не предпринимается – видимо, те, кто собрал и вывел их на площадь, забыли об их существовании… Эту мысль подтвердил один разговор, случайно услышанный им.

Неподалеку стоял вооруженный мужчина, на вид казавшийся старше других, одетый в камуфляжную форму, с седой головой, такой же бородой, с синими глазами, в которых светились искорки веселья. К нему подошел один старик.

– Ассалам алайкум! Послушай, здесь, в основном, юнцы… Ты старше, может быть, лучше понимаешь происходящее? Чего вы добиваетесь?

– Ей богу, брат мой, я и сам пока ни в чем не разобрался… Подожди чуточку, не отходя далеко, если узнаю, я скажу тебе…

Позже Саид услышал о том, что пока вооруженные люди стояли на площади и удерживали телевидение, их руководители встретились с представителями властей, пришли к какому-то соглашению и разошлись… Говорили и о том, что из Москвы поступил приказ отступить…

…Кучками, поодиночке и парами, собравшиеся разошлись по домам.

Сторонники власти стали еще смелее, поняв, что им ничто не угрожает.

Саид прошелся по площади, чтобы посмотреть, не остался ли кто-нибудь из односельчан на площади. Он нашел увлекшихся разговорами Успу и Шахида, и, сказав им, чтобы побыстрее ушли, отправился домой.

Они оба были большого роста, крепкими мужчинами. Камуфляжная форма, бронежилеты, каски на головах, стук подкованных сапог на бетонных плитах делали их похожими на «коммандос» из боевиков. Они шли чуть позади Саида – непосвященный мог подумать, что они сопровождают его.

На площади он встретил Айдамара, товарища по институту, который вышел из Президентского дворца и шел в сопровождении двух охранников. Тот поздоровался и обнял Саида.

– Охрана у тебя мощная, – сказал Айдамар, оглядев шедших за ним двоих и поворачиваясь к своим спутникам.

– Конечно… – сказал Саид, не вдаваясь в подробности

…Он знал, что во власти тот долго не удержится. И догадывался о том, кто его туда внедрил…

Через некоторое время распространился слух, что на телевидении кого-то убили. Оказалось, что он был одним из посланцев от властей, которые подошли туда вместе с представителями Совета старейшин… Стреляли в него сзади, специально, чтобы спровоцировать конфликт…

Но в то время никто ни в чем не разбирался, все заканчивалось тем, что тот, кто успел крикнуть первым, оказывался прав…

…Те, кто был на телевидении, ушли, не оказывая никакого сопротивления.

С того вечера телевидение стало главным оружием власти… Крикуны надолго получили возможность спокойно делать свое дело…

Начались аресты тех, кто выступил против властей. Были арестованы и некоторые из тех, кого знал Саид. Как-то пришли к нему товарищи из села, прося найти способ освободить одного из своих родственников. Переговорили, договорились освободить его за выкуп, но таких денег у них не оказалось. Он отдал им накануне купленный автомат, чтобы те продали его и отдали деньги…

Он так и не сделал из него ни одного выстрела…

Шли дни… Саид не особенно вмешивался в происходящее, но тем не менее все видел, обо всем размышлял. Спустя некоторое время, один за другим, умерли отец и мать. Потеря самых дорогих и близких людей глубоко потрясла его, но делать было нечего… Жизнь нельзя было остановить, хотя со смертью матери погас очаг в доме, а со смертью отца обрушилась и крыша. Но надо было жить, что бы ни пришлось пережить, какие бы испытания ни выпадали на долю…

Не так часто, как раньше, но он бывал в селе, хотя чувствовал себя там одиноко, так как не было уже материнского тепла, не было мудрых рассказов отца... Тамила здесь была всего несколько раз, а ребенок появился на свет

мертвым… Ему остались только одни воспоминания, но тепло былого со временем становилось все меньше и меньше, в пепле сгоревшего прошлого все труднее становилось отыскивать еще тлеющие угольки… Но был Терек, который он всегда любил, были долины, берега, по которым играл в детстве… Он уходил туда, когда уставал от людей, там ему никто не мешал. Он был один – нет, он и его воспоминания… Некоторое время, проведенное там, возвращало силы – и телу, и душе… А в создавшейся ситуации силы были очень нужны, очень…

…В 1993 году начался митинг оппозиции – вначале перед парламентом, затем на Театральной площади. Перед Президентским дворцом собрались сторонники власти. Митинги продолжались днем и ночью… Ни те, ни другие не слушали друг друга…

Процесс затянулся… Саиду показалось, что лидеры оппозиции вновь повторяют прежние ошибки. С одним из своих товарищей он пять-шесть дней провел на митинге. Однажды вечером они пришли домой и долго проговорили. Их взгляды совпадали: этой игрой руководят извне, как игрой в шахматы; действия каждого предопределены, кто будет пешкой, кто офицером, королем… Если этот руководитель захочет перемен, что-то будет, если нет – все будет продолжаться, с каждым днем множа беды, сея между чеченцами вражду, ненависть, месть… Неясно одно: это одна длинная партия или несколько? И цели непонятны…

И еще. Свобода, конечно, вещь хорошая, но действия ее сторонников никак не могут привести к ней – они хотят делать все, что им заблагорассудится, а все необходимое получать от России… Так не бывает…

…Митинги продолжались около двух месяцев, до начала июля… Противостояние завершилось внезапно и трагически…

Через некоторое время после того, как Саид, простояв допоздна на митинге, вернулся домой и прилег отдохнуть, он услышал грохот пушки, а затем – пальбу из автоматов и пулеметов… Он постарался пробраться к месту боя – рядом жил его друг. Туда никого не пускали, но когда перестрелка закончилась, ему удалось пробраться к нему…

В этот день чеченцы впервые стреляли в чеченцев…

И победители, и побежденные были чеченцами.

Для каждого здравомыслящего проигравшим был чеченский народ…

…Вокруг лежащих в крови парней бегал старик с подправленной бритвой седеющей бородкой, одетый в зеленую рубашку навыпуск и подпоясанный ремнем, с тапочками на ногах, с заправленными в носки штанинами. Указывая своим посохом на лежащих, он кричал:

– Их всех надо было убить! Всех! Так и надо этим врагам Всевышнего!

«Почему же он считает их своими врагами? И откуда ему известно, что они враги Бога? – долго думал Саид той ночью, потрясенный увиденным, ворочаясь без сна в постели. – Течет ли в его жилах чеченская кровь?.. Наверное, он один из тех, кто в своей молодости принимал участие в таких делах, из-за которых мы были высланы… Не довольствуясь этим, и теперь, постарев, хочет навлечь новые беды на наш народ!..»

С той ночи ему стало очень трудно с уважением относиться к незнакомым старикам.

Мешало сомнение.

…События, начавшиеся в тот день, имели долгое продолжение… Власти предприняли ряд выступлений против оппозиции, сосредоточившейся на

Тереке – на Кень-Юрт, Толстой-Юрт, Знаменское. Были и жертвы…

26 ноября 1994 года с разных сторон в Грозный вступили силы оппозиции, которые к вечеру были разбиты и рассеяны…

По мнению Саида, это была преднамеренная акция, направленная на то, чтобы вызвать массовое кровопролитие, показать слабость оппозиции, подвести общество к мысли о том, что ситуацию в Чечне можно нормализовать только широкомасштабной военной операцией…

6

(Глава опубликована отдельно (рассказ «В тумане»)).

Последняя ночь 1994 года была холодной и долгой…

Утро, если сравнить его с предыдущими, ничем не отличалось от них. Война подошла совсем близко, но все надеялись на то, что она не разгорится во всю силу. В это утро, как обычно, самолеты, методично налетавшие через каждые три часа, сбросили бомбы, произвели ракетный обстрел, и улетели. Самолеты появлялись с завидным постоянством, подчиняясь графику, составленному в каком-то штабе. Хотя страх перед ними не прошел, все научились тому, что нужно делать перед их появлением – как правило, все укрывались в бомбоубежищах или наспех оборудованных подвалах. Научились не только люди, но и собаки: услышав гул самолетов, они спешно начинали искать безопасное место. Укрывались они за толстыми деревьями или высокими домами. Саиду запомнилась одна картина, потрясшая его: собака с тремя щенками, не успевшая укрыться, отчаянно бегала, не находя подходящего места. Когда самолеты приблизились, мать присела, а щенята в ряд пристроились за ней. В его сознании глубже, чем когда-то раньше, укрепилась мысль о том, что война несет горе всему живому. Да, в эти дни в отчаянии были не только люди… Одно отличало людей от прочих живых существ – то, что они могли думать. Поэтому положение людей было более тяжелым…

…Снег, выпавший вчера, подтаял под лучами выглянувшего солнца, но ночной мороз опять сковал его. Саид быстро прибрал постель, принес воду из соседнего двора. Потом сварил несколько картофелин, сделал пюре, добавив остатки масла, и позавтракал. Кроме этого пюре, съел пару кусков затвердевшего хлеба, выпил чай, потом включил транзистор, чтобы послушать новости, и прилег на диван. Ему показалось, что тем, кто в Москве, до происходящего здесь вообще нет дела – они праздновали Новый год. Звучали песни, смех…

Продукты заканчивались, нужно было что-нибудь прикупить. Рынок еще работал, женщины распродавали то, что не смогли реализовать. Все-таки, Новый год – праздник, хоть подпорчен...

Может быть, кто-то, как и он сам, застрявший в городе, зайдет, как это случилось накануне: к нему пришли Рустам и Олхазар, прихватив с собой кое-что из продуктов, на всякий случай. Они долго сидели, разговаривая о сложившейся ситуации, размышляя о том, как и когда все это завершится…

Неожиданно началась ожесточенная перестрелка, которая заглушила голоса, доносившиеся из транзистора. Это было не внове: без автоматной и пулеметной стрельбы в последние годы время выпадало очень редко. Хотя привыкнуть к этому было трудно, из-за того, что не было возможности что-либо изменить, люди просто смирились. Затем раздался страшный взрыв, сотрясший весь дом. В сердце Саида появился страх, которого до сих пор не было – вот, началось… Раздался еще один взрыв, еще… Вместе с последним донесся звон разбитого стекла, в комнату ударил холодный зимний воздух… В разбитое окно, кружась, начали залетать мягкие снежинки… Саид не знал, как быть – войну он видел только в кинофильмах. Он перешел в прихожую, которую посчитал менее уязвимой для пуль и осколков, и присел на низенькую табуретку. Так он провел некоторое время, выкуривая одну сигарету за другой. Когда грохот несколько

стих – через десять минут или часов – он вышел во двор. Не было видно ни единой души. Горел четвертый этаж дома. Пожар, кажется, начался на балконе, но теперь языки пламени и клубы черного дыма вырывались из окон, горела вся квартира. Над домом нависло черное облако дыма, закрывая собой все небо. Уже после он узнал, что неподалеку на дороге горели подбитый танк и несколько машин…

Вскоре Саид увидел человека, который осторожно, как и он, выглядывал из подъезда противоположного дома. Он крикнул кому-то – Саид услышал голос, доносившийся из подвала, хотя слова не различил. Стрельба продолжалась, но выстрелы доносились с некоторого отдаления. Быстрыми шагами он подошел к соседу. Из подвала вылез и тот, с кем он разговаривал. Они попытались улыбнуться, но улыбки не соответствовали создавшейся ситуации, удались с трудом… То же самое, наверное, получилось и у Саида…

– Саид, ты тоже остался здесь?

– Я, видно, зря остался… И я, и ты…

– Так-то оно так, но уже поздно…

– А мне некуда деться, разве только в Ярославль… И, если сказать правду, на дорогу туда в кармане нет ни копейки… Да и невозможно уже никуда выехать, – заговорил Юрий, сосед, мужчина лет пятидесяти. Его семья месяц назад выехала в Россию, а он остался присматривать за квартирой и имуществом.

Так они встретились. Через некоторое время они узнали все о своих соседях. Во время первых обстрелов никто не был убит, никого не ранило. Правда, один был в нервном шоке: он никого не узнавал, речь его была бессвязна. Они попытались привести его в чувство, но это им не удалось…

Многие соседи утром ушли из своих домов по разным делам. В течение дня некоторые вернулись, по их рассказам сложилась картина происходящего. Но сказать, что она достоверна, было невозможно, так как рассказ одного не соответствовал тому, что говорил другой. Но одно не вызывало никаких сомнений: горели танки, БТР-ы, на улицах лежали трупы… Война, которую до последнего момента все надеялись избежать, началась…

День клонился к вечеру. Люди разошлись по своим домам. Саид тоже вернулся к себе. Ему показалось, что в комнате холоднее, чем на улице. На подоконнике лежал снежок, повсюду чувствовалась сырость. Через разбитое окно виднелся противоположный дом, объятый пламенем. Горели верхние этажи. Пахло дымом, трудно было дышать.

Ночь наступила внезапно. В темноте вид горящего города казался фантастическим. Было такое ощущение, что пылает весь мир… В зареве огня виднелся лежащий на земле снег, почерневший от пепла…

Саид устал, хотя за день ничего не делал, но сон не шел. У него был подвал с входом из спальни. Иногда, во время бомбежек, он и раньше спускался туда. Подвал был несколько приспособлен для подобного случая – сооружен тапчан, спущены постель, керосиновая лампа… В подвале было теплее, чем в квартире, но в нем было необыкновенно тоскливо и страшно, как в могиле. Одна мысль сменялась другой, перед глазами мелькали картины возможной беды, одна страшнее другой. Как бы ни старался отогнать эту мысль, вновь и вновь ему представлялось, будто он остался в подвале под развалинами дома. Он собрал все имеющиеся там инструменты – лом, пилу, топор, лопату, разложил их рядом на видном месте. Затем, несколько приподняв крышку подвала, положил под нее обрубок трубы – чтобы узнать о пожаре, если он вдруг начнется, и прилег…

Не спалось. Пальба продолжалась, она то затихала, то вспыхивала с новой силой. Иногда все начинало ходить ходуном, как во время землетрясения. Ему показалось, что эта ночь была самой длинной во всей его жизни – ни до этого, ни после она никогда не тянулась так мучительно долго…

Прошло несколько дней, похожих друг на друга – холодных, наполненных

плачем, мольбой, проклятиями… Однажды вечером Саид зашел к Ахмеду, он был из соседнего села и в городе жил неподалеку. У него был собственный дом. Воду в первый день войны Саид принес оттуда. Жена его торговала, как и многие женщины. Саид подумал, что у них, может быть, что-то осталось из старых запасов – кое-какие деньги, если они теперь в ходу, у него еще были. Ему досталось несколько пачек сигарет, пачка чая и две-три плитки шоколада – к ним, пользуясь некоторым затишьем, как и он, пришли люди в надежде купить что-нибудь.

На обратном пути Саид увидел свору собак, столпившихся у электроподстанции. Приглядевшись, он увидел страшную картину – у стены лежал полуобгоревший труп… Там, где собаки сгрызли плоть, виднелись кости… Недалеко лежал остов сгоревшей машины. Очевидно, кто-то вытащил убитого из нее, подтащил к стене, накрыл и оставил здесь, не имея возможности похоронить. Он бросил в собак то, что попало под руку, затем нашел булыжники… Собаки не обращали на него особого внимания… Две-три из них, повернувшись к нему, громко залаяли, затем присоединились к другим…

Недалеко взорвалась мина. Изо всех ног Саид убежал прочь от этого места. Вырвал, хотя желудок был пуст. Уже подходя к своему дому, услышав протяжно-пронзительный свист, спрятался за толстым деревом. Прямо на его глазах снаряд попал в стену пятиэтажного дома, подняв клубы кирпичной пыли. Вскоре, когда пыль улеглась, в стене верхнего этажа показалась огромная дыра. Саид подумал, что дело не ограничится одним снарядом, побежал к подъезду ближайшего дома… Ударная волна от нового взрыва подтолкнула его внутрь, он упал на ступеньки, слегка поранив колено. К счастью, осколки не зацепили… На помощь прибежали женщины из этого дома, но, узнав, что ничего серьезного с ним не случилось, вернулись к себе. Он попытался добраться до своего дома, но удача изменила ему…

Чтобы добраться до его дома из того, в котором он находился, нужно было пересечь дорогу шириной метров десять, но это оказалось в тот вечер очень трудным делом. С БТР-а, что стоял на перекрестке в метрах двухстах от него, непрерывно стреляли. Трассирующие пули, словно перечеркивая путь, летели низко над землей. О том, что можно перебежать или переползти через эту дорогу, не могло быть и речи…

Так он простоял несколько часов, укрывшись за стеной дома, иногда заходя в подъезд, чтобы немного согреться. Оттуда на стене противоположного дома виднелись фантастические картины, сменявшие друг друга, которые создавал свет от горящих домов, пройдя через кроны оголившихся деревьев… Наконец, то ли устав, то ли отстреляв весь боекомплект, прекратили стрельбу с БТР-а… Стараясь казаться спокойным, не вызывать лишних подозрений – на тот случай, если кто-то наблюдает за дорогой – Саид перешел на противоположную сторону и уже изо всех ног побежал к своему подъезду. С трудом открыв застывшими руками дверь, он вошел в квартиру.

Было холодно. Спустившись в подвал, он налил из термоса чай, приготовленный в обед, выпил его… Но перед глазами мелькнула ужасная картина, увиденная накануне, его опять затошнило…

В лампе закончился керосин, но он поленился залить его и остался в темноте. Не спалось. Ему стало душно, он вылез из подвала. Вытащил из зала в прихожую и поставил друг против друга два кресла, подстелил теплое одеяло и, не раздеваясь, улегся, накрывшись двумя одеялами. Наконец-то, впервые за эти несколько дней, он заснул…

На Тереке было половодье. Волны играли, как грива коня. Вода была мутной, землянистого цвета. Вниз по реке плыли большие и маленькие деревья, вырванные с корнями. Одни были засохшие, на других виднелась зеленая листва. Вода разлилась по долинам Терека, затопила островки. Всюду – вода. Когда Саид сверху посмотрел на Терек, он увидел в нем дома. Одни

из них были из его села, другие – из города. Они стояли в воде, двери и окна были распахнуты настежь. Потом показалось красное солнце, точнее, его половина (оно всходило или закатывалось?!). На его фоне он увидел людей, шедших легкой, воздушной походкой. Они были веселыми, в их взглядах, на их лицах ощущалось какое-то неземное спокойствие. Ему показалось, что все они одного возраста, он очень удивился этому. Впереди шагал его отец, за ним – знакомые и незнакомые люди…

Вдруг раздался страшный грохот… Видимо, упали остатки оконных стекол, разбились двери мебельной стенки. Саид лежал, не решаясь сдвинуться с места, ожидая новый взрыв… Было очевидно, что в дом угодило что-то огромное (бомба, ракета, снаряд?!) Новый взрыв донесся в некотором отдалении…

Саид попытался вспомнить увиденный сон. Странное дело, он очень редко помнил свои сны… Но этот последний запомнился очень хорошо, кроме лиц людей. Его удивило то, что нечто подобное он видел и раньше, в ту ночь, когда умер отец. Тогда он долго просидел рядом с отцом, потом его сменили… Он заснул в соседней комнате… И вдруг, прерывая сон, его разбудил шум машины… Оказалось, брат выезжал за муллой, чтобы тот прочитал Ясин…

…Саид попытался встать, но не смог. Правая сторона онемела, он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он вспомнил отца. Тогда, после инфаркта, у него тоже была парализована правая сторона… Он провел рукой по своему лицу, но никаких изменений не обнаружил. Попытался левой рукой сделать массаж. Попытался встать. Безуспешно… «Не хватало еще, чтоб я умер и остался лежать здесь, – мелькнула мысль. – Бронированные двери закрыты… Хорошо бы вытащить ключ из замка…» Новые попытки встать тоже ни к чему не привели. Потом пришла новая мысль – нужно как-нибудь свалиться с кресел на землю. И это ему удалось. Потом попытался подняться, держась за стену… Сначала присел на колени… Наконец-то поднялся… Сняв верхнюю одежду, одной рукой начал растирать онемевшую сторону. Через некоторое время он почувствовал, что ему полегчало. Ну, слава Богу!.. Тяжелой походкой он пошел в спальню, откуда был спуск в подвал, открыл крышку и спустился. Чай закончился. Неожиданно он увидел бутылку «Кагора», стоявшую на полке. Открыв ее, налил в алюминиевую кружку, сделал глоток. Вино показалось ему очень холодным. Постоянно страдавший из-за хронической ангины, он не решился больше пить. Залил керосин, зажег лампу и, держа кружку над фитилем, подогрел вино и выпил его большими глотками. Показалось, что по всему телу разлилось тепло…

Утром, решив зайти к соседям, Саид вышел из квартиры. Соседка Яхита, соорудив на лестничной площадке печку, готовила лепешки (она готовила их ежедневно и раздавала всем). Все жильцы дома, оставшиеся в городе, а их оказалось человек десять, вскоре собрались там. Он не стал рассказывать им о том, что произошло с ним ночью, но для себя решил, что постарается выйти из города и уйти… Безразлично, куда, лишь бы уйти отсюда…

Но никто не знал, как можно выйти из города. Люди уже со второго дня после начала войны начали уходить, но что с ними произошло – никто не знал. Они просто исчезали, как камень в воде…

Узнав, что в подвале соседнего магазина собралось много людей, подождав, когда стихнет пальба (теперь Саид уже кое-что знал, например, что тогда, когда солдаты обедают, стреляют меньше…), однажды днем он отправился туда. Там, действительно, было многолюдно. Когда спустился в подвал, в лицо удар резкий запах пота, табачного дыма, водки (оказывается, в магазине этого добра было очень много). Он нашел там одного соседа, жившего напротив. Его квартира сгорела в первый же день. Разговорился с ним. Да, из города на машинах вывозят людей. По словам одних – в Надтеречное, Знаменское,

Моздок… Другие утверждают, что всех доставляют в фильтрационные пункты. Сам он решил никуда не уезжать, а остаться здесь, уповая на Бога, так как ничего, что не предписано Им, не может произойти…

Ответа на вопрос, с которым пришел сюда, Саид не нашел…

Когда Саид поднялся из подвала и направился домой, с каким-то скрипучим свистом пролетела над головой мина и упала во дворе. До взрыва он заметил соседа, который шел с бутылкой коньяка в руке. Прогремел взрыв. Сосед упал...

Немного переждав, Саид вышел из подвала, куда опять забежал, прячась от мины. Сосед лежал на снегу, держа в вытянутой руке бутылку. Он крикнул ему, чтобы тот забежал в подъезд. Сосед подошел шатающейся походкой, держа в руках злосчастную бутылку. Казалось, что он не отпустит ее ни при каких обстоятельствах, настолько она была ему дорога…

Вновь послышались разрывы мин, усилилась пальба. Возвращаться в такой ситуации было безрассудно, поэтому Саид вновь спустился в подвал… Там он провел около трех часов и, кажется, что сошел бы с ума, задержись еще хоть немного: оказалось, что в подвале было несколько трупов, которые не успели закопать, да несколько раненых, кричащих, стонущих от боли… Там же – пьяные, лезущие из-за чего-то в драку друг с другом, объясняющиеся в любви, молящиеся… Чеченская, ингушская, русская, армянская, кумыцкая, азербайджанская речь… И посреди всех – расхаживающий, громко проклиная всех, потерявший рассудок мужчина лет сорока (оказывается, когда он отлучился по какому-то делу, в дом угодила мина, погибла вся семья – мать, жена, четверо детей…)

До своей квартиры Саид добрался в сумерках. В подъезде его поджидали двое старых знакомых. Одеты они были в камуфляжную форму. Один вооружен… Они переночевали у него. Спать не ложились… Проговорили до самого утра…

Али и Усман (так звали его гостей) пришли в город, откликнушись на призыв… Теперь же они – как можно быстрее – хотели вернуться домой. По их словам, эта война затянется надолго. В городе положение безнадежное. Главное, утверждали они, теперь выжить, чтобы потом продолжить борьбу. Саид не спорил с ними – знал, что бесполезно.

Они решили вместе выйти из города (Саид не знал, что его подтолкнуло к этому). Они сказали, что в Чечен-ауле у них стоит машина. Нужно добраться туда, а потом можно уехать в Шатой…

Они вышли в путь на рассвете. Путь оказался долгим и трудным, но на второй день дошли Чечен-аула. Оказывается, там жили родственники жены Али. Переночевав у них, рано утром, до восхода солнца, они на машине отправились в Шатой…

Дороги были пустыми, до самых Чишков не встретили ни одной машины. Там они остановились, чтобы расспросить жителей об обстановке на дороге. Никто не советовал ехать дальше: дорога заминирована, часто над ней пролетают самолеты и вертолеты… Но они не прислушались…

Был густой туман. Усман медленно выехал, опустив стекло и высунувшись в окно, чтобы лучше разглядеть дорогу.

– Держись ближе к скалам, так надежнее. Угрозы, что кто-то будет двигаться навстречу, нет, – сказал Али.

Усман послушался своего товарища.

Саид хорошо знал эту дорогу… Когда ехал по ней впервые, было страшновато. На поворотах казалось, что машина вот-вот полетит в пропасть. Потом привык. Ехал спокойно, любуясь нависшими над дорогой скалами, бурлящим внизу Аргуном, лесом, раскинувшимся на его противоположном берегу. Обычно

останавливались у родника, у которого стояла каменная фигура девушки с кувшином, пили там ледниковую воду и отправлялись дальше…

Когда он сидел, предавшись этим воспоминаниям, машина вышла из пелены тумана. Показалось яркое солнце – здесь, высоко в горах, оно светит почти постоянно. До села было недалеко, казалось, что они почти у цели… Но неожиданно появившийся из-за солнечной стороны самолет направил их мыслим в другую сторону: если летчик заметил машину, то конец…

Самолет пролетел на небольшой высоте, оглушив их. Он улетел, но гул его еще был слышен. У них несколько отлегло от души… Но вдруг показался другой самолет, летевший прямо на них, – видимо, с предыдущего сообщили о машине…

– Останови машину, останови! – одновременно крикнули Саид и Али. Усман подогнал машину к скале и остановился. Саид, сидевший рядом с ним, выскочил из машины и бросился к обрыву. Он заметил своих спутников – они укрылись за огромным валуном, скатившимся сверху. От дороги до пропасти была полоса, на которой стояли огромные деревья. Соскользнув на насте, он полетел вниз, но на некотором расстоянии от края пропасти успел ухватиться за корни дерева и, подтянувшись, спрятаться за его ствол. В это время с самолета одну за другой пустили две ракеты. Камни с грохотом проскочили мимо него и полетели в пропасть. Его защитило дерево…

Саид не знал, сколько времени пролежал на снегу… Самолет развернулся, пустил еще одну ракету. Даже после того, как он улетел, он продолжал лежать. Его руки были в крови – ободрал их, когда упал и скользил вниз. Товарищей не было видно. Он посмотрел за валуном – никого… Под грудой камней заметил сапог – он принадлежал Али… Быстро разгреб камни – Али был мертв… Стал звать Усмана, но тот не отвечал. Потом он нашел на дороге его оторванную руку – на запястье были часы… Они еще ходили…

В ужасе он побежал вниз, в туман…

Там, в тумане, Саид присел… Случившееся потрясло его… Разорвав рубашку, перевязал окровавленные руки. Потом, встав, пустился в дорогу. Куда? Этого он не знал…

…Он шел, подавленный горем, с трудом передвигая ноги, как слепой, стуча перед собой палкой, чтобы чувствовать под собой почву, не сорваться в пропасть… Шел в густом тумане, размышляя о том, есть ли в этом мире место, куда можно податься, а если есть, сможет ли добраться до него…

С этой грустной мыслью он продолжал идти по горной дороге, идти, неизвестно куда…

Конец первой части.

---

[1] КМО – Комитет молодежных организаций.
[2] ОКЧН – Общенациональный конгресс чеченского народа.
[3] «Борз» – автомат местного изготовления.
[4] КОУНХ – Комитет по оперативному управлению народным хозяйством.
[5] Отрывок из гимна Ичкерии (подстрочный перевод).
[6] Фрагмент опубликован ранее («Сомнение»).

Поэзи

Михаил Лермонтов

Валарг

Ас хьоьга яздо ларамаза:
ХIунда я муха ца хаьа.
Ас яйина бакъо сайн иза.
ХIун эр ду хьоьга? – ХIумма а!
Делан бакъонца дагахь йисарх?
Хьуна-м тоххара хаьа и;
Хьуна бен –башха доцуш кхин.

***

Хьуна иштта хаа ца оьшу
Мичахь ву со? хIун паналлехь?
Сица хийра ду вайша вовшийн,
Тамаш бу гергара хиллехь.
ДIадахначун агIонаш йоьшуш,
Шайн-шайн рогIехь
уьш дIасайоькъуш,
ХIинцца гIорийнчу хьекъалца
Бов дерригенах тешам сан.
Беламе ма ду шалха лелар
Сайна хьалхахь а оццул шерш;
Адмаш делара ледеш дерш!
Цу тIе а хIун пайда бу тешар
Тоххара дуьйна доцучех?..
Дуьхьала боцу безам леха?
Ханна бен бац синхаъмаш луш;
Баккъала хьо-м сан дагахь еха,
ХIуъа дарх суна йиц ца луш.

***

Цкъа-делахь, дукхей дукха суна
Ехха, ехха хьо йийзира,
Т1аккха балин, синхьийзаман хьуна
Зовкхан денойх мах белира;
ТIаккха эрна дохко вийларца
Аса мог1а лай халчу шерийн,
Шийла ойла дукха ярца
Дахаран т1аьххьар заза дий.
Ларлуш герга вахарца халла,
Къоналлин ловзарш ас дити,
Безам, поэзи йицйи, – амма
Хьо йицъян йиш сан ца хили.

***

Воьлла со оцу ойланах,
Ца текъаш лов сайна тIедеънарг:
ХIара я кхин таIзар схьаделларг?
Цхьаъ дац и. Кхийти дахарах;
Кхолламна турко я г1езало,
Санна, баркалле нийса со;
Ца доьху ханна Деле ирс,
Вон а лов, ца хуьлуш вист.
Хетарехь, Малхбален стиглаша
Со церан элчанан хьехарца
Гергар вина. Цу тIе ду сан
Дахаро а, доьдучу кхерсташ,
Белхаша а дийнахь, буса,
Ойла ечохь новкъа а г1ерташ,
Хьалхарчу гаре дуьгуш дIа
Лазаме са: дог дижна Iа,
Сурт х1отторна парг1ато йоцуш...
Коьрте а къа ца хьегало...
Бакъ ду, бацалахь Iуьллу хьо,
Наб хьегIаш, шуьйра IиндагI лоьцуш
Пепнийн я кемсийн таьллангийн;
Гонаха четарш, кIайн бос кхетта
Уллохь, мара оллийна лаьтта,
ГIийла алашаш гIалгIазкхийн;
Набъеш дайш бу
курпалшна[1] хьалхахь,
Цхьа халла йогуш милташ ю;
Шишша могIа гуш генахь бу;
Цхьамзанаш догу къилбен малхехь.
Ширачух къамел хезира
– Уллорчу четара чуьра:
Вай Ермоловн заманахь леларх
Нохчийн, Аварин лаьмнашка,
Уьш а эшабеш, цигахь летарх,
ТIамехь церан а даларх ка.
Хийистехь дIогахь, гена воцуш,
Элчано аьллачуьнца вог1уш
Ламаз деш, маьрша г1езало,
БIаьргаш ца айдеш, – суна го;
Кхиберш а бу го бина хуьйшуш,
Тов суна бос церан яххьийн

Ма-барра болу бос маьхьсийн,
Церан тишделла куйнаш, пхьуьйшаш,
БIаьрхьажар, Iаьржа доцу шел,
Логан бухара ден къамел.
Кхоссар йи! Баха, зузз-деш, баьлла
Харцхьара хIоъ... Аз долу сий...
ХIан, бели мохь – юхаъ дIатий
Гонаха дерриг... Тов лагIделла,
Говраш юьгуш ю хи мало,
ГIашсалтий меттара бевли;
ХIан, цхьамма хаьхки, шолгIачо!
Ткъа шолгIа рота мича ели?
Капитан хIун? Говран мохь бо?
Ворданаш хьалхахьа дIайига!
«Савельич!» – «ХIун?» –
ЦIетухург сихха!»
ГIовттар дIакхайкхи вотано –
Полкан музыка хеза екаш;
МогIаршна юккъешхула лелаш
Ю зийза курпалш. Инарла
Хаьхкина коьрте ваха дIа...
Ц1огIанца арахь дIасабевли
ГIалгIазкхий шаьш накхармозех;
ДIо хьуьнан йистехь шиннал тIех
Билгалонаш гучуевли.
Ткъа д1охь чалба йолу цхьа мурд
Ц1ечу г1овталахь лелаш веца.
Сирла-сира дин ловзуш бу,
Куьг лестош, воьху лата шеца,
Мила ву майра? Кхойкху цо.
Хьовсалаш: Iаьржа куй тиллинчу
Гребенскерчу гIалгIазкхичо
ДIахохку, йоккхий топ, мурд волчу.
И герга воьду... кхоссар... кIур...
Станичникаш, тIаьхьа гIо шу...
ХIун хилла? Чов йи? – КIад ца хили..
Вовшийн тIетохар доладели...

***

Амма камайрачу летарийн
Пайда бу кIеззиг, алсам ловзар.
Дукха хилира цаьрга хьовсар
Шелочу суьйренашца тхан,
Дегнаш ца тохалуш къиза,
ТIехбохаман балете санна;
Цхьа бакъ ду, ву сурт хIоттор сайна
Сценехь ган йиш йоцурш гина.

***

Цкъа – иза ГихтIа уллохь дара –
Хьуьнхах чекхдовлуш дара тхо;
ЦIе яьлла йогуш тIоьхла яра
Стиглан сийна-сийна нартол.
ТIом хир бу, аьлла, тхоьга дара.
Яра Ичкерин лаьмнашкара
Гуллуш кхайкхамца вежарийн
Нохчийчу тоба къонахийн.
Къедара къагош шира хьаннаш
Хаамийн кIарраш массанхьа,
Цкъа ирх бIогIамех гIуьттуш, цкъа
ДIаса а баьржаш, мархаш санна;
Хьаннаш а сиха денъели;
Кхайкхаран акха мохь бели
Юьззина церан четарш сийна.
Ворданаш ара йовларца
Доладелира гIуллакх дIа;
Арьергардо[2] курпалш дIайоьху;
Кондаршлара тоьпаш схьайоху
Когаш лаьцна текхадо адмаш,
Кхойкхуш бу чIогIа дарбанчаш;
ДIо аьррухьара, хоти тIера,
Курпалш тIе кхоссаели гIера;
ХIоьънийн къора тобана тIе
Iанайо. Хьалхахь тийна хета
Дерриг а. Коьллашна юккъехь
ДогIура хи. Тхо улло гIерта.
Масех граната[3] кхуссу дIа;
Юхаъ дIадоьлху; тийна Iа;
Хетало дуьхьлонан ханнашна
ТIоьхула топ къеггича санна;
ТIаккха ши куй а къедаш го;
Дерриг бецаша дIахьулдо.
И буьрса дист ца хилар, гарехь,
Кхин дукха дах а ца дели,
Цу тамашечу хьоьжуш Iарехь
Цхьа дог тоха делла ца Iий.
Кхоссар... хьовсу: Iоххуш моггIара,
ХIун оьшу? Кхузара полкаш
Зийна ша халкъ ду. «Цхьамзанаш,
Бертахь!» – тхуна тIехьа хезира,
Кхехка дуьйлира кийрахь цIий!
Берриг а эпсарш хьалхахь ги...
Дуьхьалонашна тIе хаьхки дIа
Охьа эккха ца кхиъначо...
«Ура!» – дIатий...» Шаьлтанаш йита,
Хенашца!»[4] – байар долало.
Сахьтан цхьамзанан гуонна,
Бахбелира тIом. Акхарой санна,
Луьра лийти, чучча гIуш,
Декъаша татол дIадуькъира.
ТIекхевди, хи эца лууш
(Тевно а, тIамо а кIадъвира
Со). Амма яьржина тулгIе
Яра цхьа мела, яра цIен.

***

Хин йистехь цу ножан IиндагIехь,
Чекхдевлча могIарх дуьхьлонийн,
Лаьттара го. Вара салти
Голаш т1е воьжна. Кхоьлана гIехь
Хетара юьхь-сибташ церан,
Чан тIехь гун бIаьрнегIарш тIера

БІаьрхиш чоэшна тІе оьгура,
Диттах букъ тоьхна Іуьллура
Капитан. Иза леш вара;
Цуьнан некха тІехь халла гора
Ши чов; лешара тІадмаш цІийн.
Амма садоьІуш вара и.
БІаьрхьежар кхерсташ дара кхерош,
Меллаша луьйш, бохура цо...
«Вежарий, лаьмнашка дІатекхош
Ву. Инарлина йина чов...
Ца хеза...». Узарш деха до.
Амма кІез-кІеззиг луш гІелвелла
ДІатийра Деле са дІаделла;
Тоьпаш тІе тевжина гондІа
Лаьттара мекхашхой къоьжаниш...
Меллаша боьлхуш... Цул тІаьхьа
Цуьнан б1аьхаллин бухдиснарш,
Ларлуш тІе йиллина плащ, дІа
Даьхьира. Синхьийзман вон хьоьгуш,
Со Іийра царна тІаьхьа хьоьжуш.
Ткъа цІераш доттагІийн, накъостийн
Уллохь яхарх а, синош дохуш,
Дагчохь сагатдар ца карий
Я дагахьбаллам меттах болуш.
Дерриг дІатийнера; декъий
ДІагулдинера гу беш; цІийн
КІеж яра тІулгашна тІе Іенаш,
Садукъме Іаь а гІуьттуш тІера
Дерриг хІо дуьзна. Инарла
Вотана тІехь хиина Іара
Бохьчу хаъмашка дугІуш ла.
Дахкарлахь йолуш санна, гора
Лулара хьун молхин кІуьрлахь.
ДІо нийса йоцчу рогІехь лаьмнаш,
Амма даима кура лаьтташ,
Дахделла дара. Казбек-лам
Шен ирчу бохьца къегалора.
Къайлаха сагатдарца йора
Ас ойла: «Декъаза адам.
Цунна хІун лаьа? Стигал цІена
Массарна меттиг дукха ю,
Амма сацца, даим эрна
ТІом беш цхьаъ иза – хІунда ву»
Галуба со юкъах ваьккхира
Белшах куьг а тоьхна. Вара
Иза сан доттагІ. Хаьттира
Ас: «Кху меттан цІе хІун яьккхина?»
«Валарг ю, – жоп цо дели, –
Ткъа шун маттахь Іожаллин хи
Хир ю хІокху ахкан цІе. Елла
Ширчу адмаша хетарехь». –
«Ткъа мас тахна уьш леташ хилла?» –
«ВорхІ эзар воццуш, дийцарехь» –
«Ламанхойх маса хІаллак вина?» –
«ХІун хаьа?» – «Аш вагар ца вина
ХІунда?» – «ХІаъ! царна де хІара
Дицлур дац!» – цхьамма элира.

Нохчо, ца вешаш, дІахьаьжира,
Корта ластабеш мекара.

***

Амма кІордорна кхеравелла,
Беламе ду ловзаршкахь хьан
ТІеман акха сагатдарш тхан;
Хьекъал хьийзо хьо ца марзъелла
Халчу чаккхенан ойланехь;
Къона лаьттачу хьан юьхьтІехь
ГІайгІанан, синхьийзаман ларш суна
Карор яц. Тамаш хета суна,
Іожалла гинехь уллора хьуна.
Дала ма лойла иза ган,
Кхин баланаш бу ойла ян.
Дика дац-ткъа, синош дІаделла
Вай некъ чекхбаккхар баланан?
Гуш цкъа сама ца волу гІан,
Сатуьйсуш сиха самавала?

***

ХІинца хьо марша Іойла: сан
Цхьалха долчу дийцарах хьан
КІадда боцу самукъа далахь,
Ирсе хир ву со. Ца нислахь?
Гечде суна, меллаша ала:
И тамаше стаг вара, ахь!

1840.

Байташ юкъара автора ша дІадаьхна могІанаш:

***

Нохчийчоь гІаьтти ерриге:
Вайн ши эзар вац верриге.
Хастам бу Далла, ворданаш схьа
Коьллаш юккъера йовлуш го,
МогІарехь кхийсар; долало
Арьегардехь а кІез-кІезиг дІа;
ХІан, кхин а йовха... Мохь! Го цхьаъ
ХІинцале текхош ву... ТІаьхьа –
Кхиберш... дуккха а...
тоьпаш кхоьхьу,
Мохь бетташ лоьху дарбанчаш!
Уьш гІорасиз бу-гІо дар доьху:
«Кхуза схьа сихха курпалаш,
Чаччамаш»... юккъехула тийна
Хоти тІехь тоба яьржира,
Хьаннаша сийна го а бина;
КІур буьйлу. ТІехбуьйлу, зуз-дина,
ХІоъзнаш тІехула. Хьалхахь Іенаш
Хи, боьра, – церан йистошкахь
ЖІолам, ханнаш кхузахь, цигахь,
Амма цхьа са дац. Коьллийн генаш

Чучча дахна ду. Улло тхо
Доьлху. БархI курпал хьажайо
Дитташ тIе. Iалашо а йоцуш
Гранаташ боьра яха Iоьхуш,
Лелха лилхи... Ца хеза жоп.
Тхо уллохьа... ХIун ду баккъала!
ХIан, хийти къегаш санна топ,
ХIан, цхьаъа-м веди аьтту агIорхьа...
Схьакъедда, мостагI вели къайла.
Юхаъ хьалха тхо дахара,
Къастаран кхоссар царна йина –
ЦIеххьана ворхI бIе тоьпара
ТIеман цIе тIехьаьрсира тхуна,
Лелха дуьйли агIонашкахь.
Хьалхахь а, кхузахь а, цигахь
МогIарш дуьззина оьгу лаьтта...
Хьозарчий санна, дойу тхо...
ШолгIа, кхоалгIа батальон
Цхьамзанашцана майра лаьтта...

***

ХIетахь тIом кхихкинччахь уггара
Батарейхь[5] со дIатевжира
Кхетам, ницкъ боцуш;
хIоьттина вара,
Амма х1оъ боьхуш хезира
Курпалчас[6] . Бустам[7] хиллера,
Битина, эшахь а аьлла.
Нохчий кхузза т1е, марха санна,
Леттера даьхна шайн тарраш;
Эгна дуьхьло еш берш берриш.
ЛадугIу ас бен-башха доцуш;
Дара садукълуш, наб а йогIуш[8].

Гочдархочун билгалдахарш:

1. Курпал – йоккха топ (шира).
2. Арьергард – эскаран мог1аршкахь т1аьххьара бог1урш.
3. Граната – кхузахь: йоккхачу тоьпан хIоъ.
4. Хенаш – кхузахь тоьпийн баххаш.
5. Батарея – яккхийчу тоьпийн могIа; йоккхачу тоьпан хIоьънаш, гIирсаш чохь болу яьшка.
6. Курпалча – артиллерист.
7. Бустам – цкъа кхоссал хIума (заряд-оьрс.).
8. «Валарг» цIе йолу байт Нохчийчохь 1840-чу шарахь хиллачу хиламах ю – Кавказан могIаран аьррухьарчу флангехь инарла Галафеевс 1840-чу шарахь дIаяьхьначу тIеман экспедицех а, Нохчийчохь Валарг бохучу хитIехь оцу шеран 11-чу июлехь хиллачу цIийIаноран тIамах а. Кавказе ссылке ваийтинчу М.Ю.Лермонтовс дакъа лецира оцу походехь, майралла гайтарца билгал а велира иза. ТIемалойн «хьалхарчу могIаршкахь. уггара майрачарна юкъахь тIелетира иза мостагIчун дуьхьалонашна», – яздора цунна бIаьхьаллин орден яла дезаран хьокъехь долчу шен рапорта тIехь Галафеевс.

Ша М.Ю.Лермонтовс шен доттагIчуннга А.А.Лопухине яздинчу кехата тIехь иштта дийцира оцу тIамах: «Тхан хIора дийнахь хуьлура кхузахь гIуллакхаш, шайна юкъахь уггара а довханиг саццаза ялх сахьтехь дахделларг долуш: ерриге а хенахь цхьамзанашца лийтира тхо. Тхо ши эзар бен вацара, уьш – ялх эзар. Тхайнаш 30 эпсар вийра, 300 гергга могIарера салти а, ткъа церан 600 дакъа дисира Iилла».

М.Ю. Лермонтовн «башхачу говзарех» лорура «Валарг» сийлахь-воккхачу оьрсийн критика В.Г.Белинскис. Цуо яздора: «Иза билгала йолуш ю Лермонтовн поэзин къастамаллин амалан бух хIотточу а, хIора бакъдолчунга а, муьлххачу синхааме а схьабиллинчу б1аьргашца хьежа цуьнан долчу хьуьнаран бахьана чулоцучу а, уьш хаздарх догдиларан а болатан прозин аларца».

(И.Л.Андронников. Билгалдарш. М.Ю.Лермонтов. Соч. гулар. IV томехь. I-ра том. М., 1975. 539-541 агIонаш).

Гочдар Кусаев Iадизан

Проза

Алиев Мохьмад

Йишина г1ортор

Дийцар

Беркате хилла мохк, къахеташ да воцуш, х1аллакбан болийра. Баьхкинчу кхечу махкара хьешаша а: «Еккъа Ялсамане ю-кха х1ара, ма ирсан дай ду шу!» – олура кху махка кхаьчча.

Овкъарлахь, сийначу ц1арах морцуш, багош бара даима оьзда, г1иллакхе, хьаша-да лаьттина мохк. Цуьнан аз цахазарх, и ца лазабо моьттуш хилла-те царна? Хезаш дацара ирсечу берийн аьзнаш. Х1ора дитт, цуьнан х1ора га а, буц, зезаг, садолу, доцу х1ора х1ума, дикка ладоьг1ча, доьлхуш хезар дара аьлла, хета. Бомбанаш етташ, герзаш детташ отучу мехкан да воцуш санна х1аллакдора исбаьхьа 1алам, г1аланаш, ярташ. Байлахь буьсура динна доьзалш. Дай-наной боьлхура шайн доьзалшна.

Хийла х1усамаш йоцуш, арахь буьсура нах. Ткъа цунна цхьанне а ша бехкен а ца хетара. Делан йоза ишта лелла, олура. Ткъа и йоза вай яздойтуш дуй-те, цхьа г1уда хьаьрчина хилли-те вайха? «Баьццара-г1ала» – олуш хилла йолу Гуьмсе, къа ца хеташ, да воцуш сана, отуш яра.

Иштта д1абоьдуш луьра т1ом а болуш, хи карадой хьажа воьду ша аьлла, ваханчу шен ц1ийнадена Мовсарна т1аьхьаяха яьлла, лулахошца йо1 а йитина, и т1аьхьайоьлхуш юхайирзира нана:

– Малкан, ма елхахьа, хьо йилхича со ца яхало!

– Нана, ма г1охьа, хьуна цхьаъ хилахь ас х1ун дийр ду? – бохуш, йоьлхура йо1.

– Малкан, сан жиманиг, ма елхахьа, хьан дех х1ун хилла ца хьаьжча йолий со?

– Ткъа хьо а, дада санна, юха ца яг1ахь, ас х1ун дан деза, со хьанах тешна юьту ахь, хьуна ца го т1еетачу бомбанийн, яккхийн тоьпийн дог1а санна т1е1ена гаьргаш?

– Дера го, нагахь санна, лазийна цхьанхьа хьан да 1уьллуш велахь, цунна г1о дан ца деза, со хье цалуш схьайог1у, вайна дехьа ц1ийна бухарчу ларми чохь Жовзанаг1ар а ма бу, ас цаьрга хьан дола де аьлла… Хьажал, д1о йог1уш ю хьуна иза, ткъа х1инца цуьнца уьш болчу г1о; со хье цало хьуна, – аьлла, юха а Жовзане йо1е хьажа аьлла, т1екаре а йина, ц1еношна т1ехьа къайлаелира йоь1ан нана Залпаъ. Нанас дена г1о дан йоьду аьлча, жимма малъелла т1аьхьа ца йоьлхуш сецира Малкан.

Амма т1амо цхьа а ца хоржура. Берийн дуьхьа, бераш вайн т1аьхье ю, уьш Делан маликаш ду, бохуш, вай дийцахь а, бахамаш керчочохь, дуьненан даьхни къуьйсучохь т1ом юкъа а баьржий, дицло церан дахар. Иштачех цхьаъ яра Малкан а. Цунна ца хаьара баккхийчеран дахарх дерг. Цунна гуш дерг ша кхерар, ц1ахь воцу шен да, цунна т1аьхьа яхна нана а. И дара Малканна а, и санна болчарна а цхьаболчу баккхийчара кечдина дахар.

Ч1ог1а бомбанаш, яккхий тоьпаш т1еетта йолийча ц1а чу оьккхуш, т1еетачуьра севцича, чуьра арайолуш, сарралц нана ларйира Малкана. Мел ч1ог1а шега дехарш дарх, Жовзанаг1ар чохь болчу ларми чу а ца йоьссира иза. Амма суьйранна, кхин нана гуча ца яьлча, чуяхна д1атийра йо1. Шен х1усамдега берашна ледарло ма е а аьлла, Малканца, нана ц1а яллац, хан яккха яхара Жовзан, йо1 шеца схьа ца еъча. Амма, буса т1едетта долийначу герзаша, яккхийчу тоьпаша, довла меттиг йоцуш гатдинера адам. Массо а меттехь догуш ц1енош дара, дийнахь санна серлаяьккхинера аре. Иштта оцу цхьана йоккхачу тоьпан х1оъ Жовзан а, Малкан а 1ачу х1усам чу а кхийтира. Х1ара шиъ хуьлучух кхета а ца кхиира. Ший а бухахь юьсуш т1ебеара ц1енойн пен.

Жимма 1ийча меттаеара Малкан. Амма дериг дег1 лозуш дара. Меттахъхьан

г1оьртича, меттах ца хьалора. Сада1а ч1ог1а хала дара. Малканна дерриг дагадеара: йоккхачу тоьпан х1оъ кхетта шаьшшинна пен т1ебар, оцу к1елахь ша хилар а. Йоха ца юхуш хьалаяла г1оьртира йо1. Дукха къа ца хьоьгуш, йистехьа хиларна мукъаелира иза.

Уггар хьалха кхоллаелла ойла, Жовзан к1елхьараяккхар яра. Шен махуьллу кибарчигаш д1асакхуьссуш х1ара а йоллуш, сагатдина вог1у Жовзанан х1усамда Ваха т1екхечира. Цаьршимма цхьаьна схьаяьккхира Жовзан. Амма кхетамехь яцара зуда. Цунна мелла а сиха лор везара.

«Со х1инцца лор валош схьавог1у, кху чуьра ара ма ялалахь, Малкан!» – аьлла, Ваха лор вало вахара. Шайна юххерачу ц1енна бухарчу ларми чохь лорйиша а карийна, и ялош сихха схьавеара Ваха. Жимма молха-х1ума лелийча, меттаеара Жовзан. «Йойна х1ума яц кхуьнан, амма ч1ог1а лазийна ю, ларми чу д1айига, хье ца еш жимма меттахь кхаба езар ю!» – аьлла, берриг Вахаг1еран ларми чу бахара.

Шен дуьззина кхаьчна доччу кхойтта шарахь дукха х1уманаш гира Малканна. Стенна бо т1ом, стенна бойу нах, х1унда оту г1аланаш, ярташ – цунна жоп дацара цуьнан ша-шена дала а я шега хаьттича кхечунна дала а. Цунна дагахь дерг берийн мерза дахар дара. Иза хила лаьара цунна. Ткъа и доьг1на ца хиллера Малканна.

…Хьераяллал деттачу герзашна, лелхачу бомбанашна юккъехула дехьасехьа лелхаш мала хи карадой хьажа воьду ша, аьлла ваханчу шен ц1ийнадена т1аьхьа йоьду Залпаъ муха нисло а ца хууш, гуттар ч1ог1ачу т1ема юккъе нисъелира. Буьрсачу т1амо гатйина х1ара, яхана таь1инчу иккхира. Х1ара санна цу чохь бийшина зударий а бара. «Ва Везан Дела, ма доккха х1ума дукха х1ара, тхо стенна бехке хилла-те, Хьайн къинхетамах ма дахахь тхо!» – аьлла, стигла а хьаьжна, Деле дийхира цо. Цхьа а шега вистхуьлуш ца хилча, делхарна ц1ийзаш бер а хезна, д1ахьаьжира Залпаъ. Амма зударий, тохара санна, бийшина 1аш бара.

«Ванах, сан Дела, байъина бу-те х1орш?» – аьлла, дагадеара. «Х1ей, зударий, шу дийна дуй?» – аьлла, кхайкхира Залпаъ. Амма дуьхьал жоп доцуш йисира иза. Шена юххехь йолу зуда д1акарчийра цо. Хьеюккъехь тоьпан д1аьндарг тоьхна ц1ен томмаг1а гира цунна. Доллучух кхийтира Залпаъ, шена юххе, ша ен дагахь иччархочо тоьхна йолу д1аьндарг кхетча. Уьш цо байиний а хиира цунна. Амма, царах дан дезарг, уьш болчаьрга кхузахь байъина бу ала, я уьш д1абига, цхьана а тайпана царна г1о-накъосталла дан аьтто бацара цуьнан.

Д1акхевдина, йийна йолчу ненан марара бер шена т1е такхийра цо. Х1инца уггаре хьалха Залпаан кхоллаелла ойла, бер к1елхьарадаккхар яра. Д1аса а хьаьжна, ша лечкъинчуьра аратакха дагахь меттахйолушшехь, юха а иччархочун д1аьндарг кхийтира юххе. «Дала дакъазаваккха хьо, ма ч1ог1а т1аьхьаваьллакха хьо суна, адамаш дойъуш самукъадолуш ву-те хьо!» – аьлла, д1аг1ертарх г1уллакх хир доций а хиъна, цкъачунна д1атийра иза.

Дукха 1ан дийзира цуьнан ша йолчохь. Меттахъхьовшшехьа, иччархочо топ кхуссура. Цо топ кхийсарх, оццул деттачу герзашна Залпаэ хьаьжча т1амах и ца кхоьру моьттур дара, кхера-м кхерара иза яллал, делахь т1амах йоьлла ала мегар долуш хьал дара.

Т1ом д1аболабелчахьана Залпаас а, и санна т1амна к1ел бисинчара а ца ловш, царна ца гуш х1ума ца диснера. Мацалла, хьогалла, 1ожалла, лазийнарш… Масийтта стаг вара церан ларми чохь чевнаш хилла, лазийна.

Иштта, цхьана дийнахь, т1амах бевдда дог1у цхьа зуда, ши бер дийра юххехь кхеттачу йоккхачу тоьпан х1оо. Сарралц лаьттира уьш арахь, цхьаьнне т1евахна д1абохка йиш йоцуш. Буса, т1ом сецча, цхьана нехан беша д1абоьхкира уьш кхара.

Залпаан садуург доьлху бер дара. Ша-м 1ийр яра иза цигахь, ткъа мацаллийна доьлхучу берах къахетара. Цо сатуьйсуш дерг буьйса йолар дара.

Дагадеара, дуьххьара т1ом болабеллачу дийнахь, х1усамда ц1ахь цахилар, шен а, Малканан а кхераялар а. Яла меттиг гатбелла, шаьшшиъ хьаьдда лелар. Т1аккха цхьана ларми чу а нисъелла, цу чуьра ара ца ялалуш шаьшшима кхо

де даккхар а. Мацаллина, хьагаллийна йоьлху йо1, цунна дан х1ума доцуш ша елхар а. «Х1етахь сан йо1 санна мацаллийна доьлху хир ду-кха хьо а!» – бохуш, бер маракъуьйлура Залпаа.

Иштта 1аржъеллачул т1аьхьа а 1ийра иза меттахъхьан ца яьхьаш, амма кхин 1ойла дацара. 1аьржа хиларна иччархочунна ца гуш хилла хир яра иза, я д1авахнехь а, кхин топ кхуссуш цхьа воцуш хьала а яьлла, лечкъаш йог1ура Залпаъ. Хала дара цунна 1аьржачу буса некъ бан. Когах цхьацца х1уманаш тийсалуш, ца ялуш йог1у иза таса а елла охьакхийтира.

Мел 1ийнехь а, кхетамехь йоцуш йоьжна а 1иллина, меттаеъна, корта хьийзарна техка а техкаш, д1аяхара иза. Гена ялале охьахиира: ца яхалора, корта хьийзара. Ткъа бер-м, х1ара кхетамехь йоццу хенахь дукха дилхина кхеттехь а, наб кхетта дара. Оцо а г1еххьа парг1ато лора кхунна.

Х1ара д1аяха ницкъ боцуш хиъна 1аш а йолуш, ц1еношца лечкъаш дог1учу шина адамах б1аьрг кхийтира кхуьнан. Уьш гина дукха самукъадаьлла: «Х1ей нах, г1о дейша суна, охьакхетта лазийна ю со!» – аьлла, аз та1ош цаьрга кхайкхира Залпаъ. Кхуо бетта мохь хезна, т1едера стаг а, зуда а. Х1ара лазийна юй хиъна, цаьршимма г1о а деш, х1орш церан ларми чу бахара, гена баха безаш ца хиларна шен когаш т1ехь д1аяха ницкъ кхечира Залпаан. Амма, чукхаьчча охьа-м юьйжира иза. Мел 1ийнехь, кхетамехь йоцуш 1ийна, меттаеъча, гонаха лаьтташ бара нах. Юххехь хиъна 1ачу зудчо элира: «Корта ч1ог1а лазийна бу хьан, оха, лоьраша, цунах «сотрясени» олу. Хьо мелла а, йиш йолччул меттахь 1ан еза, ч1ог1а хадийна а бу хьан корта, меттахь хан ца яккхахь, т1аьхье дика хир яц!»

– Берах х1ун хилла, и мичахь ду? – аьлла, хаьттира Залпаа, к1ант ву я йо1 ю шена ца хаарна.

– К1ант дикачу хьолехь ву, бакъду, меца а волуш, дукха велхарна жимма ницкъ хилла цунна, делахь кхераме х1умма дац, х1ума а йиъна, дика набъеш ву!

– Ма дика ду иза, – аьлла, доккха са а доккхуш, корта охьа биллира Залпаа, к1ант хилар хиъча самукъа а долуш. Х1унда аьлча, Малканал т1аьхьа кхин доьзалхо ца хуьлуш йисира Залпаъ. Лоьраша цамгар ю хьоьца, кхин доьзалхо хир вац хьан бахарх, къар ца луш, дарбанаш лоьхуш лийлира иза. Амма, кху хиллачу хиламаша дог диллийтинера цуьнга. Доьзал стамбар хьехочохь а дацара.

Ткъа дагахь элира: «Сан йо1ана ваша ву-кха, дахарехь йоккха г1ортор а ю-кха цунна! И вошаллин з1е д1аер яц, кхуьнан дай бовларх а», – аьлла. Залпаана хаьара к1ентан дай иза ца лохуш 1ийр боций, уьш муьлш бу хиъча-м цо ша а д1авуьгур вара к1ант, ткъа тахана и кхочушдан цхьана а кепара аьтто бацара цуьнан.

Цкъа делахь, оцу сингаттамо а садуура цуьнан, к1ант вайна дай холчохь хир буй хаьара цунна, вуьшта иза йоккхаера ша и к1елхьарваккхарна а, шен йо1ана мухха дерзахь, ваша хир ву-кха цунах бохуш а. И гергарло хедарг цахиларх а тешара иза.

– Ц1е муха ю хьан к1ентан? – аьлла, хаьттира лоьро. Цо и хаттар дича, цкъа юьйхира Залпаъ, ша х1ун ала ца хууш, т1аккха.

– Мохьмад ю цуьнан ц1е, – аьлла, жоп делира цо. Йийначу зудчунна юххера схьаэцна ала ца лиира цунна. – Со х1инца д1аяха хьажа еза, – аьлла, меттахъхьайра Залпаъ.

– Ахь х1ун до, х1инцца хьоьга дуьйцуш ца яьллина со, жимма меттахь хан яккха еза, бохуш…

– Диканаш, сан 1ан йиш ма яц, ц1ахь ас ша йитина жима йо1 ма ю сан!

– Ахь мичахь ю дийца, оха схьаялор ю, ткъа хьо меттахъхьуьйчохь яц, – элира, лор ю бохучу зудчо.

– Кхузара генахь яц, ши урам дехьахь, «Серло» олучу туьканан дуьхьал чохь дехаш ду тхо, – аьлла, царна некъ а бийцина, юха а г1ора кхачийна д1атийра Залпаъ. Жимма хан яьлча, юха а лоьро хаьттира:

– Хьо стенгара йог1уш яра? – аьлла. Т1аккха Залпаа дийцира, ша ц1ийнада лаха яхар, хи дан воьду аьлла и вуха ца вар а.

Сатоссучу хенахь ч1ог1а евллачу г1овг1анаша самаяьккхира Залпаъ. «Дерриг арадовла, паспорташ кечде шайн», – бохуш, оьрсийн маттахь деттачу ц1ог1ано 1адийна, кхераелла ша йолччохь д1атийна 1ара Залпаъ. Цу хенахь юххехула д1ахьаьдда йоьдучу лор-зудчо кхуьнга: «Хьан йо1 схьаяло вахана тхан ши стаг вуха ца веана, тхох а х1ун хир ду а хаац, хьайн к1антаца цхьанхьа д1алачкъа!» – аьлла, араелира. Ткъа Залпаъ шен к1антаца сонехь т1ек1елкхиссинчу х1уманашна к1ел текхира. Чу а веана: «Чохь кхин цхьа а вац!» – аьлла, цхьаъ аравелира.

Дикка 1ийра арахь берш цхьацца дуьйцуш. Схьахетарехь, кехаташка хьовсуш хир бу уьш бохуш, 1ара Залпаъ. Уьш оьрсийн т1емалоша д1абигира. Царах цул т1аьхьа х1ун хилира а ца хиира Залпаана.

Уьш цигара д1абаханчул т1аьхьа ара а яьлла, шен йо1 йолчу аг1ор д1аяхара Залпаъ. Кхин башха т1амна к1ел ца нислуш ша йо1 йитинчу схьакхечира иза. Амма, йо1 я кхиберш ца карийра цунна. Йо1е кхойкхуш, Жовзане кхойкхуш, шен дохийна ц1а а карийна, йоьлхуш д1асауьдура Залпаъ. Амма лахарх, мохьбеттарх цхьана а меттехь йо1 ца карийна, хиъна йоьлхуш 1ара нана. Ц1еххьана лаьтта бухара йолуш санна, Залпаана хьалхахь долу цхьа эчиган нег1ар д1а а хилийна, хьалаелира Малкан. Цхьана ханна цецъяьлла сецира Залпаъ, т1аккха елаелира: «Малкан, хьо мичара ели?» – аьлла, т1екхетта йо1 мара а йуллуш, юха йилхира.

Йоьлхура нана, йоьлхура йо1, цаьршиннан дегнашка кхаьчначу кхаьъний хьал хуур дацара цу шинне бен. Дикка йилхира нана, йо1. Т1аккха нанас хаьттира:

– Малкан, хьо х1ун деш яра оцу ор чохь? Мичахь бу Жовзанаг1ар?

– Уьш, цхьана яккхийн машенаш т1е а баьхна, оьрсаша д1абигира, со д1алечкъира.

– Х1ун машенаш яра уьш?

– Хаац суна-м, дукха-м яра уьш!

Йо1а дуьйцучух нана кхийтира.

Залпаъ лазийна йолуш кхуьнан доладинарш санна, оьрсаша д1абигнера Жовзанаг1ар а. Юха мар-мара а кхетта, елха йолаелира и шиъ.

Елхаран шаьшшинна тоам хилча, йоь1ан дуьххьарлера хаттар дара:

– Нана, х1ара х1ун бер ду хьан карахь дерг? – аьлла.

– Малкан, х1ара хьан ваша Мохьмад ву-кха!

– Муха, сан ваша? – аьлла, цецъелира йо1.

Йо1ана ма-дарра дийцира нанас, т1аккха ч1аг1деш т1е а туьйхира, х1ара хьайн ваша ву ала, аьлла.

Нанас дина къамел ша къобалдар хоуьйтуш, ненан карара к1ант схьа а эцна, стигала хьала а хьаьжна, к1ант хьала а ойуш, мохь тухху элира: «Тахана дуьйна сан ваша ву хьо, Мохьмад. Дела, хастам бу-кха Хьуна, Ахь суна х1ара валарна!» – аьлла. Йо1а иштта аьлча, дог к1адделла, мела хиш хьаьвдира ненан б1аьргех. «Сан йо1, сан хьоме йо1, сан хьекъале корта!» – аьлла, йо1 мара а йоьллина, йилхира Залпаъ. Нана йилхича, йилхира Малкан а, цу шиммо г1овг1а яьккхича кхеравеллехь, я мацаллийна велхахь а, Мохьмад а вилхира. Оцу белхарна т1екхечира Мовсар.

– Аш х1ун леладо, шу ма ч1ог1а доьлхуш ду? – аьлла, вистхуьлуш дохийначу ц1еношна т1ехьара шен да схьаваьлча, йоьлхуш дуьхьалхьаьдира Малкан.

Вовшашна т1екхаьчна, хазахетаран доза дан а дацара, т1амо гатдинчу оцу г1ийлачу адамийн. Дерриг вовшех дерг хиъна даьлча, т1ом боцчу махка, оцу шина беран дахар маьрша хилийта, кхин цаьршиннан дог 1овжош х1ума ца хиларе догдохуш, ши бер т1амах к1елхьардаккха д1адаха барт хилира цу шина.

Гуьмсе, 1995 шо

Поэзия

Руслан Юсупов

Красивой девушке

Красивая девушка,
чувственный взгляд,
Творенье природы
и щедрость Аллаха!
Ранимому сердцу – бальзам ты и яд,
Влюбленному ты –
и спасенье, и плаха.

О милая юность, алмазы – глаза.
Как молнии – брови,
как солнце – улыбка.
И розовых щек не касалась слеза,
И в мыслях играет задорная скрипка.

Безоблачны дали, без края простор,
Ведь все впереди,
лишь шагни от порога.
Что ждет тебя, милая девушка гор,
И будет ли мягкой твоя жизнь-
дорога?

Вдруг не совладает твоя чистота
С убогими нравами этого мира?
Его до сих пор не спасла красота,
Не сделала мягче душевная лира.

Не знаю, на что тебе в нем уповать,
Однажды шагнув
за порог на рассвете.
И все же попробуй удачу сорвать,
А я помолюсь – за тебя все в ответе.

Что есть жизнь?

Что есть жизнь без утренней зари,
Что она без дивного заката?!
Вот звезда сверкнула, посмотри,
В небе ясном россыпи дуката.

Отчий край, знакомый нам до слез,
Что мы без него – корабль в пустыне.
Что есть жизнь, когда она из грез,
Где они лишь яркие картины?!

Что есть жизнь без улицы родной,
Где мы родились и повзрослели,

Где мы как за каменной стеной
Стать людьми хорошими сумели,

Где хранит отцовская рука
Честь семьи, достоинство, манеры,
Ну, а мама пожурит слегка,
Если загуляли мы без меры.

Что есть жизнь,
коли твой верный друг
Не уступит лучшую обнову,
Не разделит молча твой недуг,
Прибежав по первому же зову?!

Что есть жизнь,
коли весь шар земной
Не хотелось вдруг обнять от счастья,
Коли не придется в мир иной
Мне уйти с любимой в одночасье.

Друг друга ждут два существа

Минута выпала другая,
Остался я с самим собой.
Невольным мыслям потакая,
Я ими вновь делюсь с тобой.

О том, как встреча затянулась,
Хоть есть связующая нить,
Как снова сердце встрепенулось…
Не будем мы его винить.

Мир так устроен под луною.
Есть свыше знак, – твердит молва.

За суетливой пеленою
Друг друга ждут два существа.

Их неминуемая встреча,
Как трепет чистого листа.
За шагом шаг судьбе навстречу!
Все остальное – суета.

Голос сердца

Упала пожелтевшая листва,
Но дерево еще живет и дышит.
Пусть кажется – исчерпаны слова,
Но голос сердца милая услышит.

Он понесется через расстоянья
И тронет струны замершей души,
И музыкой безмолвного свидания
Разбудит одиночество в тиши.

Все пополам и воедино

Глаза – в глаза, к руке – рука…
И пальцы накрепко скрестились.
Решили мы: наверняка
Мы под одной звездой родились.

Решили, это свыше знак –
Соединить две половины.
И в нашей жизни только так:
Все пополам и воедино.

Все понимая с полуслов,
С годами мы друг в друга вжились.
Не восклицали мы: «Любовь!»,
Но две судьбы в одну сложились.

И даже много лет спустя
У нас ничто не изменилось –
Ни слова грубого, хотя
Такое многим и не снилось.

И крепче лишь в руке рука,
И пальцы намертво скрестились.
И вот уже к строке – строка
Стихи невольно появились.

Теперь не охладить и льдом
Душой согретую обитель,
Сердцами выстроенный дом,
Взаимной верности хранитель.

Когда же встретит старость нас,
Не знаю, что нам Бог готовит,
Но пусть Он в день один и час
Два сердца сразу остановит!

Сегодня ты на троне, а потом…

А хочешь, я скажу тебе, кто ты?
Не мешкая, лишь на одном дыханье?
Ты – образ, порождающий мечты
И дум высоких ты благоуханье.

Ты – грация, ты – линия любви,
Классический
образчик совершенства.
В душе и в жилах голубой крови,
Судьбою нераскрытое блаженство.

Ты – озаренье страстного пера,
Оазис поэтических скитаний,
Стихов неразразившихся гора
И песнь несостоявшихся свиданий.

Ты – чья-то оглушающая грусть,
Бездонная тоска аристократа.
С твоим умом читают наизусть
Изыски от Хайяма и Сократа.

Тобой живут во сне и наяву,
Трепеща под неотразимым взором.
Ты в книге судеб новую главу
Могла б открыть невиданным узором.

Но ты одна, и одинок твой дом,
И тысяча достоинств – под замками.
Сегодня ты на троне, а потом
Умчатся годы, помахав руками.

Не будь немой картиной на стене,
Живые краски сохнут и бледнеют.
Давно настал черед твоей весне,
Когда цветет сирень и сердце млеет.

Не вдвоем

Под вечным белым снегом
Проходят день за днем.
И мы под этим небом,
Но только не вдвоем.

Что с нами дальше станет?
Как все, в весну шагнем,
И лед вокруг растает,
Но мы-то не вдвоем.

Потом наступит лето,
Зальет закат огнем,
И будем ждать рассвета,
Но только не вдвоем.

И очарует осень,
И золотом запьем
Мою хмельную проседь,
Но только не вдвоем.

Что дальше? Все сначала…
И ничего не ждем,
Поскольку нет причала,
Где будем мы вдвоем.

Тонкие души есть и у мужчин

Миловидная женщина,
что за нелепость?
Расскажи, отчего ты сегодня одна?
Жила ли ты,
как неприступная крепость,
Или в дом твой
еще не стучалась весна?

А может быть, ты обожглась и сгорела
И лишь в одиночестве ищешь покой?
Или тонкой душой
полюбить не успела,
Сломавшись невольно
под грубой рукой?

Не все в этом мире течет гармонично,
Не в каждом союзе сплетают венец.
Увы, расставание в жизни привычней,
Чем крепкие узы влюбленных сердец!

Но жизнь, к сожалению,
не повторится.
Она, как ни грустно, бывает одна.
И можно, и надо еще раз влюбиться,
И в дом твой не раз постучится весна.

Миловидная женщина,
встретится счастье,
И нет у тебя для унынья причин.
И сложится все у тебя в одночасье –
Ведь тонкие души есть и у мужчин.

Я и ты

О сладкий вкус моих воспоминаний,
Я тешусь вами на закате лет.
Купаюсь в страстном
омуте признаний,
Где не всегда лилась любовь в ответ.

Где были муки на износ и ночи
Бессонницей, отчаяньем полны;
Где были дни туманных многоточий,
О чем порой напоминают сны.

Но сколько было
радостных мгновений,
В которых – жизни истинная суть,
Когда в пылу взаимных откровений,
Казалось, в клочья разорвется грудь.

Мне не забыть минуты ожиданья
Пленительного слова о любви.
Я буду помнить каждый час свиданья,
Когда в глазах читалось: «Позови»!

Я помню все: хорошее, плохое…
Спасибо, память, за твои труды.
Пусть будет рядом где-то все былое,
А в настоящем будем я и ты!

Проза

Шамсуддин Макалов

Чужой у своего отечества

Рассказ из цикла «Записки врача»

Рвусь из сил, из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера.
Обложили меня, обложили,
Но остались ни с чем егеря.
Высоцкий

– Дядя, а кто такие абреки? – спросил я, когда Тасу закончил свой рассказ.

– Гилани, – ответил Тасу, – создать собирательный образ абрека почти невозможно. Это были слишком разные люди. Среди них были идейные борцы, к которым я отношу себя. Были откровенные уголовники, романтики, искатели приключений. Это были те люди, которые не могли найти места в устоявшемся быту и искали себя в необычных ситуациях. Разбой становился для них образом жизни. Они все считали, если привыкнуть к этому – можно легко жить. Им нравилось, что у них в руках оружие. А по национальности разные. Я помню, в банде Косого Идриса был даже русский паренек. Он был из Кубани. Ему было лет восемнадцать – не больше. Вечно пьяный отчим бил его часто и крепко. Парень не выдержал и убежал. А здесь его никто не унижал, все бойцы обращались с ним как с равным. Став мусульманином, взял имя Борз. Был смелый, шел на самые рискованные операции…

– Дядя, а как вы расквитались с Амчи?

– Вот об этом я тебе хотел рассказать. А по ходу рассказа буду тебе петь об отважном абреке. Тайком возвратившись домой, я в полночь с большим волнением вошел в Урд-Юрт. И первое, что я увидел – нет нашего дома, перестал существовать очаг моих предков. Лишь ворота стояли на месте, а там, где был дом, кем-то был заложен фундамент. Все вокруг заросло колючим кустарником. В глазах моих потемнело. С трудом подошел я к дому, где когда-то мы жили. Подбежала и присела поблизости крупная светлая овчарка, с небольшими подпалинами на боках. Я в ней сразу узнал нашего Бурана, с острыми ушами и толстым хвостом. Когда-то я его учил нехитрым собачьим премудростям: приносить брошенную палку и понимать несложные приказы. «Буран!» – окликнул я. Если б ты знал, лекарь, какая это была встреча! Он узнал меня, хотя прошло четыре года. Я приласкал его, потрепал за уши и нежно погладил. Буран бросился ко мне и беспокойно стал тыкаться головой в мои ноги, затем лизал мне руки и смотрел на меня несчастливыми глазами. У него не было настроения резвиться. Видимо, он все эти годы сторожил это место и ждал своих хозяев, которым, кроме меня, не суждено было вернуться назад. От воспоминаний у меня по щеке покатилась слеза. Я мусолил одну самокрутку за другой и перебивал кашлем рвущиеся из горла всхлипы. А Буран уже лежал у моих ног, как несколько лет назад. Я, как мог, накормил его из своих запасов. Как и я, он был бездомным. Мне стало жалко нас обоих. Но надо было идти.

Видно было, что он опять переживал те минуты. Глаза его смотрели сквозь меня. Я невольно поддался его чувству. Перед моими глазами стояли развалины дома, Тасу, склонивший голову, и собака, тихо скулившая у его ног.

Тасу потянулся к дечиг-пондару, лежавшему в стороне, взял в руки, погладил его, начал перебирать струны. Затем продолжил:

– Дул промозглый осенний ветер, становилось все холоднее. С тяжелым сердцем я расстался с Бураном. Как умное животное, он знал, что забрать с собой я его не могу. Вышел на дорогу и пошел к Хакиму, к дяде по матери. Но его дома не оказалось. И неизвестно было, вернется ли когда-нибудь. Бедный Хаким! Оказывается, он был арестован и отправлен в красноярские лагеря. Вот наша Петимат как раз является его дочерью. Она мне доводится сестрой по материнской линии. Она будет очень рада тебе.

Лето 1941 года я провел, скрываясь далеко в горах у своих дальних родственников. Узнав о моей трагедии, они сочувствовали мне, печалились обо всех погибших, об утрате моих родителей. Но вскоре разными намеками стали высказывать свою тревогу. Их можно было понять, и я не обижался. Они боялись за себя, за свои семьи. Кругом были доносчики и осведомители. Началась война с немцами, и карательные отряды чекистов в горах стали свирепствовать. Меня разыскивали как опасного преступника, бежавшего из мест заключения. И я решил уйти в горные пещеры. Решил больше не подвергать опасности родственников и знакомых.

Он опять замолчал, продолжая перебирать струны. Затем он заиграл какую-то грустную мелодию и вдруг запел. Меня поразили слова песни. Они врезались в мою память.

В чеченском селенье каком-то, когда-то
Жил с дочерью юной пришелец-старик,
Однажды в мечети, в час тихий заката
Джигитам сердца всколыхнул его крик:
– Кто тройкой меня одарит одномастной,
Дзугаш тот моей обладать будет ясной!
И бросились юноши тройку искать
Масть к масти коней-скакунов подбирать…

Бедняк Магомет, но однако без боя
Дзугаш не отдаст он желанной своей,
Поклялся искать и не ведать покоя,
Пока не достанет он нужных коней.
В чеченском селенье у сакли абрека,
У сакли Солсы он слезает с коня,
Стучится и прямо:
– Ассаламу алейкум,
Коней одной масти найди для меня,
Я гостем и другом тогда твоим буду…
Солса отвечает:
– Коней я добуду…

– Эту песню я знаю давно. Она запечатлелась в моей памяти, и я часто пою ее сам себе, когда на сердце становится очень тоскливо. Она называется «Абрек Солса». Доля абрека, Гилани, трудна и опасна. Подвиги требуют жертв и борьбы. Просят души они сильной и страстной, жаждут улыбки безоблачно-ясной, в час роковой завершенья судьбы. Абрек похож на волка, который не выносит ярмо и опеку. И поэтому часто в наших песнях волк становится его другом и товарищем.

– А что дальше, дядя?

…Уехал абрек, пропадал до рассвета,
А утром он тройку привел к Магомету
Красавцев гнедых, одинаковых станом:

– Бери. Не понравятся – новых достану.
Простившись, поехал с подарком-конями
Гость к белым вершинам своей стороны.
Солса вошел в саклю и видит слезами
Залитое личико милой жены.
– Ты плачешь? О чем? Не о том ли, что кони
Достались гостю? И если о том –
Ты мне не нужна. Позабыть о законе –
Желании гостя – не может мой дом, –
– Жена твоя плакать о тройке не будет…

– Уйдя в горы, я сделал себе несколько тайников. Один из них до сих пор посещаю, когда надо уйти подальше. Итак, я стал отшельником. Я жил одной надеждой – во что бы то ни стало отомстить Амчи за его преступление, совершенное над нашей семьей. Он был тогда самым ненавистным человеком на земле. Он сгубил ни в чем неповинную семью. Это было большое зло, Гилани. Я оставался единственным мужчиной в этом роду, и я должен был совершить правую месть. Амчи стал моим кровным врагом. Я клялся после каждого намаза, что гибель моих родных будет отмщена. Я не имел права предстать перед их душами, не отомстив. Потомки даже через семь колен говорили б об этом. И я принял на себя этот обет. К этому времени Амчи уже не был председателем сельского Совета, но работал бригадиром в колхозе и являлся осведомителем НКВД. Органы знали, что в его характере делать гнусности и подлости. Многие за это имели на него зуб. Он сразу пронюхал о моем приезде и принял все меры, чтобы обезвредить меня. Он знал, что пощады от меня не будет. Даже хотел вместе с родственниками поймать меня и сдать властям. Но это меня не пугало, все равно меня было не найти. Я начал охотиться за Амчи. По ночам бесшумно подкрадывался к его усадьбе, выжидал удачного момента. Амчи хитро прятался, проклятый…

– Видно, знал, что ему несдобровать, – сказал я.

– Знал, конечно. Знал, что является единственным виновником постигших нас бедствий. Но утопающий хватается за соломинку. Однажды прислал посредника ко мне, но о примирении не могло быть и речи. Тогда последний луч надежды погас у него в глазах. Рассказывали, как, сгорбившись, став непривычно тихим, он бегал по органам. Только под их сенью он чувствовал себе уверенно, согласовывал очередной план моей поимки. А те, зная, что его больше беспокоит собственная шкура, насмешливо и хитро улыбались ему и понимающе кивали головами. Они тоже, видимо, понимали, что рано или поздно ему придется расплачиваться за содеянное, раз по воле Аллаха я вернулся в живых из того богом забытого места. Итак, Гилани, моя удивительная, как тебе кажется, жизнь только начиналась, а что мне предстояло вынести и перетерпеть – знал только один Аллах.

Он опять запел, продолжая начатую песню. Я задумчиво уставился на горевший костер.

– …Сегодня я ночью вошла в твой покой,
Но там был не ты, а наш гость, и до груди
Коснулся моей он стальною рукой,
Два пальца коснулись, притронувшись только…
И их он кинжалом… Солса, мой абрек…
Промолвив: «Я гость и дурного нисколько
Не думал», – над этой тарелкой отсек.
В ней прыгали пальцы, Солса, как живые…
Замолкла… Потупив глаза огневые...
Ни слова абрек не ответил жене,

Не мог отыскать нужных слов для ответа,
А дней через пять уже был на коне –
На званую свадьбу спешил к Магомету…

Чтобы лучше знать жизнь и «секреты» абрека, я на первых порах связывался с группой Идриса – Косого Идриса, как его называли в горах: при перестрелке пуля угодила ему в левый глаз. Когда я через посредника пришел к нему, он со мной потолковал с полчаса. Это был тогда еще крепкий мужчина лет под сорок, с вострым и злым глазом. Голова была закутана башлыком. Он держал в повиновении свой достаточно большой отряд. Меня он принял приветливо. «Мы одного поля ягоды», – заявил он, улыбаясь. Он видел что-то общее между нами. Видимо, то, что оба мы по одним и тем же мотивам не дружили с советской властью. Он, как и я, понимал, что нельзя победить такого сильного врага, как сталинская власть, но все же, нанося этому врагу хотя бы мелочный урон, считал себя счастливым. В этом наши точки зрения сходились. Он высказал мне боль и горечь, накипевшие на сердце. Ему было жаль односельчан, которые терпели притеснения власти и безропотно подчинялись ей. Когда он знакомил меня со своим отрядом, то поведал о моей тяжелой судьбе и просил каждого быть ко мне внимательным. Этого же потребовал его сподвижник и друг, мулла Джаватхан, который любил меня, как сына. Говорившие о нем, в целях конспирации, имени почти не произносили. Идрис был смелым и ловким человеком. В нем было что-то одновременно отталкивающее и привлекающее. Отталкивал его внешний вид и периодические вспышки его гнева, а в целом в груди этого человека под пудом пороков билось доброе и отзывчивое сердце. У него был гордый и справедливый характер, за что его уважали, как главаря. Он, как мог, строго соблюдал горский этикет и законы предков. В этом его упрекнуть не мог никто. Идрис не обижал и не грабил бедных и слабых, как мог пресекал произвол местных властей и колхозного начальства. Налеты свои, в основном, совершал на территории Ахметовского и Душетского районов Грузии. Знал все тропы в Панкисском ущелье и жил с отрядом, в основном, за счет угнанных оттуда овец и скота. Если удавалось, то отдельные молодчики умыкали себе красивых невест, которые затем разделяли с ними трудную долю абрека. Мы часто собирались в его родном Хилдехарое, что недалеко от села Итум-Кале. Идрис был опытным абреком. Я многому обязан ему. Смелость, ловкость, дерзость – все от него. Многие оперативные группы направлялись в горы для выявления и ликвидации Идриса, однако он уходил со своими друзьями невредимым. Помню, однажды попали мы в засаду у хутора Люнки. И вырваться из окружения нам помогло население хутора. Оно стало на нашу сторону. Ему надоело жить под гнетом властей, которые оказались хуже царских чиновников. Проклиная большевиков, они помогали нам. В этой стычке я был оглушен прикладом винтовки и мне несколько дней пришлось проваляться у знакомого чабана. От него я знал, что по доносу Амчи арестовали моих родственников по матери, якобы за мое укрывательство. Это было слишком. Мне было неудобно перед ними. Я представил полные укоризны их глаза. Поэтому я решил срочно покинуть отряд Идриса и рассчитаться с Амчи.

Идрис меня не удерживал. Он сам был человеком чести. Даже предлагал свою помощь. Когда же я отказался от помощи, дал с Джаватханом несколько полезных советов. И в один из весенних вечеров они с Джаватханом ушли на святую гору Кес-Корт, а я в сторону Урд-Юрт…

– А что это за гора? – спросил я.

– Говорят, что когда-то там жил святой по имени Рамзан-Али. И многие годы его жизни были связаны с этой горой, ставшей святыней. Сам Рамзан-Али поражал людей тем, как много он может сказать, не говоря ни слова. Он молчал, не пытался ни писать, ни диктовать какие-либо поучения

человечеству. Однажды утром Рамзан-Али совершил довольно длительное и трудное восхождение на гору. Он стоял у обрыва горы, воздев руки к небесам и произнося молитву, вдруг поднялся в воздух и исчез.

Так вот, Идрис с Джаватханом ушли на эту гору, чтоб именно там сделать намаз, а я, как уже говорил, отправился в сторону Урд-Юрт. Я вышел из пещеры Идриса, когда солнце скрывалось за гребнями снежных вершин. Моя лесная тропа шла, то опускаясь в глубокие ущелья, то поднимаясь по крутым склонам, то вилась по самому краю обрыва. Было уже по-весеннему тепло. Долгожданная весна поднималась в горы и одевала в свой зеленый наряд леса, луга. Запели ручьи. Торопясь к Аргуну, они стремительно неслись вниз. Лес просыпался от зимней спячки, начинался конкурс птичьих голосов. Я шел легко, пружинисто, но не терял осторожность. Теперь мне было не так трудно, как вначале. Я успел облазить все горы и скалы. Многие овраги и пещеры знал уже наизусть. На лунной поляне я увидел одинокого волка. Он был худой, видимо, зима была к нему неблагосклонна. Его красные огоньки-глаза горели во тьме. Я слышал его подвывание, которое щемило сердце. Мне стало жаль его. Он чем-то напоминал меня. Я не стал его беспокоить, свернул на другую тропу. Я шел, и со мной величаво плыла серебристая луна. Кусты выскакивали перед самым носом и злорадно в темноте хлестали по щекам. К рассвету я дошел до знакомой большой липы. У нее было два дупла. В верхнем жила белка, а нижнее временно занял я. И сразу же заснул, подложив под голову свою засаленную и провонявшую потом папаху. Ночью я бодрствовал, а днем отсыпался. Ночь была моей союзницей. В дупле я пролежал целый день. К вечеру пошел к одному знакомому пастуху расспросить об Амчи. Но пастух был запуган и со всей прямотой дал почувствовать, что мало расположен ко мне. На вопросы отвечал неохотно. Все были напуганы последним арестом моих родственников. Пришлось уйти назад в свою спальню. Спал я с оружием, с оружием ходил по нужде. Лишь на третьи сутки я узнал, что Амчи уехал на мельницу и должен вернуться к вечеру. Между селом и мельницей, в густом лесу, тянулась лесная дорога. Я залег в засаде, выставив на дорогу ружье. Это было удобное место. Отсюда можно было спрыгнуть на дно оврага и юркнуть в кизиловую рощу. Кругом был знакомый и родной лес. Была близка каждая веточка, каждая травинка. Трудно было усидеть на одном месте. Мучительно долго тянулось время. Спрятавшись в зарослях, я раздумывал: если он будет один, то обязательно убью, а если с людьми, то придется отсрочить и тихо уйти. Мой взор был устремлен на лесную дорогу. За час прошли два человека, но Амчи среди них не было. Вечер был прохладный. Стояла лесная тишина. Даже перестали перекликаться невидимые птицы. Амчи не показывался. Я уже было решил встать и пойти в сторону мельницы. Но вдруг услышал глухой топот копыт, из-за поворота показался всадник. Когда он подъехал ближе, я узнал Амчи. Мне повезло. Он был один. Я посмотрел на него. Он почти не изменился за эти четыре года. Я вышел навстречу. Он, глядя на меня, хотел проехать мимо, но я, перегородив дорогу, как можно спокойней сказал:

– Амчи, не торопись. Сойди с коня. Мы не виделись больше четырех лет. Надо поговорить.

Он придержал коня и, конечно, узнал меня. Лицо посерело, губы стали бледными и бескровными.

– Ты кто? Уйти с дороги. Что тебе надо, бандит? Я тебе покажу! – и рука потянулась за револьвером, рукоять которого поблескивала из-под кобуры справа на боку. Но я опередил. Откинув полу своего плаща, направил дуло ружья в грудь и приказал:

– Ни с места, негодяй! Не делай вид, что не узнал. Я Тасу, сын несчастного Джабраила, которого ты оклеветал и отправил в Сибирь на каторгу. Гибель нашей семьи на твоей совести. Да окажется в яме тот, кто роет ее другому. Ты поступил коварно и подло. Я столько ждал этой встречи, и Аллах мне

помог. А теперь слезай, – приказал я предостерегающе, следя за каждым его движением.

Несколько мгновений царило молчание.

– Мне поведали, что ты вернулся, бандюга, – презрительно сказал Амчи. – Что тебе надо от меня? Прочь с дороги. Не одного твоего отца раскулачивали. Их было много. И я к этому делу не причастен. Это твой бред. Уходи, иначе пожалеешь. Мне сказали, что ты в банде Идриса. Совсем потерял разум.

– Амчи, это не бред. Из-за тебя я остался один, как перст. И мне больше нечего терять. Не уйти тебе от моей мести. Отправлю тебя кормить червей. Многие в селе будут благодарны.

– Одумайся. Неужели ты не знаешь, что тебя ждет? – встревожился он.

– Веревка, хочешь сказать? Я ее не боюсь.

Наступило тягостное молчание. Амчи лихорадочно соображал, как выйти из этого положения.

– Постой, постой, не горячись, – сказал он, немного придя в себя и изворотливо меняя тон. – Послушай меня, не пожалеешь…

– Говори, что у тебя. Не тяни время.

– Слушай внимательно. Я хочу тебе помочь. С отцом твоим у меня, действительно, были свои счеты. Он когда-то опозорил меня. Это было давно. Но к тебе, клянусь Аллахом, зла не имею. Будь терпелив. Ты молод. Взгляни на меня. У тебя есть шанс. Это последняя возможность. Я могу замолвить словечко… Тебе и твоим родственникам могут простить, если…

– Что, если?

– Если ты… Подумай хорошенько. У тебя смышленые живые глаза. Утро вечера мудренее. Тебе надо только вкрасться в доверие к Косому Идрису и Джавахтану. Навести на них органы… Мышеловку, понимаешь? А там… а там все зависит от их оперативности…

– Амчи, бесстыдный подлец, – прервал я его. Я даже вздрогнул, услышав это наглое предложение. – Этим ты хотел смягчить меня? Никогда этому не бывать. Никогда! Такой ценой я никогда не куплю свободу. И ты, после того, что сделал с нами, хочешь склонить меня к бесчестному поступку?

– Тогда подохнешь, как собака. Я забыл, что ворон ворону глаз не выклюет.

– Ты прав. Я готов нагой ходить по селу, чем продаваться вам. Бог не мой и я не Божий, если я тебя не убью. Защищайся! Получай по заслугам!

Амчи выхватил револьвер. Но я опередил его. Мой выстрел из ружья нарушил тишину вечернего леса. Лошадь отпрянула в испуге, а тучный Амчи мешком свалился на землю. У меня не было к нему жалости. Вторым выстрелом в голову я прикончил его, как собаку. Прикрыв его голову его же папахой, я сел на его лошадь и ускакал прочь. Все обошлось очень удачно, и я за последние четыре года вздохнул с облегчением: наконец-то я рассчитался с Амчи.

Он опять запел, и в наступившей темноте было очень странно слышать его голос:

Ту свадьбу сыграли, как должно джигитам,
Солсу провожает домой Магомет,
Абрек задержался: «Скажи, – говорит он, –
В душе у тебя на Солсу злобы нет?
Ты хочешь – мы будем, как кровные братья,
Делить радость-горе в скитаньях своих?»
И встретились руки в могучем пожатье,
Одна без двух пальцев из них…

Тасу замолчал, но в тишине еще долго звучал его голос, воспевающий подвиги Солсы. Он думал о чем-то своем, в его глазах плясали кровавые отблески пламени.

– Я люблю такие песни, – сказал он, наконец. – Я их часто пою сам себе. Они меня, как друг, утешают. Ведь жить одному, как бирюк, как медведь в берлоге, нелегко. Сам на себя никто не нарадуется.

– Дядя, а где вы были, когда началось переселение? Я хочу побольше узнать о былом, о разных событиях прошлого, – я устроился поудобнее, скрестил на груди руки и стал ждать рассказа. Не смел дышать, стремясь не пропустить ни слова из того, о чем ведал голос Тасу.

– Не описать словами это горе, – начал Тасу.– Я несколько месяцев находился в Грузии, вернулся домой в конце 1943 года. Прятался в тайнике недалеко от Урд-Юрта. Целыми днями читал Коран, пел религиозные песни, играл на дечиг-пондаре. Однажды я увидел много военных в селе, и у меня появилось предчувствие, что тут что-то нечисто. Я еще в Грузии слышал, что против нас готовится какая-то операция. Какая – я не знал и на душе было неспокойно. «Ведь идет война, а столько солдат держат тут, в горах. Зачем? Для чего? Чего они хотят?» – думал я. И предчувствие мое не подвело. Однажды в зимнее утро до моего слуха донесся плач женщин и детей. У-у, Гилани, это было страшное утро. Окрики военных, автоматные очереди, крики, плач, стоны и, конечно, проклятия… Я видел в бинокль пылающее в огне родное село. Это было ужасно. Я подумал, что это дурной сон. Протер глаза… Но, увы, это был не сон. Крик отчаяния вырвался из моей груди. Я незаметно спустился в село. Узнав, что всех выгоняют и отправляют в Сибирь, я зашел за один из пылающих домов и, обезумев от ярости, открыл огонь по военным мундирам. Не помню, сколько пустил рожков, и ушел оттуда лишь тогда, когда меня стали окружать и забрасывать гранатами… Я ушел в горы в дикой злобе, дав Аллаху слово мстить до конца своих дней. Увиденное на долгие годы прятало от меня свет солнца и красоту мира…

– Ну а после переселения? – спросил я. – Расскажите, дядя, сделайте милость.

Тасу поерзал, устраиваясь удобнее, и сказал:

– На первых порах мне казалось, что надвигается предел моей жизни. Вот-вот затихну навсегда. Подумать только! За сутки не стало родного народа. Не каждое сердце это вынесет. Жить стало незачем. Я забывался в темной, неотвязной думе о своих односельчанах, представлял себе, как бедуют они в далеком Казахстане без еды, без крова, погибая от холода, голода и мора. Злая тоска разъедала грудь. Порой скручивала она меня так, что долго лежал, закутавшись в бурку, и выл по-волчьи, сотрясаясь всем телом. Однажды, когда мне стало совсем невыносимо, я спустился в село. Сгущались сумерки. Тишина. Тишина. Только жалобно выли уже бездомные собаки. Чтоб не слышать этот вой, я рванулся в первый попавшийся дом. Освещая себе фонарем, обошел все комнаты. Стены, потолок начинали рушиться. «Вот что значит холод одиночества», – подумал я. Не было людского тепла. Не было в печах огня. Не было запахов чурека, жареной кукурузы… Я заходил из дома в дом. Здесь жил Хизар, а здесь Жамбик, а тут девушка по имени Седа, которая мне нравилась и которой я так и не успел признаться в любви. Мне казалось, что каждый дом, глядя на меня темными окнами, говорит: «Ты один у нас остался, Тасу. Отомсти, отомсти, отомсти… Убей этого дракона, который погубил твой народ, в утробе его скрежет кандальный и стоны миллионов невольников…» За ночь все рассказать не успею, Гилани. Только скажу, что здесь оставалась небольшая часть людей после переселения, случайно или намеренно ушедшая от высылки. Вот с ними чекисты расправлялись по-страшному: уничтожали без суда и следствия. Я этим людям помогал, как мог. Прятал в пещерах женщин и детей, доставал еду, запрещал есть найденную пищу, потому что ее подбрасывали специально отравленной, а жилища минировались. К счастью, оставшихся в живых до начала холодов собрали и вывезли в Казахстан. За ними, по заданию властей, приехали почитаемые в народе люди. Я после этого

свободно вздохнул. Как гора с плеч. Иначе они за зиму все бы погибли, – Тасу вновь умолк. Под впечатлением рассказа я сцепил пальцы рук и закрыл глаза. Тасу показалось, что меня потянуло ко сну. – Хорошо бы поспать тебе, Гилани, один-два часа, – голос Тасу донесся до меня как из глубины веков.

– Не беспокойтесь, дядя, – сказал я, посмотрев на часы, – мне не хочется спать. Ночь только начинается.

– Тогда, что бы ты еще хотел от меня услышать?

– Дядя, – сказал я, – мне бы хотелось задать вам один вопрос.

– Говори, – ответил Тасу.

– Вы были когда-нибудь влюблены? Была ли у вас любимая девушка?

– Ты знаешь, Гилани, я мало чувствителен к женским чарам. И все же мне была приятна одна. Золотокудрая канатоходка, которая исполняла танцы на канате. Была красива, юна, свежа... Хотя клоуны старались вовсю отвлечь от нее внимание, чтобы не сглазить ее, это им не удавалось. Звали ее Баху. Как увидел ее, не стало покою моему сердцу. Меня тянуло к ней какой-то невидимой силой. Жила она с дядей, тоже канатоходцем, который со своей труппой в теплое время года разъезжал по дагестанским и чеченским селам. Это долгая и невеселая история, но я тебе кратко расскажу о ней. Она приехала в наше село. Это было в конце мая. В это время за мной гонялись чекисты. И все же я пошел на это представление, переменив одеяние и внешность так, что даже брат родной, со мной встретившись, не узнал бы. Представление состоялось на сельской площади. Здесь были и музыканты, и клоуны в лоскутных костюмах, и жонглеры, ну и, конечно, Баху с дядей. Клоуны веселили зрителей, падая вверх тормашками под дружный смех. И все же своей грациозностью и виртуозностью всеобщее внимание привлекала Баху. Я видел, как она с завязанными глазами и кинжалами в вытянутых руках медленно продвигается по натянутому канату. Улыбка не сходила с ее губ. И вот она достигла середины, замерла на какой-то миг, заиграла зурна и начался огненный танец. Мелодия, казалось, поднимала ее на своих крыльях. Она танцевала легко и изящно, в такт музыке перебирая ногами. То с размаха садилась на канат, то снова подпрыгивала вверх. Она танцевала с таким упоением, и мне казалось, что ей все подвластно и все возможно. Казалось, что ей помогает какая-то волшебная сила. Сельская площадь взрывалась восторженными криками. Она свободно и легко выполняла сложные фигуры своего танца. Я не сводил с нее глаз до конца представления. Эта была красавица с золотыми косами до пят. И говорили, что она к тому же превосходно владеет оружием, может на лету попасть в монету. Наконец, когда присела отдохнуть на деревянный помост, я подошел к ней ближе, ведя на поводу своего коня. Я был в черкеске и каракулевой папахе. В это время один из клоунов, изображая злого пса, начал свой бег, кидаясь на людей, отчего толпа отхлынула, и я вдруг, как во сне, остался рядом с ней один. Подбежавшему клоуну я дал деньги, и он оставил меня в покое.

– Баху, – сказал я. – Меня зовут Тасу. Если ты не будешь моей, я умру. Я еще никому не говорил этих слов.

Она улыбнулась и ответила:

– Значит, они для тебя самые святые… Но ты опоздал. У меня есть жених. Его мне нашел мой дядя Алимирза, и от его воли я не отступлюсь.

Я в этот же день поговорил с ее дядей.

Он вскипел и ускорил свой отъезд из нашего села.

Но я не сдавался. «Не тушуйся, джигит», – успокаивал я сам себя. Из аула в аул переходили артисты, демонстрируя свое искусство, и я неотступно шел за ними. Я побывал во многих чеченских и дагестанских селах, где раньше никогда не был.

– И вы не боялись? – спросил я.

– Ты знаешь, Гилани, – ответил Тасу, – влюбленному не до ухищрений, он не думает об осторожности. Из-за нее я начал терять осмотрительность и однажды

чуть не попал в лапы органов. А она была жестока. Оставалась холодна к моим вздохам. Это меня злило. Я не мог представить ее чужой женой. Я считал, что она предназначена судьбой только мне. Однажды темной ночью, когда она возвращалась с вечеринки домой, я поймал ее и спросил:

– Баху, долго будешь ты водить меня за нос?

– У меня есть жених, – повторила она.

И тогда я поклялся, что если она добром не выйдет за меня, то выкраду и ускачу с ней в родные горы. Однажды на джигитовках в далеком Агвахи выступала Баху. Она на полном скаку вспрыгивала на коня то с правой, то с левой стороны. Лучше мужчин поднимала платки, положенные вдоль дорожки. Собравшиеся восхищались ее ловкостью, а мое сердце мне подсказывало, что лучшей жены мне не найти. Мне казалось, что судьба не случайно столкнула нас с ней. И вот под этот шум и приветственные возгласы она подъехала ко мне и спросила:

– Ты меня еще любишь?

Некоторое время я откровенно любовался ею, ну просто не сводил с нее глаз, а затем ответил:

– Для меня весь мир в тебе одной.

Она поняла – влюбленность моя достигает предела.

– Тогда через два часа встретимся за селом у выступа скалы, – сказала она и одарила меня улыбкой, быстрой, словно луч солнца в разрыве туч.

Я был на седьмом небе. Когда я, радостный, примчался в условленное место, она уже была на месте и ждала меня. Мы были одни. Вокруг не было ни души. На ветру ее золотистые волосы развевались, словно крылья птицы. До чего она была красива! Я до сих пор помню те слова, которые я говорил ей там:

– Дорогая, любимая… Ты… одна…

– Я тоже полюбила тебя, Тасу, – отвечала она. – Но я обречена. Ты же знаешь стариков. У них свои странности. Мне его навязал дядя, вопреки моей воле. Я его не люблю. Я знаю, ты сердишься на меня. Но пойми, пока он на нашем пути… – она запнулась и добавила: – Мы не можем быть счастливы. Если я сейчас с тобой сбегу, он начнет мстить дяде и другим моим родственникам. Он очень злой и мстительный человек. Я просто боюсь его.

– Я убью его, – выпалил я.

– Было бы неплохо, если б он исчез, – сказала она, опустив лицо, – я была бы свободна, и тогда… Если сможешь, отправь его…

Короче, лекарь, она мне назвала имя и адрес этого джигита, которые до сих пор держала в тайне. Со мной в этот вечер она была очень любезна. Она называла меня орлом чужой долины, а я ее – ласточкой гор. Я был очень рад. «Наконец-то, – думал я, – оттаяло сердце гордой Баху». Она мне дала недельный срок. И в эту же ночь я начал охотиться за ее женихом. Я обшарил аул и окрестности. По вечерам, переодевшись чабаном, выслеживал его. Аул был большой. На четвертый день, когда он поздно вечером возвращался с какого-то собрания, я выследил его.

– Отойдем в сторону, – сказал я. – Есть хабар.

– Говори прямо, что тебе нужно, – сказал он и положил руку на рукоять кинжала.

– Оставь Баху в покое, – сказал я с язвительной насмешкой.

– Значит, ты из тех бандитов. Смерть тебе!

Короче, мы отошли на край пропасти и бились на кинжалах. Я сбросил его на дно ущелья. Я доказал свою силу в честном поединке. Я долго искал Баху. Она меня обманула. Она исчезла в эту ночь бесследно. Оказалась хитрой и коварной. Спустя некоторое время я узнал, что она ушла с братьями, трусливо сбежавшими с фронта, один из которых оказался ее давним возлюбленным. А убитый мною джигит оказался активистом, секретарем комсомольской ячейки, который охотился за этими разбойниками и подозревал их связь с Баху. Итак,

Гилани, я не познал радости разделенной любви, – Тасу замолчал.

– Ну и что было потом? – не выдержал. – Нашли ее?

Тасу исподлобья со строгой усмешкой посмотрел на меня:

– Я ее больше не искал. Правда, через год до меня дошел слух, что раненая и беременная Баху, уходя от преследования, утонула в бурливой реке Койсу. Это была, Гилани, моя первая и последняя любовь. Она просто скользнула по мне, не задев глубоко. И на что абреку жена? Давно опротивело мне бабье племя! Кричат, орут, суетятся, как сороки на заборе. Куда шайтан не поспеет, туда бабу пошлет. Говорят, один человек решил написать книгу о хитростях и проделках женщины. И вот однажды, когда он принялся за работу, мимо проходила женщина. Заметила она, что он что-то пишет, и спросила:

– Что ты пишешь?

– Да вот, решил написать книгу под названием «Женские плутни». Мужчины прочтут ее и не будут жертвами вашего коварства.

– Ты собираешься написать такую книгу, а сам ведь не устоишь перед женской хитростью.

– Ни одна женщина меня не проведет! – ответил он самоуверенно.

– Ну что ж, посмотрим!

Не буду тебе все пересказывать, только скажу, что она его действительно обманула и заставила жениться на слепой, глухой и немой девушке. Вот так эта женщина ловко проучила этого незадачливого сочинителя. И Баху тоже, подобно ей, обманула меня тогда…

Для Тасу, казалось мне, подвернулся счастливый случай излить передо мной душу после столь долгого молчания, столь тягостной замкнутости в себе, он своим рассказом, хоть кратко, но развернул передо мной сверток своей нелегкой жизни. Кровавая история Тасу, повесть его жизни, как след раненого зверя, тянулся через всю трагедию его народа.

– Уже поздно, – сказал Тасу. – На этом закончим наш рассказ. Не знаю, когда мы снова свидимся, поэтому я хочу дать тебе несколько советов и показать содержимое этого мешочка. Так вот, с этого дня ты должен знать, что ты мусульманин. Ты должен верить, что Аллах – это единый Бог и что Он Господь всего сущего. Он – Милостивый и Милосердный. Он – Тот, который может все. Он не скор, но меток. Он не дремлет – все слышит. Знай, что первым из пророков был отец людей Адам, а последним – Мухаммед (да благословит его Аллах и приветствует), и после него уже не будет пророков до самого Дня Суда. С этого дня ты должен отвергать любую религию, которая противоречит религии Ислама. Да благословит тебя Аллах!

– Спасибо, дядя! Хоть я и комсомолец, но буду жить по собственной совести.

– Постарайся соблюдать наши нравы и традиции. Уважай свой народ, и он воздаст тебе сторицей. Честность и мужество всегда вознаграждаются. Русские люди помогли тебе стать лекарем. Будь им благодарен. Учись у них, чтобы была от тебя нашему народу польза, только не слушай нашептываний дьявола. Если б ты умел читать нашу Вечную Книгу! Я имею в виду Коран. В нем и только в нем святая истина, правда. И еще: тебе надо обязательно сделать обрезание. Это наш религиозный обряд. Пока ты не сделаешь это, никто тебя всерьез не будет считать мусульманином. Коли Аллах велит, надо делать. Ты попроси Шерипа. Я знаю, что подпольно он этим богоугодным делом занимается. Можешь даже сказать, что я попросил.

Я сразу вспомнил мальчишек, которые после обрезания бегали по селу в девичьих юбках. А девочки дразнили их и смеялись над ними. И я засмеялся, вообразив себя в девичьей юбке.

– Ты почему смеешься? – спросил Тасу.

– Воображаю, как буду по селу ходить в юбке.

Тасу тоже засмеялся от души.

– Дядя, я сделаю все, что вы просите, – продолжал я. – Постараюсь быть не племянником, а сыном и сделаю все, чего ждет от сына отец.

– Баркалла, Гилани, – у растроганного Тасу потеплели глаза. – Я давно ждал этого часа. Я один, как перст, и нет ничего такого, что бы для тебя пожалел. Единственное, чего бы я хотел, это упасть перед Черным камнем в Мекке и умереть. Многие наши односельчане, запуганные властью, судят обо мне неправильно. Их хабары переворачивают мне душу. Думал, вернутся наши из Казахстана – начну новую жизнь. Не получается, не дают, Гилани. Как в сказке: сюда пойдешь – в огонь попадешь, туда пойдешь – в воде смерть найдешь. Поэтому я принял решение: бороться до конца. Даже идя по лезвию бритвы, отделяющей жизнь от гибели, я буду бороться. А ты держись подальше от меня. Нашей связной будет Петимат. Если что, иди к ней. Хромать с хромым нельзя. Если один споткнется, то и другой споткнется. А это, Гилани, очень нежелательно.

– Дядя, а что, если поговорить с властью? Ко мне, например, хорошо относится Нурсет Аббасовна. Ведь попытка не пытка.

– Бесполезно, Гилани. Тщетная будет попытка. Меня считают матерым врагом. А с Ильей Борисовичем у нас свои счеты. Не надо. Ты этим только навредишь себе. Я боюсь за тебя. Если узнают о нашем родстве, делай вид, что ты меня не знаешь. Так надо, Гилани. И вот еще что. Пора бы уж тебе две подушки заводить.

Сперва я не понял, а когда понял, покраснел от смущения.

– Пора остепенится, – сказал Тасу. – Только не бери городскую вертихвостку – ни за что пропадешь.

Передо мной возник образ Зухры. Но ему я ответил так:

– Дядя, вы столько наговорили о женских плутнях, что я уже начинаю побаиваться.

– Не бойся. Это я так, – засмеялся Тасу. – Есть у нас толковые бабы. Без жены все равно, что без папахи. Надо пускать корни. Наш род почти вымер. Остались я и ты. А моя жизнь уже на закате, мое солнце уходит за гору. Надежда только на тебя.

– Дядя, да вы еще хоть куда! Вы еще в полном соку.

– Ты так думаешь, Гилани? – самодовольная улыбка озарила его лицо.

– Кожа у вас еще не сморщенная, мягкая, – добавил я.

– Но я, прежде всего, должен думать о тебе. Много у нас в селе красавиц, с лицом нежным, как персик. Но знай, что за невесту надо заплатить по нашим обычаям калым. Надо иметь дом, обстановку. А для всего этого нужны деньги. А ты хоть на калым сумел собрать?

– Смотря какой калым, дядя, – пожал я плечами. – Деньги – пух, только дунь на них – и нет.

– Гилани, я тебе хоть кратко, но поведал обо всем без утайки. Теперь несколько слов об этом мешочке.

Тасу поднял его, показывая мне, и поставил на место.

– Этот мешочек, – продолжал Тасу, – принадлежал твоему отцу. Эта та часть побрякушек, которая находилась у меня на хранении. Помнишь, я тебе рассказывал об этом?

– Да, конечно.

– Так вот, когда я бежал с места заключения, я прихватил их и привез домой. Я их сохранил, за исключением одного браслета и нескольких золотых монет, которые я продал в Грузии. Я тогда был в стесненных обстоятельствах.

И Тасу высыпал содержимое небольшого мешочка передо мной. Я никогда не видел столько драгоценностей. Там была дюжина мелких, хорошо отточенных алмазов, камни без оправы, слегка окрашенные розовым цветом, серьги и несколько монет с царской чеканкой.

– Правда, славненькие? А? – спросил Тасу.

– Ух ты, здорово как! Отец, оказывается, знал в этом толк. Это не подделка, дядя? – засверкали мои глаза.

– Ты что, Гилани, твой отец не стал бы с подделками возиться. Он на этом деле собаку съел. Он знал свое дело. Отныне и во веки веков считай их своими. Можешь жениться, купить дом, обстановку и даже машину. Пусть односельчане позавидуют тебе. Только не возгордись. Не напускай форсу. Знай, что через золото слезы льются, свершаются злодеяния и убийства. Не забывай, что мы всего лишь тесто в руках добра и зла.

– Ни за что, дядя! Вы их столько хранили, берегли, рисковали, они по праву принадлежат только вам. Слава богу, я, наконец, дома. А дома я и на голых камнях проживу. Я никогда не мечтал о большом богатстве.

– Не спорь, Гилани. Амба, как говаривал мой друг-татарин. Если не жалко, подари несколько побрякушек нашей Петимат, а с остальными действуй на свое усмотрение. Но только с головой! Смотри, чтоб легавые не подцепились. Если б эта власть не боролась с религией, мы бы с тобой на эти средства возвели бы в память о твоем отце красивую мечеть в центре села. На это, конечно, позволения не получим. Твоему отцу не повезло, пусть хоть тебе они принесут счастье. А я лично не хочу счастья, оно меня пугает, потому что я всю жизнь был несчастлив. Но я все же стану счастлив тем, что буду беспокоиться о твоем будущем. Я не хочу, чтобы ты был глупым и нищим. Лишь бы эти гяуры оставили тебя в покое.

– Не беспокойтесь, дядя, – сказал я, складывая драгоценности опять в мешочек. – Не оставят – вот я перед ними. Пусть делают, что хотят. Меня уже держали в изоляторе.

– Клянусь Аллахом, я вытяну душу из того, кто за тебя будет цепляться. На меня можно положиться. Да и сам будь благодарен: не стоит гоняться за недостижимой мечтой, отвергая то, что может составить твое истинное счастье. А мне, я уверен, Аллах даст мужество, чтоб я мог рассчитаться с врагами. В добрый час, Гилани. Да благословит тебя Аллах. А теперь спать. Нам надо очень рано вставать.

…Все свершилось словно во сне. Я не успел еще толком досмотреть этот сон, как пришлось уходить. Нелегко мне было покидать обитель Тасу. Я чувствовал себя так, словно меня отрывают от родника в жаркий день, студеной водой которого я не успел еще утолить жажду.

Когда я был готов в путь, Тасу сказал:

– Я отведу тебя на старое место, где мы с тобой встретились, – и вновь, извинившись, завязал мне глаза. Но я не обиделся. Когда мы тронулись в путь, я действительно почувствовал, что идем назад по тем же нехоженым тропам, по тем же узким ущельям.

– Вот мы и пришли, – сказал наконец Тасу. – Повязку можешь снять.

Тасу улыбнулся мне одними глазами из-под нависших бровей и добавил:

– Мне надо торопиться. Будь здоров. Да буду я за тебя жертвой.

Обнял меня и тут же исчез, как сквозь землю провалился. А я со своей собакой двинулся в сторону Цехоя. «Наверное, – думал я, идя на вызов, – сама судьба уготовила мне эту встречу».

Поэзия

Марем Нохчиева

Хлеб Родины моей

Бывает разным он…
И все же самый первый
И лучший на земле –
хлеб Родины моей.
Тепло в нем – от души,
а сила в нем – от веры.
А соль… а соль от слез
чеченских матерей.

Хлеб Родины моей…
Он лакомства дороже.
И я беру с собой,
хоть ноша нелегка,
Тот хлеб, что для меня
обузой быть не может,
Когда от мест родных дорога далека.

Хлеб Родины моей –
он горек от разлуки
С землею, той,
что нет дороже для меня.
Которая, как мать, стоит,
раскинув руки,
Детей своих от бед собою заслоня.

Хлеб Родины моей –
что может быть вкуснее?
Отеческой земли превозмогая боль,
Живу я вместе с ней,
дышу я вместе с нею.
И с нею же делю
и хлеб ее,
и соль.

Любовь к ней высказать бессильно слово…

…В час испытаний,
когда души плакали,
Брат брату мы подставляли плечо.
Два имени в наших сердцах,
как факелы:
Аллах Всевышний –
и ты, Нохчийчоь.

В воронках – села, войной изранены,
От дикой боли в груди горячо…
Две силы держали нас –
им равных нет:
Аллах Всевышний –
и ты, Нохчийчоь.

Честь сохранить, жизнь обесценив…
Что человеку нужно еще?
В час испытаний, в час потрясений
Храни, Всевышний, мою Нохчийчоь!

Любовь к ней высказать
бессильно слово.
Страх за нее – огня страшней.
Да! Мы поднимемся с нею снова –
Или погибнем вместе с ней.

***

Земля моя, родная мне по крови…
Когда слова не стоят ничего,
Что я ей дать могу сегодня, кроме
Своей души и сердца своего?

Не нажила богатства и достатка,
Хором роскошных не было дано.
Но все, что есть, отдам я без остатка
За слово ее доброе одно.

За свет ее немеркнущей надежды,
За гор ее высоких красоту,
За то, чтобы проклятые невежды
Не сеяли бы злую клевету.

За мирные закаты и рассветы,
Деревья придорожные в пыли…
…Мне ничего не нужно, кроме этой,
Огнем и горем выжженной земли.

Проза

Мовла Гайраханов

Мы не верили

Эссе

Мы не верили. Мы никому не верили в этом мире. Нас очень долго обманывали.

Этот огромный мир стал слишком тесен для чеченцев. На нас сбрасывали бомбы, нас обстреливали из пушек и танков, забирали из домов и уводили в «никуда», мы пропадали из этого мира без могил и прощальных молитв.

Мы жили без надежды, без мечты, уповая лишь на Всевышнего Аллаха.

Чеченцы никогда не были «овцами на заклание», они всегда встречали смерть как неизбежность и путь к Создателю, но теперь смерть стала неизбежностью для всего народа – и младенца в люльке, и беременной женщины.

Казалось, в этом мире нет силы, способной остановить зло и горе, обрушившиеся на маленький чеченский народ. У нас отняли все – доброе имя, отцовский кров, надежду на будущее, но у нас оставалось то, что никому еще не удавалось у нас отнять – молитва Единому Богу, Творцу всех и вся.

Говорят, что между молитвой униженного и Аллахом нет преград. Творец услышал наши мольбы и ответил на них. Он явил нам одного из нас, человека, который переносил все беды вместе со своим народом. Казалось, что может изменить один человек в судьбе народа, против которого ополчились могущественные силы несправедливого мира?

Но Всевышний всегда помогает тому, кого Он сотворил для мира и добра…

В этом мире зла было сказано слишком много слов и слишком мало веры было в них, но Ахмат-хаджи пришел и сказал слова, которые были услышаны и его народом, и его врагами. Они подарили надежду одним и зажгли ненависть в сердцах других.

Сердца матерей зажглись надеждой, что их сыновья останутся жить, в сердцах жен появилась надежда, что им не придется влачить жалкую вдовью долю, в сердцах детей родилась надежда, что они не останутся сиротами в этом мире…

Ахмат-хаджи, засучив рукава, приступил к делу, которое он обещал сделать – он начал собирать камни, собирать в единое целое свой народ, разделенный и разбросанный, униженный и оскорбленный, оклеветанный и оболганный. Его одно слово правды разбивало тысячу слов клеветы, которые обрушивались на маленькое чеченское племя. Его оружием было слово правды, и он владел им отменно, потому что понимал, что ему приходится защищать свой народ.

Ахмат-хаджи осознавал, что ему не простят этого, но он также знал и верил, что сумеет, что должен довести начатое дело до конца. Он осознанно выбрал этот путь, путь спасения своего народа ценой собственной жизни.

Он никогда не искал благ сего мира, его награда ждала в мире ином, где придется встретиться тем, кто убивал и тем, кто спасал от смерти, тем, кто творил зло, и тем, кто совершал добрые поступки, тем, кто клеветал, и тем, кто говорил только правду…

Судьба отвела ему слишком мало времени, но он сумел втиснуть в него

великие дела. Его слова никогда не расходились с его делами, и он успел исполнить обещание, данное своему народу.

Ахмат-хаджи сумел остановить войну, сберечь сотни тысяч человеческих жизней, вернуть доброе имя народу, который всегда был славен своими традициями и обычаями.

В майский день, когда запахи сирени и цветущей акации наполняют своим ароматом воздух Кавказа, когда вся страна праздновала праздник Победы, огромное горе пришло в каждую чеченскую семью. В этот день не стало Ахмат-хаджи…

Весть о гибели человека, которого каждый добропорядочный чеченец считал своим близким родственником, ввергла республику в траур. Чечня замерла в тревожном ожидании, потому что ушел из жизни тот, кто стоял непреодолимой преградой между теми, кто нес гибель и своим народом. Однако знамя Победы, высоко поднятое Ахмат-хаджи, не упало и не было растоптано его врагами, его подхватил сын и продолжатель дела своего отца, Рамзан.

Ахмат-хаджи предвидел свою судьбу, потому что незадолго до своей гибели подвел черту своей деятельности. Символично, что тогда Ахмат-хаджи назвал себя победителем, и ушел он от нас в День Победы, оставив свой народ со слезами на глазах.

Смерть всегда ходила рядом с ним, он не раз мужественно смотрел ей в глаза. Даже самые непримиримые враги не могли упрекнуть его в слабости или малодушии. Он никогда не боялся смерти, он всегда боялся не успеть закончить начатое дело.

А когда Ахмат-хаджи вывел свой народ из-под удара, и жизнь чеченцев была направлена в мирное русло, он ушел, навсегда оставшись в памяти своего народа.

Цену утраты мы осознали только после того, как не стало верного сына чеченского народа. Он вернул нам веру в жизнь и сумел рассечь мрак тьмы светом дня, растопить теплом мрачный холод бездушия и одолеть непреодолимое зло.

Ахмат-хаджи искренне любил свой народ и восхищался им. Он и тысячи его соратников отдали свои жизни за благо чеченского народа. Мы помним их и скорбим! Они всегда живы, пока жива память о них!

Камень Импикла

Притча

День клонился к закату. Солнце медленно уходило за горизонт, предупреждая всех, что скоро заберет свои лучи и земля покроется черным мраком наступающей ночи.

Однако Импикла такие мелочи не тревожили. Он находился в зените своей славы, и его жизнь не зависела от таких мелочей, как день и ночь.

Еще в раннем детстве Импикл обнаружил в себе дар поэта. Его речь была усыпана краткими, но меткими и задиристыми стихами, он мог без запинки нанести такой словесный удар, что его противник терял дар слова. Люди говорили, что сам дьявол вложил в уста Импикла свое искусство речи, ибо было в ней немало похабных и мерзких слов, вставленных в красивые рамки.

Казалось, что с таким даром Импиклу грозит печальное будущее, но его приметил правитель этих земель и приблизил к себе. Повелителю нравилось, как Импикл выставлял посмешищем его придворных. Самые знатные и самые тщеславные люди государства были бессильны перед шутками Импикла. Чтобы задобрить придворного шута-фаворита, знатные люди страны искали с ним дружбы, устраивали в его честь роскошные пиры и одаривали самыми дорогими подарками. Однако Импикл был глух к дарам знати, он беспощадно

задирал ее, чем вызывал смех у правителя – своего покровителя, которому нравилось дерзкое унижение тех, кто втайне мечтал о троне.

Правитель знал повадки своих придворных, и Импикл был удобным орудием для того, чтобы придворные сами понимали, какое оно, их место под солнцем.

Долгое время фортуна покровительствовала Импиклу. Благодаря своему дару он мог возвысить человека, а мог и скинуть с вершины власти. Его шутки стали непреодолимым барьером между троном правителя и теми, кто хотел приблизиться к нему. Тот, кто слишком близко подбирался к трону, падал вниз, сброшенный очередной эпиграммой придворного шута. Знать стала бояться и ненавидеть Импикла. Он же уверил в свою безнаказанность и всемогущество, что сыграло с ним злую шутку.

Однажды, потеряв чувство меры, Импикл унизил любимую женщину правителя. Зная таланты шута, она терпеливо снесла обиду, но не простила ее. Вокруг Импикла нависли грозовые тучи, которые он не заметил из-за своей заносчивости и самоуверенности. Очередная шутка Импикла вместо обычного смеха вызвал у царя приступ невиданного гнева. В одночасье поэт-насмешник был лишен своего места при дворе, всего имущества и выброшен за ворота города. Всем жителям города было строжайше запрещено помогать опальному шуту, однако такого указания и давать-то не стоило. Ненависть и страх, копившиеся годами, выплеснулись на Импикла. Он был вынужден бежать подальше от тех мест, где когда-то сам беспощадно унижал и оскорблял людей.

Оставшись в дикой пустыне один, Импикл не знал, куда девать стихи, рождавшиеся в нем. В них было немало презрения к тому, кто когда-то возвысил его, а затем лишил даже простого человеческого общения. В пустыне собеседниками Импикла могли быть только большие валуны, которые бесстрастно и безразлично внемли его едким стихам, в которых он осмеивал правителей. Слова, рождавшие богатство и славу, позор и унижение, стали никому не нужны. Однако Импикл знал силу своих слов и решил доверить их … камням. Вооружившись крепким острым камешком, он стал гравировать стихи на валунах.

Камни не выказывали чувства недовольства, когда непристойные слова ложились на их поверхность. Слова для камней не значили ничего.

Холод и голод отбирали последние силы у опального поэта, однако в нем горел огонь ненависти, который заставлял трудиться из последних сил.

Силы покинули его в тот день, когда он отчеканил последнюю рифму непристойного слова с именем правителя.

Импикл так и умер под одним из камней, и он стал для него надгробным, и эпитафия на нем стала девизом, венчавшим бесславный конец циничного поэта.

Прошли сотни лет, кости Импикла превратились в пыль пустыни. Дикие племена, жившие по другую сторону пустыни, разорили дворец, в котором когда-то звучали непристойные стихи опального поэта. Остатки народа Импикла вынуждены бежать к соседним дружественным племенам. Со временем они стали ассимилироваться в чужом народе, однако женщины, рожавшие сыновей для нового народа, закладывали в них чувство ненависти к захватчикам. Да и сами дикари-захватчики с вожделением поглядывали на земли, которые они не могли пока покорить, но истово желали этого.

Вражда народов сопровождалась постоянными стычками на приграничных землях. Отчаянные смельчаки уходили вглубь вражеских земель за добычей и славой.

Однажды сын правителя завоеванных земель уехал охотиться на зверей в дикую пустыню, однако сам чуть не превратился в добычу. Отряд враждебного племени искал удачи в чужих землях и нашел ее. Небольшая группа охотников укрылась за большим валуном и отстреливалась от наседавших врагов. Царский

сын родился на этой земле и считал ее родной. Смелости ему было не занимать, и он отчаянно сражался за свою жизнь и жизни своих товарищей. Стрелы, выпущенные из его лука, часто находили врагов, редкий выстрел не достигал своей цели. Но фортуна – штука изменчивая, она может показать свою улыбку, а может показать и смертный оскал. Вражеская стрела пробила княжескую грудь и припечатала его к валуну, под которым когда-то умер опальный поэт. Кровь пролилась на камень и потекла по выемкам строк, когда-то выгравированных Импиклом.

А в это время по пустыне разнесся звук конских копыт…

В сердце матери юноши родилась тревога, и она уговорила мужа послать людей за сыном. Помощь оказалась своевременной. Видя подмогу, охотники воспрянули духом, а их враги поспешили прочь от места, где им грозила неминуемая гибель.

Юноша умирал, вокруг него молчаливо стояли воины, которые не раз смотрели в лицо ангелу смерти и которые не раз отсылали его к чужим душам. Но здесь случилось чудо, холодный камень остановил кровь. Когда тело раненого юноши подняли, на камне показались слова, написанные кровью. Воины восприняли это как добрый знак с небес. Юноша выжил, а валун был перенесен во дворец правителя. Так, слова Импикла, изгнанные из царских палат, вновь возвратились туда. Мечта Импикла сбылась, но ирония судьбы состояла в том, что никто не знал смысл этих слов. Народ, который был носителем этого языка, исчез с лица земли. Неприличные стихи, клеймящие позором царские особы, были восприняты людьми как благословение богов.

Прошли годы, раненный когда-то юноша воссел на трон, оставленный ему в наследство отцом. Когда его рана болела, он прижимался к камню, и ему казалось, что боль покидает его тело. Придворные, чтобы угодить властителю, стали приписывать камню целебные свойства. Люди стали натирать камень благовониями, просить у него исцеления от болезней и удачи в делах. Камню было все равно. Он не был чувствителен к лести, славе и благовониям. Нецензурные стихи поэта-насмешника переносились на золотые и серебряные изделия, выставлялись в самых видных местах дворцов и домов. Появились жрецы, которые трактовали тайный смысл знаков, но не спешили их раскрывать людям, чтобы не прогневать камень. Только жрецы могли объяснить людям, когда камень гневается, а когда милостив к просителю, и только сам камень не знал, что он обладает чувствами милости и гнева. Ему было абсолютно все равно, где лежать, в грязной пыли дикой пустыни или в царских чертогах.

Знающие сокровенное не знали смысла слов, начертанных на камне, но если бы правитель узнал их, то ни один из них не сносил бы своей головы. Прошли сотни лет. Власть камня возвысилась над властью правителей. Теперь, когда они принимали важное решение, они всегда обращались за советом к камню. Каждый человек в государстве должен был приносить жертву камню. День, когда на камень пролилась кровь далекого предка, был признан государственным праздником. И только избранным жрецам разрешалось растирать собственной кровью священные знаки, несущие тайный смысл.

Если бы камень обладал памятью и свойством говорить, он мог бы рассказать людям, как полоумный поэт-циник наносил на нем свои вирши, полные непристойностей и ненависти к правителям. Но камень молчал только потому, что не умел говорить…

Мертвый город

Эссе

Горная Чечня – край неизведанный и незнакомый даже для многих современных чеченцев. Веками громады гор, рассекаемые узкими ущельями и бурными реками, служили колыбелью чеченского рода. Здесь, среди суровой природы, величественных гор, доступных только орлам, формировались быт и нрав народа.

Облака белыми шапками ложатся на вершины гор, в каменистые склоны которых впиваются корни деревьев. Жизнь в этих местах поддерживается огромными усилиями. Слабые существа в этих местах не живут, потому что не выживают.

Сотни веков назад наши предки построили на одной из гор каменные склепы, к которым они приходили умирать. Рядом со склепами были вырыты землянки, обложенные камнем. В этих землянках жили те, которые ждали прихода своей смерти. Они переносили из землянок в склепы тех, кто покинул этот бренный мир раньше них. Каждый день обреченные на смерть могли наблюдать за башнями на склонах гор, в которых прошла их жизнь. Эти башни, надежные, как сами горы, являлись их продолжением, такие же мощные и сильные, сделанные из горного камня, они являлись частицей их плоти.

Иногда многочисленные полчища врагов, как саранча, рассыпались по ущельям, взбирались на крутые каменные склоны и находили свою гибель у подножий башен. Горы и камни защищали своих сынов, потому что они не нуждались в других детях. Какой нормальный родитель поменяет своего ребенка на чужого, даже если тот намного лучше и красивей?

Горы научили чеченцев жить по своим законам, добывать свое пропитание тяжелым трудом. Кто-то называет законы гор дикими, но разве может понять степной сурок помыслы горной птицы?

Эти места никогда не знали князей и рабов, каждый был равным среди равных. Почет и уважение достигались за счет личного мужества и разума, опыта и терпения. Каждый находился под защитой своего рода и своего народа, каждый являлся защитником своего рода и своего народа.

Все народы мира мечтали о свободе и равенстве, а чеченский народ, живший по этим законам, считался диким.

Каждый гость в этих местах священен, потому что приносит благодать, он является источником информации и вносит разнообразие в привычный, устоявшийся ритм жизни горца.

В этих башнях для путника подготовлены лучшие комнаты. Когда весть о новом человеке, словно дуновенье холодного ветра со снежных вершин, разносится по горам, возле башни собираются соседи, чтобы послушать вести из далеких земель, узнать, какой жизнью живут люди на равнине, лишенной защиты гор.

Слово «сосед» в горах трудно воспринимать в том значении, в котором мы привыкли к нему. Чтобы добраться от одной ближайшей башни до другой понадобится полдня для жителя гор и дня два для нас, людей, привыкших ходить по ровной местности.

Никто не должен упрекнуть род в том, что он плохо встретил гостей. Лучшее мясо варится в казане, самые сильные джигиты готовы отдать свои жизни, чтобы сберечь жизнь и здоровье гостя. Закон гор гласит, что позор хуже смерти. С годами этот закон стал нормой жизни, и никто не смеет его безнаказанно нарушать. Смерть – это переход души из одного состояния в другое. Она не страшна, потому что душа бессмертна. Страшен позор, который тяжелым клеймом ляжет на плечи живых, и заставит страдать душу человека, покинувшего этот мир…

Для того чтобы поднять к башням воду, приходится затрачивать немало сил. А ведь каждый день наши предки делали это. Вода – это жизнь, вода – это чистота.

Только очень сильный народ мог построить такие башни на вершинах гор, которые сами по себе очень труднодоступны. Не каждый человек способен преодолеть эти кручи, не каждый народ способен жить на этих вершинах по соседству с горными орлами.

Но зато почти каждый день из этих башен уходили охотники за добычей. В девственных лесах за ущельем много диких зверей. Охотник должен быть сильным и ловким воином, чтобы найти и убить их. Охота приносит мясо и шкуры, охота приносит почет и уважение.

Но настигнуть и захватить добычу – это всего лишь полдела. Донести ее до башни – занятие не из легких. Но какой охотник оставит свою добычу из-за страха не донести ее до дому?

Шкура барса будет украшать стену гостевой комнаты, ложем будет служить шкура медведя. Горские адаты гласят, что о человеке свидетельствуют его дела, а не его слова. Разве необходимы слова для того, чтобы расписать достоинства такого хозяина? Каждый гость и так будет знать, что он сильнее медведя и быстрее барса.

Самый сильный враг горца – это холод. Очаг в доме должен гореть всегда, и хранительницей его является женщина. Чтобы приготовить еду и поддерживать теплоту в башнях, необходимы дрова, много дров. Как их можно донести до башен по этим крутым склонам для меня и по сей день остается загадкой.

Жизнь в горах требует особых усилий и труда. Те, которые не любят гор, здесь не выживут, тем, кого не любят горы, делать здесь нечего.

К врагам в горах беспощадны, их не ждут, но они всегда приходят, чтобы разрушить жизнь, налаженную огромным трудом на каменистых скалах. Иногда черные скалы обагряются кровью врагов, однако в склепах для них нет места. Их тела скидываются в глубокие ущелья, и разгневанный Аргун разбивает их кости в щепки, река накатывает валуны и камни на них, чтобы не оставлять даже памяти о тех, кто осквернил своим присутствием священный горный край.

Чистые горные ручьи начинают мутнеть от гнева, но обида проходит, и каждый житель гор вновь имеет возможность утолять свою жажду холодными родниковыми водами…

Я стою у подножья черной горы, будто топором разрубленной глубоким ущельем, на дне которого бесится Аргун. Словно дикий зверь, исторгает река свои угрозы, которые со страшным ревом разносятся по округе. Я стою и слушаю эту приятную для моей души музыку. Сотни моих предков каждый день внимали этим звукам и вложили в мое сердце любовь к ним. Я никогда не жил в горах, но мое сердце трепещет при виде их. Я в глубине души понимаю, что являюсь частью этих величественных гор, созданных одной лишь волей Всевышнего Аллаха. Кровь моих предков начинает бурлить во мне, как только я оказываюсь среди этих скал, она зовет меня сюда. Эти огромные валуны, сошедшие с горных вершин, милее моему сердцу, чем россыпь жемчуга.

Я с трудом поднимаюсь на самую малую гору в этих местах, на гору, где расположен город мертвых. Перед моим мысленным взором встает картина, как из башен, расположенных на вершинах гор, медленно идут люди к мертвому городу – Цой-Педе. У них в руках нет ничего, что поддерживало бы жизнь – ни еды, ни питья. Единственными украшениями на их телах являются рубцы многочисленных ран и язвы от болезней. Когда-то они легко сходили с этих гор и так же легко поднимались на них, неся на спинах добычу, дрова или бурдюки с водой.

Они не раз смотрели смерти в лицо, когда сражались рука об руку с врагами. Тогда они были сильными, хотели и могли жить. Их не могли победить враги, но теперь они сами стали добычей заразной болезни. Ослабевшие ноги и руки

больше не могли преодолевать гору, а они не хотели становиться причиной гибели других, близких им людей.

В мертвом городе находились останки тех, с кем они делили тяготы жизни. Их души ушли в другой мир, теперь они сами шли дорогой смерти навстречу с ними.

Остановившись возле родового склепа, они вглядывались в башни, в которых жили, до тех пор, пока сумерки не опускались на землю. Ночью, прислонившись спиной к каменной стене землянки, они смотрели на звезды. Эта землянка станет их последним пристанищем до тех пор, пока оставшиеся жить не перенесут их тела в родовой склеп и прочитают молитву солнцу, чтобы оно своими лучами пригрело их хладные тела.

О чем они думали? Какие мысли жили в их головах? Какие чувства терзали их души и сердца?

Мне почему-то кажется, что они думали об оставшихся в башнях родных им людях, беспокоясь, что они ушли поздно, и страшная болезнь уже успела перейти к кому-нибудь из них. Утром, когда солнце опускало свои лучи на землю, они со страхом вглядывались в сторону башен, боясь, что кто-то оттуда идет в сторону мертвого города.

На самой верхней точке мертвого города стоит маленькая башня. Кто и зачем ее построил? Неужели умирающие люди, когда враг приходил в эти края, поднимались на нее, чтобы прихватить с собой в мир иной ненавистных захватчиков?

Эти места хранят в себе много тайн, свидетелями которых были и остаются величественные горы. Но они молчат, они не готовы раскрывать свою душу перед чужаками, как сами учили этому наших предков.

Увы, в этих местах уже не живут чеченцы, башни опустели и сиротливо вглядываются в ущелья с горных вершин. Однако любовь к ним живет в сердцах всех настоящих вайнахов.

Мне кажется, что горы с большой любовью внимают к нашей гортанной речи. Они похожи на престарелых родителей, которых лишили их детей. Горы с необычайным трепетом хранят эти башни, словно любимые игрушки своих детей, детей, которых насильно забрали из этих мест.

Они внимательно вглядываются в голубую даль, в надежде, что их дети вернутся, ведь без них никакая семья не может быть полноценной.

Мне хочется верить, что придет день, когда мы вернемся к своим истокам и вновь зажжем огонь в очагах башен, и тогда горы откроют нам тайны настоящей жизни, сокрытой от нас соблазнами современного мира.

Я с большой грустью покидаю эти места. Каждый раз, когда я возвращаюсь на равнину, я боюсь не увидеть эти горы вновь. Гор лучше этих для меня нет в подлунном мире. Я мысленно обращаюсь к своему Творцу, чтобы Он позволил мне снова увидеть рай на земле, рай, откуда родом мой народ.

Мир тесен

Рассказ

Мир был тесен. Мы с товарищем сидели на холодной газовой трубе. Его новый зеленый костюм смотрелся нелепо среди выжженной летним зноем травы, вездесущей пыли, поднимающейся столбом при любом соприкосновении с землей. Редкая тень старой акации создавала иллюзию защиты от солнца, которое нещадно палило, разбрасывая свои горячие лучи.

Наша тихая, неспешная беседа прерывалась шумом проезжающих машин, которые мчались по дороге, оставляя за собой шлейф въедливой пыли. Разговор замолкал, и каждый из нас уходил в свои раздумья.

Мир был слишком тесен, настолько тесен, что смерть рождалась чаще, чем

жизнь. Мой товарищ был романтиком, он когда-то верил словам и людям. Это заблуждение стоило ему жизни. Он сидел со мной рядом, но его судьба была уже предрешена. Вынесенный ему приговор не подлежал пересмотру или отмене. Законы кровной мести прошли через века, пережили множество политических режимов и строев, и оказались сильнее законов, писанных чернилами, ибо писались они кровью.

Люди всегда дрались за власть. Власть дает возможность управлять и вершить свою волю. В пору нашей юности начался новый передел власти. Люди говорили слова, очень убедительные и очень правдоподобные. Однако те, кто верил словам тех, кто дрался за власть, заплатили слишком высокую цену за свою наивность. Мой товарищ тоже поверил и ошибся.

Пленники слов подняли оружие друг против друга, началась братоубийственная война. Однажды был бой, в котором мой товарищ убил двух человек. Кровникам его сдали те, кто находился по одну сторону с ним. В свои двадцать пять лет он перестал верить словам и людям, но было уже поздно.

Смерть всегда находилась где-то рядом с ним. Он ожидал ее глубокой ночью и ранним утром, за едой или в дружеской беседе. Любой шорох в ночи чудился ангелом смерти, любой человек, идущий по улице, – кровником. Он мог выбирать только между смертью сейчас и смертью потом. Он выбрал второй вариант, и это был тяжкий выбор. Он устал, устал бояться за себя и за своих близких, темноты ночи и света дня, незнакомых людей и чужих машин. Угроза таилась везде, жизнь превратилась в кошмар, и он искренне возжелал себе смерти. Белый свет стал слишком тесен для него, мир выталкивал его из своего чрева, давил лучами солнца и ночной мглой.

Мы сидели на холодной газовой трубе, склонив головы в тяжких раздумьях. О чем бы мы ни говорили, наши мысли всегда были привязаны к одной и той же проблеме.

Казалось, каким бы тесным ни был этот мир, в нем всегда найдется уголочек, где может затеряться человек. Через длинную паузу в беседе я предложил товарищу уехать вместе с семьей на другой край света. Я понимал, что это предложение для него неприемлемо, здесь оставались его братья и племянники, которым придется отдавать долг крови вместо него. Тяжкий вздох передал всю глубину его переживаний, ответ был ожидаемый и понятный. Он будет ждать посланца смерти, чтобы покинуть этот мир вместе с ним…

Еще несколько лет назад мы весело гуляли на его свадьбе. Тогда казалось, что жизнь только начинается, впереди много веселых дней и радостных событий. В его доме всегда были рады гостям. Молодая сноха лебедем выныривала в круг, и начиналась зажигательная лезгинка. Мы забывали обо всем на свете, впереди была новая, взрослая жизнь, в которой мы сами могли принимать решения. Юность не ведает печали и не внемлет советам старцев. Пылкие порывы ведут к гибельным ошибкам, и порой цена опыта – это жизни, свои и чужие.

Его горячая натура подалась порывам чувств, отодвинув доводы разума. Ему хотелось сделать этот мир справедливым. Увы, изначально этот мир был несправедлив к самому себе, и никто из живых существ не в силах это изменить. Люди никогда не понимали, что нельзя добиться счастья для одних, убивая других…

Я оставался сидеть в тени акации, когда мой товарищ переходил через дорогу, чтобы сесть в машину. Его зеленый костюм и он сам никак не вписывались в пейзаж этого мира. Перед расставанием он с нескрываемой грустью посмотрел на меня, его черные миндалевидные глаза были полны печали. Мы понимали, что эта встреча может оказаться последней. Увы, плохие предчувствия редко обманывают людей.

Прошло несколько месяцев. Желтая осень сменила гнев солнца на милость. Выжженная трава вновь окрасилась в нежно-зеленый цвет…

…Мой товарищ лежал на деревянном столе. Три пули пробили его плоть.

Первая попала в ногу, вторая пуля – в правый бок, третья задела шею, разорвав мягкие ткани. Он ждал посланца смерти, он слишком долго его ждал для того, чтобы испугаться. Пули уже кромсали его тело, когда он успел сделать свой один-единственный выстрел в ночь. Ночь была полновластной хозяйкой и скрывала ото всех свои жертвы. Рассвет раскрыл тайну ночи – два тела лежали недалеко друг от друга, одно истекало кровью, у второго ровно посередине лба была маленькая дырочка...

Старики чинно сидели полукругом, встречая людей, пришедших выразить свои соболезнования. Их выцветшие глаза были бесстрастны и скрывали мудрость, никому не нужную в этом мире. Старики могли только провожать в последний путь тех, для кого этот мир оказался слишком тесен. Женщины с трудом сдерживали свои рыдания. Выплеснуть свое горе в мир им мешала стальная воля стариков, которые держали последний свой рубеж – сохранение обряда проводов в иной мир.

Желтая земля вобрала в себя новый прах, мулла заунывно дочитал молитву «Ясин». Щупленький мальчонка в тюбетейке недоуменно вглядывался в холм, под которым скрылся его отец, он не понимал, какой серьезный удар нанесла по нему жизнь…

Моя Чечня!

Эссе

Моя Чечня! Любовь к ней живет где-то в глубине моей души, в самых затаенных ее уголках. Иногда мне кажется, что эта любовь возникла раньше, чем я появился на этом свете. Она передалась мне от моих предков, которые любили свою Родину больше, чем жизнь.

Я познавал Чечню и изумлялся ее красоте, обычаям ее людей, песням, рождающимся от неизбывной любви и тоски, которые нельзя выразить простыми словами.

Маленький домик на окраине села в Притеречье, с окнами на улицу…

Будучи ребенком, я садился на подоконник и смотрел на Терский хребет, который начинался сразу за околицей села.

Когда-то здесь была большая вода, которая оставила память о себе следами волн на крутой горе, полукругом огибавшей село. Дождевые воды с большого хребта подтачивают сверху нашу гору, и в ней образовываются большие выемки, которые селяне называют пещерами.

В далеком детстве, преодолев канаву-арык с терской водичкой, мы, сельские мальчишки, целыми днями пропадали в этих пещерах. Мы знали каждый выступ в них, каждый грот, каждую выемку.

В одном месте проделано большое отверстие, над которым, словно арка, остается верхняя часть горы. Предание гласит, что это дело рук людей-исполинов, нартов, которые когда-то жили в этих местах. В честь одного из них, Новра, и названо село – Невре.

За другой околицей села начинается притеречный лес, который скрывает в своих зарослях широкую реку с мутными водами, несущимися с подножья кавказских снежных гор.

Здесь в изобилии растут деревья с лесными ягодами, которыми мы любили лакомиться. Река же стала частью моей судьбы, частью моей жизни. Еще в недавнем прошлом наши предки не пили воду из-под земли, предпочитая ей мутную терскую воду. Ее вкус напоминал им снежные вершины, возле которых возвышались их родовые башни.

Густой лес разрезала проселочная дорога, проторенная колесами арб и подвод. Когда-то Терек не только питал своими целебными водами землю и радовал сельчан своей красотой, но и служил людям, вращая жернова водяных

мельниц. Вот к этим мельницам и вели дороги через притеречный лес.

Я вырос, повидал много красивых мест, радовался, созерцая широкие реки и моря, большие города и маленькие хутора, ютившиеся среди широких долин и степей, узнавая новых людей и познавая их обычаи и быт.

Но в глубине моей души всегда жила моя большая тайна, о которой я никогда не рассказывал чужеземцам. Этой тайной была моя любовь к Чечне, моему благодатному краю. Это особенная любовь, как любовь к матери, которой никогда не становится меньше. С каждым днем она может только возрастать, впитывая в себя боль страданий, выпавших на долю моей маленькой Чечни. Каждая рана в теле моей земли, нанесенная ракетой или снарядом, – это рана в моем сердце, это неизбывная боль, которая всегда будет жить во мне и уйдет со мной в могилу.

Грозный – город моего детства. Это был особенный город. Я помню его многоголосые рынки, вкусный запах пирожков, красивые улицы, где каждый встречный улыбается тебе, как родному брату.

Я любил часами гулять по опрятным улицам, улыбаться всем встречным, сидеть в тени деревьев, которых было очень много в моем городе.

Этот город навсегда ушел в прошлое и никогда уже не будет тех открытых улыбок, дружелюбных лиц, которые делали Грозный самым приятным городом в мире.

Война убила улыбки, разметала дома и деревья, бурей прошлась по душам людей, рождая страх и ненависть.

Я ходил по разрушенному городу, где вместо домов были руины, вместо улиц – выбоины от бомб и снарядов. Мой город был наполнен хаосом, смертельной опасностью и болью, и здесь было много чужаков, которые ненавидели и боялись его.

Но это был мой город, и я любил его больше, чем в пору, когда он был в самом расцвете. К моей любви прибавились муки, в которых корчился мой Грозный, и я не мог покинуть его, как не может покинуть свое больное дитя мать.

Я каждый день ходил по его разрушенным улицам на работу, обходя огромные лужи, вслушиваясь в шум очередной перестрелки. Кто-то очень хотел, чтобы тяжело раненный город был убит. Но Грозный выжил, его спасла любовь тех, кто остался с ним до конца.

Сегодня Грозный – один из самых красивых городов страны. Каждый камень, каждый кирпич ложились с огромной любовью тех, кто восстанавливал свой город.

Красивые дома и проспекты, фонтаны и скверы, новые дороги и красивые деревья вокруг них – это моя сбывшаяся мечта, это выздоровевший ребенок, вопреки приговорам всех врачей, это чудо, которое может родить только большая любовь…

Иногда в моей груди рождается большая тоска. Мой взгляд все чаще начинает устремляться в сторону снежных вершин. Любовь, которую вложили в меня мои предки, рождалась на их склонах, и моя душа зовет меня к своим истокам, своим корням.

Дорога к Шатою – это врата рая на земле. Изумительная красота Чечни проявляется здесь, где густые леса пробиваются через черные скалы гор, где родники стекают ручьями с каменистых вершин…

Шатой! Здесь воздух другой! Здесь ритм жизни иной! Что-то начинает врываться в твою жизнь, что-то, доселе не ведомое твоей плоти, но так знакомое твоему духу. Здесь каждая клетка твоего тела читает неписаные законы гор, которые заставляют тебя считаться с собой. И это очень мудрые законы!

Горы нельзя не любить. Это самое лучшее творение Бога на земле. Горы Чечни для меня – это венец всех творений на земле. Шатой остается далеко внизу, впереди – путь к Итум-Кали. В глубине ущелья в дикой ярости мечется Орга. Но ее стоны – это песня моей души. Мне знакомы ее ритмы. Моя память рождает образ маленькой сакли, приютившейся на склоне высокой скалы.

Горная речушка несет свои хладные воды, и вместе с ней ворочает камни. Вода точит камень, и ущелье с каждым днем становится все глубже.

Молодая горянка качает люльку, привязанную к потолку и напевают песню о мужественном охотнике, который пробивается через густую лесную чащу с добычей. Много опасностей поджидает его в пути, но он сумеет их преодолеть, потому что горы отвечают любовью за любовь своим детям.

Жизнь среди первозданной природы, у подножий горных громад диктует свои законы. Итум-Кали живет по этим законам, самый важный среди которых – закон гостеприимства.

Но Итум-Кали – не конечный пункт поездки. Горная дорога ведет к городу мертвых – Цой-Педе. Здесь на горных вершинах стоят башенные комплексы – живые свидетели трудолюбия и упорства моего народа. Именно через эти башни предки сумели сохранить свою сущность, свой язык, традиции и обычаи.

Несметные полчища врагов не раз пробивались к ним для того, чтобы убить детей гор, уничтожить дух гор, но горы помогали своим чадам. На узкие тропы сыпались груды камней, погребая под собой орды неприятелей, острые стрелы и кинжалы скидывали в ущелья вражеские тела, которые разъяренная Орга разбивала об камни и смешивала с песком, чтобы не оставлять даже следа пребывания вражеского духа.

Картины прошлого, как миражи, проносятся перед моим мысленным взором.

Здесь моя жизнь начинает обретать свой смысл, мой дух питается силой, которая очищает ее от скверны, налипшей на нее. Я начинаю размышлять о своем предназначении, и понимаю, что сила гор способна дотянуться до души каждого чеченца. Эта сила объединяет нас и делает народом, достойным уважения.

Когда-то коварному врагу удалось разлучить чеченцев с их горами. Он думал, что рассеянный по бескрайним степям Азии маленький народ лишится этой силы и зачахнет. Но горы не бросили своих детей. Они приходили к ним во снах и питали их своей силой, которая помогла чеченцам выжить и сплотиться. Эта любовь была способна пронизать тысячи километров, она дарила Веру и надежду на возвращение. Горы не обманули своих детей. Они и на этот раз оказались сильнее коварного врага.

Я верю, что придет день, когда в чеченских горах вновь будет многолюдно, и возле башен снова будет кипеть жизнь.

Возвращение с гор на равнину – это словно дорога в гости, до следующего приезда домой.

Как прекрасна моя Чечня! Как прекрасны ее люди! У них, как и у всех живущих на земле людей, есть свои достоинства и свои недостатки. Но чеченцы вменили себе в обязанность почитать старость – и приобрели за это мудрость, чтить гостя – и приобрели за это уважение других, бороться с несправедливостью – и получили как дар мужество и стойкость…

Тот, кто не уважает эти законы, не уважает в первую очередь себя и лишается права входить в сферу их действия. Жизнь чеченца – это исполнение многих обязанностей, она трудна и требует большой жертвенности.

Каждый чеченец обязан исполнять все требования Веры, начиная с пятикратного ежедневного намаза, посещать больных и престарелых родственников, провожать в последний путь покинувших сей бренный мир, заниматься воспитанием не только своих детей, но и следить за поведением всех молодых людей и наставлять их на праведный путь…

Многие хотели лишить тебя этих достоинств, моя Чечня! Но ты жива и обращаешься к истокам, как к ручью с живительной влагой.

Береги тебя Аллах!

Поэзия

Асламбек Якубов

Слова, как бравые полки

Люблю твой жесткий, хлесткий слог,
Исторгнутый в минуты срыва,
Когда и чувств, и дум поток
Рождают текст такой красивый.

Слова, как бравые полки,
В порядке по ранжиру строго,
Чеканя шаг, идут в штыки,
Зомбируя и ум, и око.

Когда ты в край раздражена,
Холодная, как Крайний Север,
Прекрасна ты, как письмена,
Тобой слагаемые в гневе.

На мировую не пойду,
Мне нравится твой слог убойный,
Я вновь к тебе «На вы» иду,
Так что труби «полкам» вновь войны.

Дороги длинные к тебе...

Дороги длинные к тебе,
К моей желанной и красивой,
Сродни прожилкам на судьбе –
Любви старинной, терпеливой.

Воздушной ямою, кювет,
Сменяя, трассы к тебе мчатся,
Как мысли наших юных лет,
Они то скачут, то кружатся.

Дороги длинные к тебе
Ведут еще из жизни прежней,
Когда стоял я на тропе,
Пленен красою твоей внешней.

С тех пор немало исходил
Дорог и пыльных, и широких,
Немало туфель износил,
В кровь разбивая свои ноги.

Вся жизнь почти прошла в борьбе,
Ступая меж ловушек минных,
Пока я вновь, мой друг, к тебе
Дорогой не вернулся мирной.

Но все ж, дороженьки к тебе
Не стали оттого короче.
Мы в разных полюсах теперь:
Когда здесь полдень, там полночье.

Зима

Вот и к нам пришла зима,
Глянь в окно, сойти с ума:
В одночасье резко вдруг
Изменилось все вокруг.

Сколько снега навалило,
Словно вылили белила.
Все родимое село –
Сплошняком белым-бело.

Иней и снежинки,
Чудные картинки
Ткут при свете и во мгле,
На стекле и на земле.

Во дворе и шум, и крик:
Дети лепят снеговик.
Весело им очень,
Как и взрослым, впрочем.

Эх бы, скинуть мне годков
Этак, скажем, сорок!
И по наледи катков
Вниз кидаться с горок.

Наигрался бы в снежки
До упада боли.
«Расстрелял бы все рожки»
Мальчуганской доли.

Я шагал бы напролом
Супротив метели
Ползал, прыгал кувырком,
Сколько сил есть в теле

Но, увы, мои снежки
Отстрелялись в цели.
Убеленные виски –
След других метелей...

Но я твердо каждый год
К зимушке в почтенье
Падаю, ступив на лед,
Прямо на колени.

А твой этаж…

Осенней ржавою листвою,
Дрожащей зыбко на ветру,
Смирившись кротко пред судьбою,
Зависли мы с тобою, друг.

Мы в состоянии паденья,
Свободного паденья вниз,
И вне былого притяженья,
Для настрадавших вволю – жизнь!

Пусть вновь с весною возликует,
Взрывая почек плоть, листва,
И красотой своей взволнуют
Иных иные существа.

Но нам с тобою не вернуться
В наш тот красивый, светлый край,
И вновь душой не окунуться
В счастливый юношеский май.

Червонным золотом объятый,
Над Грозным светит небосвод,
А твой этаж, Зарема, пятый,
Все памятью о нас живет…

В те дни, что ты со мной вне связи

В те дни, что ты со мной вне связи,
Душа грустит и мается,
И счастье за приставку «квази»
Все норовит запрятаться.

И словно войско из окопов
Сомненья в полный рост встают,
И под мотив глубинных вздохов
В атаку яростно идут.

А мои мысли-самолеты
Не оторвутся от земли,
Поскольку в эти непогоды
Туманы высь заволокли.

Те дни, когда с тобою мы вне связи,
Однообразны и скучны,
Ума спасительных фантазий
И интереса лишены.

Я будто бы из князей в грязи,
Беспомощный, срываюсь вдруг,
Когда со мною ты вне связи,
Мой старый, добрый, нежный друг.

Людские судьбы – шахматные доски

Людские судьбы – шахматные доски
В сеансах одновременной игры,
Те, что вгоняют
с возраста подростков
В раздумья, вплоть
до старческой поры.

Мы все живем, работаем в цейтноте,
Пытаясь выстроить тот свой этюд,
Что и при самой мерзкой непогоде
Стабильно сохранял бы нам уют.

Зевки, размен фигур и рокировки,
Гамбит, цугцванг и гандикап, и мат –
Все это с нашей жизни, брат,
срисовки –
Все то, чем грешный мир людей
богат.

У каждого свой опыт, свои знанья,
У каждого из нас свой вкус и стиль.
Но каждый вхож
в гроссмейстера желанье
Достойно отработать свой эндшпиль.

Осенняя грусть

Журавли проплыли над землей,
Облака острым клином пронзая,
Я хочу так быть рядом с тобой,
Дорогая моя, дорогая.

Осень грустная плачет листвой,
И шумят деревца, догорая,
Я хочу так быть рядом с тобой,
Дорогая моя, дорогая.

Я брожу, где туман над рекой,
В одиночестве зори встречая,
Я хочу так быть рядом с тобой,
Дорогая моя, дорогая.

Знаю я, за последней чертой
Перемелется мука любая,
Но и все ж, я хочу быть с тобой,
Дорогая моя, дорогая…

Ты рождена в начале лета

Ты рождена в начале лета,
Когда природа вся поет,
Когда разлив дневного света
Потоком ширится, растет.

Когда в густой зеленой чаще
Чудит кудесник-соловей,
Мечтою в выси уводящий,
Волшебной магией своей.

Как опус Брамса для квинтета,
Звучит цикад упрямый хор,
Где трав густых и пряных лета
Переливается простор.

Ты рождена в начале лета,
Когда весенний месяц май
Из щедрых красок, радуг цвета
Перетекает в урожай.

Когда свободная от школы
Шумит, егозит детвора,
Пускаясь в разные приколы,
Беря и в росте «на ура».

Когда горянку горец скромный
Ждет у истоков родника,
А сердце, словно сокол горный,
Стремится, рвется в облака

Ты рождена в начале лета,
Когда небесный звездопад
Играет свадьбы до рассвета
И звезды к звездочкам летят.

Как карусель, кружит планета,
Счастливее влюбленных нет,
В тебе, вобравшей чудо лета,
Сокрыт души моей секрет.

Подснежник

Подснежник проснулся и сладко зевнул,
И, будто привстав на носочки,
На солнышко в небе с любовью взглянул,
Расправил свои лепесточки.

Средь снежной пустыни, обложенный льдом,
Взлелеянный влагою снежной,
Пришел в этот мир он весенним послом,
Такой беззащитный и нежный.

Пусть мало разброса палитры цветов
На долю его перепало,
Но в нем, угнетенном пластами снегов,
Красивости очень немало.

Он словно бы знак примиренья двух сил
Природы, стихии безумных,
Наверно, немало и пар помирил
Букет из подснежников чудных.

И все же, я больше другим поражен,
Исполненным смыслом высоким:
Как хрупкий цветочек, как может так он –
Настолько быть сильным и стойким?

Проза

Аминат Тапалаева

Юноша на белом коне

Рассказ

Случилось это однажды летом. Все мои коллеги по работе разъезжались на отдых кто куда. Я же была единственной среди них, изъявившей желание отдыхать в горах. От старших я много слышала об удивительной красоте горного края, живописных картинах природы, щедром гостеприимстве его жителей. Считала своим долгом посетить край, откуда родом были мои предки.

Меня с радостью приняла, жившая к тому времени одна, троюродная сестра моего отца Нахапу, которую мы все звали Децей[1]. Ее единственный сын, хотя с ней и не жил, не оставлял ее без внимания. Хозяйство Децы составляли две дойные коровы с двумя телятами, несколько кур. Несмотря на то, что дом был маленький и бросалось в глаза отсутствие роскоши, во всем чувствовалась заботливая рука хорошей хозяйки.

Мои первые впечатления от встречи с горным краем оказались не самыми радостными. Они привели меня к разочарованию и к некоторому душевному замешательству. Сказочное представление о жизни в горах растворилось в суровой реальности быта горцев. «Как же люди здесь живут?!» – родилась у меня мысль, проезжая улицы горных сел. Площади были безлюдны. Было ощущение, что все погрузилось в какую-то тяжелую тишину.

Уставшая с дороги, едва успев перекусить, я прилегла отдохнуть. Быстро заснула. Видимо, сказалась тяжелая дальняя дорога. Проснувшись утром, поправив постель, я вышла во двор. Открывшаяся моему взору картина привела меня к восторженному удивлению. Поднимаясь с зеленых лугов, меня обаял чистый утренний воздух. Вокруг воцарилась абсолютная гармония! Это давало ощущение ясности мысли, создавало особый мир чувств… «Неужели это то самое село, которое еще вчера показалось мне мрачным и непривлекательным?!» – подумала я… Но все оборвалось вдруг от неловкости, когда я увидела чисто прибранные комнаты и двор, как будто хозяйка всю ночь и не ложилась спать… Деца слыла хорошей хозяйкой. Буду ли я такой же?! Эта мысль подавляла мое невольное восхищение Децей, рождала чувство соперничества[2] с ней…

– Ты встала?! Я, пока ты не проснулась, готовила свежие сливки, – сказала Деца, возвращавшаяся домой от соседей, у которых она пропускала через сепаратор молоко. Испытывая большое чувство неловкости, опустив глаза, я вышла вперед, чтобы взять у Децы ведро с молоком.

– Почему ты не разбудила меня? Я бы помогла тебе!

– Да я ничего такого и не делала, чтобы нуждаться в помощи. Сходи, сделай туо-берам[3]. Попьем с тобой чай, – сказала она и ушла. На какое-то время я остановилась и смотрела ей вслед с мыслью: «Она уже старая женщина, но ее активности и ловкости может позавидовать любая молодая женщина».

Мы пили чай, разговаривали о разных вещах. «Дочка, через два дома от нас живет Хожа, его сын женился, и сегодня невесту везут домой к мужу[4]. Меня просят привести тебя на свадьбу», – сказала Деца. Не помню, о чем я подумала в этот момент, но было странное ощущение: «Я на вечеринке!» Меня это, с одной стороны, рассмешило. Я представляла себя совсем юной девицей. С другой, отдавая дань глубокой традиции, всегда питавшей особым теплом жизнь горцев, была обрадована. К этому примешивалось и понимание того, что в далеком городе я совсем оторвалась от традиций.

Я считала, что мне не следует идти на вечеринку, потому что никогда не была в таких местах раньше, хотя мне уже 25 лет. Сначала училась, потом работала, времена ушли! Теперь «нет»! Я приехала просто отдыхать!

Пока я успела насладиться тихим вечерним воздухом, поднимавшимся

с горных лугов, к нам зашла Хожина жена, Мелижа. Оказалось, она пришла по просьбе молодых людей села. А я, спустя некоторое время, уже была на чеченской свадьбе. Друг напротив друга сидели юноши и девушки. Меня посадили в ряд с девушками. Кто-то танцевал, кто-то просто веселился. Так, без особых примет, совершался свадебный ритуал. В какой-то момент я поймала на себе чей-то взгляд. Украдкой посмотрев, я увидела красивого юношу. «Почему он в этой шапке?» – подумала я! На нем была каракулевая шапка, которой не было больше ни на ком.

На протяжении всей свадьбы он не сводил с меня глаз, хотя и не приглашал меня на танец, не вызывал к общению. Он выражал все свои мысли взглядом.

Когда на следующий день соседская девочка сказала мне: «Тебя зовет к роднику юноша на белом коне», – мне показалось, что она шутит.

– Кто зовет?!

– Юноша, на которого ты смотрела, ну, парень, у которого белый конь. Он велел сказать именно так, сказал, что ты поймешь.

Несмотря на лето, вечера в горах прохладные, и поэтому я, накинув на себя еще что-то поверх платья, с соседской девочкой, отправилась к роднику.

– Добрый вечер, Петимат! Да благословит тебя Всевышний за то, что ты, проявив уважение к моей просьбе, вышла ко мне.

То, что я увидела до того, как услышала эти слова, чуть не лишило меня рассудка. Около родника, держа белого коня за узды, стоял юноша. Он был один, в черной бурке. Я видела такую бурку только по телевизору, на артистах, танцующих национальный танец. На голове – каракулевая шапка, в которой он был вчера. То, что он говорил дальше, больше было похоже на речь, которую обычно произносят на страницах книг о большой любви.

– С добром живи долго! – произнесла я, когда пришла в себя.

Природа вокруг вдруг затихла: легкий ветерок игриво шевелил листья на деревьях. Было ощущение, что они боятся быть свидетелями нашего разговора. Казалось, что и природа изменилась! Родник, многовековой свидетель настоящей любви, был также удивлен.

– Ты слышишь?

– А ты слышишь? – переспросила я, хотя ничего и не слышала.

– Родник говорит! – он стоял, уткнувшись взглядом в него, как будто разговаривал с ним.

– Не слышу! А что он говорит?

– Он говорит о своем страхе за настоящую любовь, свидетелем зарождения которой он был многие века. О ней, он считает, остались только старые предания, смысл его существования становится уже. Он устал искать в сердцах людей тепло любви. Девушки, забыв о своих кувшинах, собирают цветы, а юноши, оставив лошадей, заблудились в лесах... Просит о своем спасении…

Нельзя сказать, что я раньше не задумывалась над тем, как далеко мой народ ушел от былых законов и традиций. Но то, что глубоко я над этим никогда не задумывалась, мне стало понятно только сейчас.

– Ты узнала меня? Я же тебя узнал, как только увидел.

– А мы были знакомы?

– Что это значит? Только не говори, что ты не смотрела на юношу в бурке и на белом коне?!

– Не скажу! Неужели найдется девушка, которая не ожидала бы своего юношу на белом коне?! Значит, ты явился из моей мечты?!

– Да, конечно! Прости, что задержался, дороги были тяжелые!

Нет, ты не задержался, я бы ждала, сколько нужно было!

Мне показалось, что я попала в сказку! Я не знала его имени, но казалось, что мне никогда не надоест слушать его. Он действительно был будто из сказки. Юноша на белом коне заставил меня забыть все трудности жизни!.. Чуть поодаль стояла девочка, с которой я пришла. Она ждала, пока мы закончим разговор.

– Ты уходишь, не спросив моего имени? – крикнул он вслед позже.

– Я знаю, как тебя зовут, – ты «Юноша на белом коне», – не совсем осознавая, что говорю, ответила я.

– Ва-ха-ха-ха! Ты хочешь удивить людей, назвав меня так. Я – Ибрагим, – крикнул он вслед, когда я уже была далеко.

На следующее утро поняла, что я ни о чем другом думать не могу, кроме как о нем! Когда вечером соседская девочка вошла во двор, ей не нужно было ничего говорить. Я поняла все, прислушавшись к собственному сердцу. Выйдя во двор, я вдруг вспомнила о кувшине Децы, стоявшем в сенях. «Как же я пойду к роднику без кувшина?..» Подняв кувшин на свои плечи, я пошла к роднику, как подобает настоящей горянке.

– Добрый вечер! – сказал юноша, который был, как и вчера, на белом коне, в той же одежде.

– С добром живи долго! – сказала я и поставила на землю свой кувшин. А мой юноша стоял, сведя одну бровь кверху, чуть улыбаясь, как будто спрашивая, что это значит.

– Я хочу дать понять этому роднику, что девушки не забыли о своих кувшинах, – сказала я, останавливаясь около него, довольная тем, что сделала.

– Пока я ждал тебя, говорил ему о том же, спорил, – сказал всадник, выражая, таким образом, свое согласие со мной. Недалеко стоял его конь, время от времени пощипывая траву.

Все последующие дни были также сказочными, кроме последнего. А в этот последний вечер за ужином Деца сказала: «Говорят, что внук Нахапу, с которым ты встречаешься у родника, уехал в город. Я не знаю, какой он сам юноша, но люди они хорошие!

– А он разве не отсюда? – спросила я, не поверив тому, что услышала.

– Да нет, конечно же. Он был в гостях. Я давно Нахапу знаю, только поэтому была довольна тем, что вы встречаетесь. Он, говорят, сегодня уехал в город… Да, дочка, тебе надо подумать о своем будущем... Красота и молодость уходят, – продолжала говорить о своем Деца. Я почти не слышала ее, меня одолевали другие мысли: «А белый конь, бурка, каракулевая шапка? Кто это был! А был ли он вообще? Может, мне сон приснился?» Тяжелой от этих мыслей головой я подумала о том, что мне завтра уезжать. С этой мыслью легла спать и заснула…

Прошел месяц, как я вернулась домой. Однажды утром, на работе, на очередное совещание вошел человек. Представили его как нашего нового руководителя. Он не был на коне, отсутствовали бурка и каракулевая шапка. В руке папка, одет в черный костюм, повязан галстук. Посмотрел бегло на всех, пожелал доброго дня, на мне остановил свой взгляд, кивнул головой, улыбнулся, прошел на свое место и присел. Мне казалось, что совещание никогда не закончится. Я хотела услышать то, что скажет мне молодой человек, который в один миг превратил мою жизнь в сказку…

Мы молча шли по городскому парку. Шли минут пять. Теперь он был одним из многих молодых людей, которые шли по городу. Человек в галстуке даже не спрашивал, ждала ли я его, не говорил о любви. Вместо этого он рассказывал, что, утомленный здешней суетной жизнью, сбежал на отдых к бабушке в горы. Чтобы не вспоминать то, что было в горах, я сменила тему разговора, потому что испугалась: он мог украсть мою сказку, которую я берегу, как берегут дорогой и хрупкий жемчуг…

Позже я часто встречала Ибрагима на работе. Но оставшегося навсегда в моих мыслях «Юношу на белом коне» я не встречала больше никогда…

---

[1] Деца – тетя по линии отца.

[2] Соперничество в хозяйских делах чеченки считается ее положительным качеством, способным создать уютный, комфортный дом в его национальном понимании.

[3] Туо-берам – смесь свежих сливок с творогом. Готовят обычно на завтрак.

[4] Невесту, по традициям, прежде чем вести сразу в дом к жениху, ведут или к близким друзьям, или к родственникам, проявляя, таким образом, к ним уважение.

Перевод с чеченского Субар ИНАРКАЕВОЙ

Наргиса Карасартова
Кыргызстан

Журналистка, писатель, поэт. Автор книг «Бриллианты на снегу» и «Маленьким Мечтателям» (в соавторстве с сестрой Лейлой Карасартовой). Участница IX форума молодых писателей России (Липки); победительница международного литературного конкурса «Золотая табуретка – 2012» в номинации «Лучшие сказки для детей». Член Национального союза писателей Кыргызстана, член Союза журналистов, член Кыргызской ассоциации переводчиков. Региональный корреспондент «Общеписательской литературной газеты» (г. Москва) по Кыргызстану.

Согрей же, сказка

я слышу не деление души. что пара фраз?
и оклик неба на ладони – влажной меткой,
и в этот скудный, горбоносый и сутулый час,
лишь вздох потери, – подлинная мерка.
…я отойду на полминуты от судьбы
и в неприглядность бытия взгляну сурово,
апрель окончил, как окончены суды
всех перипетий, только жизнь снова
вся впопыхах, в переполохе – в май,
где мои слезы шепчутся о счастье,
где смех грустит, кричит – прощай!
а я надрывно рвусь на маленькие части?
но нахожу, что разделить в себе… себя,
разлиновать потери не под силу.
апрель ушел, синя сиренью, серебря
и старт крамольного и раненого мира,
а я держусь за небылицу, как за столб,
чтоб не упасть, не впасть в просторы муки –
вот влажной меткой неба – в лоб,
затем опущенные в полдень руки…
спаси, спаси иносказанье, волшебство
и вымысел причудливый и дерзкий,
я путник твой – ты чувствуешь родство?
согрей же, сказка, надеждой чистой, детской!

Сон о побеге

собрав вещи в челночную сумку,
сбегала с другим, чужим
он показался красивым,
особенным и т.д.,
но по дороге нас
остановили бандиты,
и мы в испуге легли
на мокрую землю,
а в небе обезумевшие звезды
собрались в кучку;
зернистые, крупные, будто бусинки,
тяжелые слезы,
как дисциплинированные солдатики
скомпоновались на губах,
и я не могла – ни слова, ни звука.
небо покачивалось
на тоненьких плечах,
земля на пьяных ногах пошатывалась,
и я чувствовала,
что между небом и землей
болит поясница.
тогда поняла,
что ни к чему был этот побег,
что я остаюсь с тобой.

Сон подошел в таинственной мантии

Сон подошел в таинственной мантии,
Я затерялась в штрихах хиромантии.

Сон, это таинство лучше не трогай
Мыслью скупой, немного убогой.

Сон интуиция яростно ищет,
Ту оболочку, где сердце все слышит.

Сон разветвляет мое понимание,
Приоткрывая свое содержание.

Сон – это больше,
чем связь откровений,
Разминовение всех совпадений.

Сон предвещая, диктует на гравий
И был ты во сне реальней, чем в яви!

Сон под утро особенно сладок,
Ты мне приснился –
желанный подарок…

Мечта поэта и мечта женщины

мечта поэта –
река соловьиной трели.
думает, прожить бы
в звучных водоворотах быстрины,
направляя глубинное течение
вдохновений к устью.
а дальше?.. дальше
лиловое море песен.
мечта женщины
просыпаться
от запахов апельсинных
и дольше.., дольше
пить с любимых ладоней и губ
лиловую нежность.

Воспаленная осень

воспаленная осень,
вся от боли шатаясь,
не находит привычный приют.
по промокшим бульварам,
люди спешно в горячке –
по делам неотложным идут.
и во мне, вот оказия право,
суеверно надежда живет,
что с тобою я повстречаюсь
на развилистой ленте дорог.

Плач Деметры

плач Деметры –
затяжной и горький.
желтыми слезами –
листопад.
только на губах
терпкий вкус немного –
листья, словно лапки,
щупают опять.
осязать мы можем:
волны, воздух, ветер.
может, показалось
сгоряча,
что однажды ночью
на мои ладони
на мгновенье прыгнула
все твоя распутная,
нежная душа

Твое сердце

Твое сердце большое-большое,
все оно моя колыбель,
Убаюкай меня, золотое,
туки-тук, стук подхватил свирель.

Я укроюсь из звезд покрывалом,
распущу косички пред сном.
Здесь приятно, легко, небывало,
мой багряный, тепленький дом.

Поселюсь в твоем сердце, не выйду,
растревожу ночи и дни
и свирель, что кленовая дудка,
пусть играет об алой любви.

Ама*

бросишь на дно
леденящие слезы;
рухнут мечты
в подводных мирах,
но ты забыл ама – я
кинусь
горькие перлы
твои собирать.
и, затаивши дыханье
в пучине,
я все пойму
в глубинной воде:
ты подарил мне
сияние жемчужин
и растворился
везде.

Никто не застрахован от беды

Никто не застрахован от беды,
Никто не застрахован от ошибок,
Никто не застрахован от среды –
Притворства и обмана средь улыбок.

Все сказано стихами о любви

Все сказано стихами о любви,
все перепето, сыграно, начато…
один лишь долг – остаться вновь людьми,
пока земля другая не зачата.

Не думай, что тебе не повезло –
одна любовь на всех, одна планета
и если ты рожден – убудет зло,
отменят представленья конца света.

И будет в судьбах – перекрестный мир –
несыгранный, неспетый, несказанный,
расширится до края краткий миг –
планета улыбнется первозданно,

Вот думаю, что мне так повезло
в студеный день – стремительные строки,
а в комнате прохладно и светло
и за дверьми – непройденные тропы.

Я у зимы прошу, о, дай мне шанс,
о счастьях рассказать правдивым словом…
блеснет в ответ январский перфоманс
и жизнь продолжит музыку всю снова.

---

*Ама (япон.) – ныряльщица за жемчугом.

Проза

Алвади Шайхиев

Новоявленный нувориш, или Несостоявшаяся карьера

Рассказ

Я не помышлял писать об этом. У меня было достаточно времени, чтобы запамятовать все, что когда-то меня связывало с ним и послужило поводом для нашего отчуждения. Но случайная встреча на хасавюртовском зареченском базаре вывела из летаргического сна мою память, высветила все годы, проведенные вместе.

Я знал его много лет. В конце шестидесятых годов я уехал в Грозный, а он остался в Хасавюрте.

В первые годы он приезжал ко мне с ветром, гуляющим в кармане, скребя мелочь на проезд в один конец. (Эту деталь я подчеркиваю только потому, что она сыграла особую роль в наших взаимоотношениях). Несмотря ни на что, я, и не только я – вся наша семья всегда бывала несказанно рада его приезду. Веселый, с искрящимся юмором, он всегда располагал к себе. По приезду в Хасавюрт и мы спешили к нему. Нам было с ним легко и уютно. И им тоже, казалось, с нами, хотя жилось им, честно сказать, трудно. Мизерная заработная плата. Подрастающие дети с возрастающими потребностями...

В очередной мой приезд Султан обрадовал меня:

– Мои мытарства, надеюсь, скоро закончатся. Есть тут одна работа. Если устроюсь, это будет грандиозное событие в моей жизни.

– Желаю удачи. А что за работа?

– Секрет, дружище. Пока только одни прикидки. Боюсь сглаза.

Я был искренне рад за друга. Вдвойне приятно будет, если, устроившись, он сообщит радостную весть. Не стал допытываться, хотя весь вечер, говоря о разных вещах, мы непременно возвращались к этой теме – намечаемой работе.

Я уехал с легкой душой: наконец-то моего друга осчастливит работа. Примерно через неделю ко мне пожаловали гости из Хасавюрта. Один из них, Израил, зная о наших с Султаном взаимоотношениях, вдруг сказал:

– Со следующей недели твой друг приступает к работе. Мы окончательно уладили этот вопрос.

– А что за работа? – поинтересовался я.

– Он заменит меня, – ответил Израил. – Я перехожу на другую работу. Правда, Султан еще не знает, что приказ подписан. Я его еще не видел.

Тут меня осенило: когда ему предложили другую должность, он порекомендовал на свое место Султана.

– Спасибо тебе, Израил, – говорю. – Султан нуждался в соучастии.

Все складывалось как нельзя лучше. Только я не мот никак уяснить себе, почему Султан скрыл от меня все это. Ведь он знал, что я знаком с Израилом и мы с ним в очень хороших отношениях. Ведь, в случае необходимости, я тоже мот поговорить с Израилом, если только этот вопрос зависел от него. Да и в любом случае, он же, оказывается, был инициатором и посредником.

На следующее утро, проводив гостей, я вернулся и, еще не успел раздеться, как раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Султан. И первым его вопросом был:

– Израил еще здесь?

– Вы разминулись. Я только что возвращаюсь с автостанции, проводив их. Он огорчился.

– Израил ничего не говорил тебе? – спросил Султан за чашкой чая.

– Поздравляю тебя! – решил не мучить его неведением. – Приказ о твоем назначении подписан. В понедельник выйдешь на работу...

Он заторопился домой. Я его понимал и не стал удерживать.

Теперь, по прошествии многих лет, я склонен думать, что это его спешное прощание со мной провело первую черточку межи между нами.

Приезжая в Хасавюрт, я всегда спешил к нему. Иной раз заставал дома, но он, извинившись, вынужден бывал укатить куда-то на ночь глядя. Потом я понял: у Султана теперь новые знакомые, может быть, даже и друзья, с которыми ему куда интереснее и сподручнее, чем со мной.

Он был теперь начальником организации, которая, при наличии смекалки, позволяла делать «деньгу». А он оказался парнем смекалистым. И бухгалтера тоже подобрал такого.

Буквально за год купил большой шикарный дом и, обустроив его на свой вкус, переехал с семьей. Затем купил машину. Нет, не себе – сыну. Его самого-то возила служебная машина. Еще через некоторое время купил другую машину. Просто так – она же еду не просит.

Его брезгливо-горделивый взгляд, вальяжное сиденье в машине рядом с водителем на первых порах, а потом на заднем сиденье – меня раздражали. И в то же время я его ни в чем не винил. Для меня главным было то, что он теперь может содержать семью.

И мы расстались с ним на годы.

Но вот неожиданно встречаю его на зареченском базаре, обросшего щетиной, жалкого и беззащитного.

Жизнь порядочно измотала его. По-человечески мне стало жаль его, в одно мгновение ставшего нуворишем и в такой же миг – нищим, опустившимся, требующим сострадания. Было видно: фортуна отвернулась от новоявленного нувориша.

– Что случилось, Султан?

Он пожал плечами. И сразу же:

– Долгая история. Давай, не будем об этом, ладно?

Теперь моя очередь была пожать плечами:

– Не будем.

Его руки тряслись. Он понял, что я заметил.

– Похмели, будь другом.

Я достал червонец и протянул ему:

– Ты извини, меня ждут, – спохватился: – Дела ждут. Прощай.

Мы расстались.

Я шел на работу и почему-то в мозгу засели где-то вычитанные мной слова: «Ненависть сблизила их, но потом, встретившись после долгой разлуки, любовь вновь разъединила». О ком эти слова? Не о нас ли?

Я умышленно отказываюсь от аналитической оценки трагедии моего бывшего друга. Надеюсь, что читатели сделают это за меня.

Да, кстати, чуть не забыл. На днях я вновь увидел его, правда, издалека, на одной из городских улиц. Опрятно одетый и чисто выбритый, он твердой походкой в темпе шагал куда-то. «Возможно, новую работу предложили – первое, что пришло мне в голову. – Куда же приведет его фортуна?»

Ответ на этот вопрос касается не только судьбы одной личности, но и его семьи, нашего общества в целом.

Драматургия

Муса Ахмадов

У родника

Комедия

Действующие лица:

Деши
Полла
Липа
Зезаг
Кока
Бикату
Алсолт

Место, где некогда бил из-под земли родник и собиралась молодежь. Родник пересох. Но к бывшему роднику часто приходят девушки, надеясь встретить здесь молодых людей. Они поют:

Хоть ночь и выдалася темной,
Ты все равно приходи,
Чтобы ночь не была темной,
Я буду светить тебе луной.

ДЕШИ. И до ночи далеко, и день не пасмурный, однако никого нет.

ПОЛЛА. Кого ты имеешь в виду?

ДЕШИ. Ты разве забыла Алсолта, что приходил вчера?

ПОЛЛА. Видела. Только не знала, как его зовут.

ДЕШИ. …А мне он очень понравился…

ЛИПА. Не знаю, понравился он тебе или нет, но глаза его все время искали меня.

ДЕШИ. Не надо придумывать. Он не отводил от меня взгляда.

ЗЕЗАГ. А вот и неправда! Его прекрасные черные глаза смотрели все время на меня! Не говоря уже о том, что у него на сердце.

Бикату играет на гармони короткую мелодию.

ЛИПА. А ты откуда знаешь, Зезаг, что у него на сердце?

ЗЕЗАГ. Это видно, стоит посмотреть на него.

ДЕШИ. Тоже мне, ясновидящая! Ты что, умеешь читать чужие мысли?

ЗЕЗАГ. Нет, читать чужие мысли не умею. Но мечту Алсолта вижу ясно: он жаждет сорвать с зеленой поляны на горном склоне цветок[1] и унести его себе домой.

КОКА. Ха-ха-ха! Ты говоришь про себя?

ЗЕЗАГ. Конечно! Ведь меня так и зовут!

ДЕШИ. Если рассуждать так, ему лучше взять золото[2], которое всегда в цене, и в огне оно не горит, и от грязи его легко отмыть. А цветок – он не сегодня-завтра завянет и засохнет.

КОКА. Ты, конечно, имеешь в виду себя?

ДЕШИ. Конечно! Не тебя же!

КОКА. А знаешь, о чем я подумала, только лишь взглянув на него? Раз ты ищешь невесту, ты пришел по адресу. Он очень привлекательный парень, похоже, что и трудолюбивый. Мы бы разбили огород и зажили в мире и согласии, воркуя, как голуби[3].

ЗЕЗАГ. Я уверена не столько в себе, сколько в амулете. Я была вчера вечером у муллы, и он приготовил мне амулет…

ЛИПА. Могу сразу сказать, что это тебе не поможет. Я ходила вчера к Бакарбике, и она мне гадала. Сказала, что именно я приручу это горного сокола, этого тигра… Так что, ты опоздала с амулетом…

ЗЕЗАГ. Это мы еще увидим!

ДЕШИ. Перестаньте! Вам не помогут ни гадания, ни амулет. Его любовь к Деши сильна. Мы не будем жить в селе, уедем далеко, на какой-нибудь прекрасный остров в океане... (*поет*.)

Уедем, оставив вечер, Али,
Уедем, оставив утро, Али,
На красивом «Мерседесе», Али,
Уедем на край света, Али.

Там, на этом острове, растут пальмы с бананами. Буду звонить с мобильного: «Алло, Липа, это ты? Что нового в селе? Мушмула уже поспела?!

БИКАТУ *перебирает клавиши гармони, приговаривая:* На большее у вас ума не хватает!

ЛИПА. Мушмулы уже нет, у нас уже черемша выросла! Спустись на землю, хватить мечтать!

ЗЕЗАГ. Ты очень хорошо говорила, Деши. Надо лишь добавить кое-что. Первое: остров этот будет утопать в цветах… Золото там не требуется. Мы продадим его, и у нас будет полно денег. А цветы необходимы везде. Второе: у нас будет белоснежная яхта. Я буду стоять на этой яхте и петь в ответ и Алсолт, танцуя, как танцор «Диско», направится в мою сторону. В этот момент волна качнет яхту, и он упадет за борт… Он исчезнет в волнах (*плачет, напевая индийскую мелодию*). Тут я увижу моего Алсолта на спине дельфина: он спас его. Дельфин плывет к яхте, за ним устремляется акула. Я брошусь к борту и, взяв за руки, вытащу моего Митхуна, моего Раджу, то есть моего Алсолта на палубу, вытащу прямо из пасти акулы.

Бикату играет на гармони, Зезаг танцует индийский танец.

ЛИПА. А ты почему молчишь, Полла?

ПОЛЛА. А что говорить? Бабочка[4] должна порхать с ветки на ветку, с цветка на цветок и пить нектар, а не трепать зря языком. К тому же, не такое уж и высокое дерево этот Али, чтобы я так переживала за него.

Звонит телефон. Полла берет трубку:

Алло! Да, это Полина. Я? В Москве, в гостях у Аллы Пугачевой… Что делаю? Учусь петь. Нет, я не пошла на «Фабрику звезд», хоть Алла Борисовна и пригласила меня. Очень уж вульгарны эти звезды. Мерси! О кей! Силь ву пле!

ДЕВУШКИ. О-о-о, какая же ты крутая, Полла!

Поют:

На высоком дубе
Заклекотал орел,
На лесной поляне
Заплакала черная орлица.
Мой милый, родной мой,
Сегодня не смогу я выйти к тебе,
Завтра вечером приходи обязательно.
Неужели ты хочешь,
Чтобы соседи говорили о нас?
Неужели ты хочешь,
Чтоб сельчане судачили о нас?
Мой милый, родной мой,
Сегодня не смогу выйти к тебе,
Завтра же вечером приди обязательно.
Явись темной ночью,
Явись на быстром коне.
Мой милый, родной мой.
Давай, уйдем с тобой к скалам,
Когда уснут лесные птицы.

КОКА. Какая хорошая песня!

ЛИПА. Как хорошо мы ее спели!

ПОЛЛА. Бикату хорошо сыграла, хоть и молчит все время.

ДЕШИ. Хорошо, что хоть она молчит. А то вы мне и слово бы не дали вставить.

КОКА. Девушки! Хорошая все-таки у нас компания! Я давно мечтаю выйти с вами к роднику и спеть! В натуре… Там, на зоне, я часто вспоминала вас…

ПОЛЛА. На зоне? Ты что, сидела?

ЛИПА. А ты разве не знала?

ПОЛЛА. Я редко бываю дома…

ЗЕЗАГ. И то правда.

ПОЛЛА. А за что тебя посадили?

КОКА. Я правозащитница. Борюсь за права человека. Посадили меня за то, что я защищала права чеченского народа.

ПОЛЛА. Ваув! Бедная ты, Кокушка! Ты и в школе была очень справедливой. Мы называли тебя Анджела Дэвис… И Жанна д'Арк…

ЗЕЗАГ. Принципиальная девушка наша Кока.

ЛИПА. Я хочу прочитать стихи про Коку.

Наша скромная Кока,
Наша красивая Кока…
Весь наш мир
Озарила ты, Кока,
Борешься за справедливость,
Не сворачивая с прямого пути…
Мы смотрим на тебя,
Мы гордимся тобой!

Все аплодируют. Бикату играет.

ПОЛЛА. Ваув! Да у тебя талант, Липа! Такие стихи пишешь! Это круто! Почему про тебя не говорят, не пишут?

ЛИПА. Вайнахи не любят талантливых людей. Стихотворение, которое я только что читала вам, у меня уже тысячное. Кто из чеченцев написал тысячу стихотворений? А?

ПОЛЛА. Ваув! В книгу Гиннеса!

ДЕШИ. Вот это Липа! Какая ты хорошая девушка! Ее слова были записаны на огромном транспаранте большими буквами… Как там было, Липа?

ЛИПА.

Не бросайте бомбы,
А то у Бабы выпадает челюсть.
Ты, птица, лети в синее небо,
Оставив в воздухе перышко.

ДЕШИ. Она вывесила эти слова на свой крыше, и летчик, пролетая, плакал, говорят, навзрыд, приговаривая: «Какие добрые люди живут в этом селе, как они любят свою Бабу!»

ЗЕЗАГ. Да, именно поэтому наше село и уцелело, его не стали бомбить.

Звонит мобильник Поллы.

ПОЛЛА. Алюв! Бонжур! А-а, это ты, Линда… Пардон! Я сейчас в Париже и поэтому, забыв уже, что не француженка, говорю по-французски. Что делаю в Париже? В гостях у Бриджит Бардо. Она пригласила… Да так, давно не виделись, она соскучилась и, вот, позвала… Нет, я ушла с «Фабрики звезд», хоть и прошла с блеском все туры. Да ну, что мне делать среди этих вульгарных колхозников?! Алла Борисовна обиделась на меня, что я покинула ее проект… А мне все равно… Ладно, пока, Линда! Мерси! Силь ву пле! Адью!

ДЕШИ. Классная девушка наша Полла, культурная. Окончила несколько институтов. В каких городах она только не побывала?! В каких городах ты училась, Полла?

ПОЛЛА. Ваув! Их было много, разве упомнишь все? От Санкт-Петербурга

до Хабаровска. Много чего успела уже повидать, подруги!

ЛИПА. Я хочу прочитать вам строки о Полле, которые только что родились в моей голове:

Красивая Полла, скромная Полла,
Ты во всем лучше всех.
Жила в России очень долго,
Изучая все науки.

КОКА. Хорошее стихотворение! Зезаг тоже, как и Полла, хорошая девушка. При взгляде на нее я сразу думаю об Индии. Стоит пририсовать ей на лбу родинку, и ее не отличить от индианки, в которую был влюблен Митхун Чакраборти.

ЗЕЗАГ. Спасибо, Кока! Никто не говорил мне таких слов.

ПОЛЛА. Как, никто?! Я говорила…

ДЕШИ. А мне ты напоминаешь Джади.

ЛИПА. Сочинила стихотворение.

ПОЛЛА. Ваув! Да ты фабрика поэзии!

ЛИПА.

Прекрасный цветок Индии,
Ты расцвел в Чечне родной,
Смейся – плачь, смейся – плачь,
Песню пой и танцуй!

ЗЕЗАГ. Спасибо вам! *(Зезаг плачет. Потом смеется. Бикату играет индийскую мелодию. Зезаг начинает танцевать. Неожиданно останавливается):* Девушки! А почему мы забываем про Деши? Ведь это именно она завалила все рынки Чечни золотом, привозя его из Турции.

КОКА. Деши – хорошая девушка.

ПОЛЛА. Деши крутая! Комон! Комон!

ЛИПА. Стих! Стих!

КОКА. Давай, валяй!

ЛИПА.

Красивая Деши, золотая голова,
В бриллиантах шея,
Изумрудов у нее полно,
Сама чиста, как горный родник.

ПОЛЛА. Ваув! Браво!

КОКА. Сейчас, ребята… вернее, девушки… Я бы хотела выпить бокал… Ой, что это я?..

Девушки смеются.

ПОЛЛА. Ваув! Это ты по привычке…

КОКА. Молчать! Хочу сказать несколько слов о Бикату… Без Бикату наша компания была бы неполной…

ЗЕЗАГ. Бикату красивая, скромная, очаровательная девушка.

ПОЛЛА. Верий, верий найс!

КОКА. Что?

ПОЛЛА. Это на английском языке…

ЛИПА. Хочу прочитать стихи!

ПОЛЛА. Ты береги свой талант…

ЛИПА. Для подруг не жалко… Если мне дадут Нобелевскую премию…

ЗЕЗАГ. Ах, как здорово бы это было… (*Начинает плакать, потом улыбается сквозь слезы*): Скажи, Липуля, что бы ты тогда сделала?

ЛИПА. Разделила бы на шесть частей… Чтобы нам всем досталось.

ПОЛЛА. Ваув!

ДЕШИ. Да поможет тебе Аллах, Липа!

ЛИПА. А сейчас я хочу прочитать стихи, которые посвятила нашей Бикату.

Наша Бикату, ту-ту-ту,
Не сравнится с тобой и «Тату»,
Хорошо, что ты у нас, Бикату,
Есть, ту-ту-ту-ту.

Бикату играет на гармони.

ПОЛЛА. Ваув! Браво! Бис! Лепота!

ЗЕЗАГ. Девушки, какие мы все прекрасные! Только вот родник почему-то пересох… Лишь иногда мутная вода показывается… С запахом бензина.

ЛИПА. Говорят, раньше родник был большим. Здесь собиралось много молодых ребят и девушек… Нет, лучше я скажу дальше стихами:

Здесь был чистый родник.
За водой сюда приходила
Моя прапра… прабабушка
Каждый вечер, каждый день.
В груди ее любовь пылала,
Что родник не мог остудить.
Много молодцев спешило к роднику,
Мечтая хоть раз взглянуть на нее!

ПОЛЛА. Браво! Браво!

ЗЕЗАГ. Так вот, я рассказывала…

КОКА. Говори, Зезаг, говори, не тяни.

ЗЕЗАГ. Сколько нас тут, красивых, молодых, а вот ребят, как в старые времена, у родника нет… Один Алсолт пришел.

КОКА. Во всем мире сегодня дефицит парней. Наступили времена, о которых говорили наши предки, когда женщины, услышав в лесу стук дятла, будут бросаться туда, думая, что это мужчина рубит дрова. В натуре!

Звонит мобильник Поллы.

ПОЛЛА. Хэлло! А, это ты, Аза. Я в Лос-Анджелесе, в Голливуде. Поэтому я говорила по-английски, думая, что ты американка. Да вот, Шерон Стоун позвала, говорит, что соскучилась. Да облепили меня тут все. И Чак Норрис здесь, и Мел Гибсон, и Джеки Чан… Нет, я никогда не выйду здесь замуж. Я же патриотка. Я дома нашла парня, красивого, как Мел Гибсон, храброго, как Чак Норрис, ловкого, как Джеки Чан… Кто? Алсолт. Я выхожу за него замуж. Бай-бай! Ай лав ю! Адью!

КОКА. Постой-ка, Полла! Рано радуешься! Если думаешь, что Алсолт достанется тебе, крупно ошибаешься!

ПОЛЛА. Увидим! Ребята любят продвинутых девушек.. Таких, как я…

КОКА. Ты говоришь о девушке со сдвигом по фазе?.. В натуре!

ДЕШИ. Ничего у вас не выйдет! Зря стараетесь!

КОКА. А ты откуда знаешь?

ДЕШИ. Не слышали разве, как наши отцы говорили: дочери ищи цу[5], сыну – х1у[6]?

ЗЕЗАГ. Что это значит, Деши?

ДЕШИ. Это значит, что девушка ищет жениха с достатком, парень девушку с чистотой, достойной родословной. Никто из вас не имеет таких достойных предков, как я!

КОКА. То есть, ты хочешь сказать, что произошла от обезьяны?

ДЕШИ. Нет. Мой предок – Таймиев Бейбулат, «гроза Кавказа», как назвал его Пушкин, который встретил его по пути в Арзрум.

КОКА. Мой седьмой отец – Сурхо, сын Ади, который загасил князя Мусоста!

ПОЛЛА. Тоже мне! Мой пятый отец пролез внутрь дракона, разрезал кинжалом его спину, вылез и убил чудовище! Его звали Элаборз, сын Олбаздука, ясно вам?!

ЛИПА. Мой дедушка был великим чеченским поэтом! Он написал такие слова:

Дыня, дыня,
Желтая дыня…

ЗЕЗАГ. Мои предки много веков назад пришли из Индии. Они были там раджами, имели целые стада слонов…

Напевает индийскую мелодию.

КОКА. Эй, подожди, не надо тут прыгать, как коза! Эй ты, потомок Бибулата Таймиева! Доказательство, что ты не его потомок, твое имя – Ц1аста[7]!

ДЕШИ. Меня зовут не Ц1аста, а Деши…

КОКА. Нет, Ц1аста! Знаешь, почему? Все, что ты продаешь под видом золота, является медью, покрытой золотой пылью… Халтура!

ПОЛЛА. О кей! О кей! В этом ты права, Кока! Я все думала, как ей сказать об этом.

КОКА. Все ее кольца и серьги тоже из меди… А часы ее без одной стрелки! Ха-ха-ха!

ДЕШИ. Эй! Чему вы это так радуетесь? Ищете соринку в моем глазу, не видя бревна в своем…

КОКА. Что за чушь? В натуре!

ДЕШИ. Я тебе растолкую, что за чушка... Это ты потомок Сурхо, сына Ади?! Если бы это было так, разве ты продавала бы технический спирт под видом водки? Чуть не отправила несколько человек на тот свет! Тебя же и посадили за это… Вождь алкашей!

ЗЕЗАГ (*приближаясь к Деши*). Ты права, Деши.

КОКА. Ты сейчас узнаешь, кто я, медный кувшин! Я таких на зоне штабелями мочила!

Бросается на Деши. Полла заступается за Коку. Бикату играет военный марш. Липа пытается их разнять. В это время показывается Алсолт. Увидев его, Бикату начинает громко читать:

Али идет, Али идет!
У Али серый конь,
Папаха у него высокая,
И лицом сам пригож!

Драка прекращается.

ЗЕЗАГ. Здравствуй, Алсолт!

ДЕШИ. А мы изучаем современные танцы.

ПОЛЛА. Да, аэробику, фитнес…

КОКА. Решили поразмяться, песни спеть… Добро пожаловать!

АЛСОЛТ. Здравствуйте! Вы известны на всю республику, на весь Кавказ своими танцами, песнями…

ЗЕЗАГ. Да, это верно… Мои отцы сотню лет назад переселились сюда из Индии… Они были там раджами… Имели большие стада слонов… Поэтому культура Индии в моей крови…

Начинает индийский танец.

ДЕШИ. Умею и петь, и танцевать… Мой предок Бейбулат Таймиев… «гроза Кавказа», друг Пушкина… Зовут Деши…

Знаю, что яблоко от яблоки падает недалеко… Ласковое слово заставило змею выползти из коры… Как говорится, ищи дочери цу, сыну – х1у… Если ищешь х1у – ты, считай, уже нашел…

ПОЛЛА. Хэлло! Бонжур! Маршал! Я Полла. У меня имеется мобильник. Можно звонить, куда пожелаешь! Окончила восемь институтов… повидала города, страны… Владею пятью иностранными языками… «О кей! Гудбай!» – это английский язык, «Бонжур, Сова!» – французский, «Собреро! Буэнос – но чеас! Тореодор», – испанский… Португальский похож на испанский, только вместо «с» – «ш»… Шабреро… Мой прапрадед убил дракона на вершине Башлама…

ЛИПА. А знаешь, кто я? Я написала тысячу шесть стихотворений… Мой дед

– классик чеченской литературы… Он автор шедевра:

Дыня, дыня,
Желтая дыня!
Лепешка, лепешка,
Весь мир ты накормила,
Почему же не насытила
Ты меня?..

Я и про тебя написала большую поэму… Знаю танцы Дагестана…

Начинает акушинский танец.

КОКА. Мой предок – Сурхо, сын Ади, который изгнал князя Мусоста, зовут Кока. Верно, как жена Шихмирзы, сына Зайта. Могу так притопнуть, что из-под земли начнет бить родник… И спеть так громко, сколько выдержат твои барабанные перепонки…

Хоть ночь выдастся и темной,
Ты все равно приходи,
Чтобы ночь не была темной,
Я буду светить тебе луной

Играя на гармони, начинает танцевать Бикату.

АЛСОЛТ. Э-эх! Зная, что вы такие порядочные, веселые девушки, я и пришел за вами – позвать вас на белхи, месить глину для нового дома… Если честно, про вас Човка первой вспомнила. Кстати, вам привет от Човки.

ДЕВУШКИ. Спасибо!

ПОЛЛА. От какой Човки?

ДЕШИ. Ты про подругу нашу?

КОКА. Которая месяц назад вышла замуж в Варанды?

АЛСОЛТА. Про вашу подругу. Она просит вас придти в воскресенье на белхи.

ЗЕЗАГ. А ты кем доводишься Човке?

АЛСОЛТ. Я? Родственник… Как бы точнее сказать… Неудобно как-то… Я… короче, я ваш зять!

ДЕШИ. Ты муж Човки???

АЛСОЛТ. Утром, когда выходил из дома, был им, во всяком случае…

Девушки пораженно застывают. Некоторые падают без чувств. Через какое-то время приходят в себя. Бикату начинает играть на гармони, и девушки поют и танцуют с Алсолтом.

Занавес.

---

[1] Зезаг – цветок.
[2] Деши – золото.
[3] Кока (кхокха) – голубь.
[4] Полла – бабочка.
[5] Цу – толокно.
[6] Х1у – семя.
[7] Ц1аста – медь.

Перевод с чеченского Сулимана МУСАЕВА.

Чеченский язык

Арби Вагапов

Англо-чеченские лексические параллели

В статье рассматриваются более 240 лексических параллелей основного словарного фонда германских и нахских языков, как-то: 17 терминов родства, 23 названия частей тела, 14 названий животных, растений и т.д.

Термины родства

Англ. **baby** – ребенок, малютка (вероятно, субстантивированное *прилаг*. маменькин (любимчик, сыночек), маменькино (чадо); ср.-в.-нем. babe – мать, buobe – мальчик – чеч. **babi** (*кIорни*) – *мамин* (ребенок), *бабин* (любимчик)», *бабиниг* – «родименький, родненький, любимый» от **baba** – *детск*. «бабушка, матушка», ср. чеч. *схьавоьлла, баби* – «иди-ка сюда, родненький», *баба яла хьан делаI* – да умереть твоей матушке (за тебя или вместо тебя), *бабина виса хьо делаI* – чтоб ты остался (= живым) матушке.

Англ. **born** – рожденный, др.-англ. bearn – ребенок, beran – рождать, шотл. bairn – ребенок (и.-е. ***ber** – child) – чеч. **ber** – ребенок, дитя, **bar** – рождение.

Англ. **brother** – брат; собрат, коллега; земляк (и.-е. ***brat** – член мужского союза; союзник) – чеч. **bart** – братство; союз, **bartkho** – союзник, собрат.

Англ. 1. **buck** – самец (оленя, антилопы и т.д.); денди, щеголь, 2. buck – козел (гимн. снаряд), нем. Bock – козел, и.-е. ***bog-** козел – чеч. **buož** – козел (диал. buog), **buoža** – мужчина, мн. **buožarij, buožaber** – мальчик, *букв*. мужчина-ребенок.

Англ. **dadd, daddy, dada** – отец, папа – чеч. **dada** – отец; дедушка, **dadi** – папа, папочка.

Англ. **child** – ребенок, дитя (< др.-англ. cild, др.-швед. kulder, kolder, швед. kull, др.-дат. koll, дат. kuld), греч. kylla – щенок, детеныш (< и.-е. ***koli-**), skyllos – собака, пес, лит. kale – сука – чеч. **k'illuo** – трус. Вероятно, связано с чеч. *цIилла* – трус, щенок женского пола, *цIуола – презр*. баба, трус (груз. *калцIули* – девственница). Исходное значение – детеныш, щенок. Семантически ср. рус. *ребенок – робкий*. Значение щенок, юнец еще просматривается в фольклорном выражении *бабин кIиллуо* – бабулин щенок, маменькин сынок. Англ -d в child, возможно, является отражением грамм. экспонента вроде нахского *-да*: в *кIиллуо да* и *цIилла да*.

Англ. **gent** – джентльмен (и.-е. ***gent** – род; рожденный, сын) – чеч. **k'ant** – сын; молодец; удалец. Того же корня англ. gander – гусак; *разг*. женатый человек; соломенный вдовец = gannet, н.-нем. gante, голл. gent – чеч. k'ant, *диал*. k'anat, мн. k'entarij.

Англ. **kid** – козленок, мальчик < малец, малыш – чеч. **k'ad** – малость, пустяк, пупурышек; родинка, дагест. хварш. kad – девочка, гинух. ked, бежт., гунз., цезск. kid – девочка < маленькая, малышка, кроха.

Англ. **marry** – выходить замуж (и.-е. ***mare-** – id. от и.-е. ***mar-** молодой человек, муж, франц. **mari** – муж) – чеч. **mar-e** – замужество; замуж (от чеч. **mar** – муж), **maira** – муж; мужественный.

Англ. **mother** – мать (и.-е. ***mat-** мать, ***mater** – матка; матрица) – чеч. ***matt** – сердцевина, центральное место; матка, **matt-era** – коренной, оригинальный, чеч. *меттара стаг* – настоящий, капитальный мужчина).

Др.-англ. **mecg** – муж, герой [4, 80-81] – чеч. диал. **ma'a-sag** – мужчина, где ma'a – рог (крутые рога – признак мужского пола).

Англ. **nana** – бабушка, няня, nanny – нянюшка – чеч. **nana** – мать; бабушка, **nani** – мама, мамочка.

Англ. **stag** – олень-самец; биржевой спекулянт; холостяк, **stag-party** – прием, обед (без женщин), мужская вечеринка, др.-англ. **secg** – человек, мужчина [6,

386; 7, 118], **thegn** – воин [4, 80] = нах. ***sag** – олень; мужчина (бац. **sag** > чеч. sai – олень), чеч. **sag // stag // tag** – человек, мужчина.

Англ. **new** – новый (лит. navas, лат. novus – новый; новобрачный, греч. neos – молодой, новый, шугн. nawča – поросль, молодые побеги, и.-е. ***neus-** новый, новичок, юнец) – нах. ***naus-** // ***nous- // (s)nus** – новый, молодой; новобрачный, новобрачная (чеч. *нуц* – жених, зять, мн. *науц-арий* (< *наусарий), диал. навц, новц, инг. найц, нейц, ахвах. нуша, багв. *нуса* – зять, дарг. *нуца* – свояк).

Англ. **noose** [nu:s] – петля, аркан; ловушка; **узы супружества»** (и.-е. ***(s)nus-** сноха, нем. Schnur – 1. бечевка, шнур; 2. сноха) – чеч. **nus** – сноха.

Англ. **son** – сын, иран. hun – сын (от и.-е. ***sun**) – чеч. ***hun** – семя; порода.

Готск. **wair** – мужчина (лат. vir – мужчина, прус. vir – мужчина, лит. vyras, авест. vira, др.-инд. viras – мужчина, герой, тох. A wir – молодой, молодец) – чеч. **vir** – осел (лакск. вири-чу – герой) < сильный, крепкий.

Названия частей тела

Англ. **back** – спина – нах. ***baq'** – спина > чеч. buq' – спина, мн. baq'q'aš.

Англ. **beard** – борода; зубец, зазубрина [др.-в.-нем. bart, слав. *borda – борода, подбородок, челюсть] – чеч. **bart** – рот, bertig, bertigaš – губы, инг. bord – губа.

Англ. **body** – тело, др.-англ. bodig – чеч. **buod** – тесто, др.-чеч. buodig > чеч. buidig – мякоть, мякиш.

Англ. **bosom** – грудь (нем. Busen – грудь, вост.-фриз. busen – шуметь, гудеть, ср.-н.-нем. bus – надутость, припухлость, н.-в.-нем. bausen – набухать, распухать, и.-е. ***beus- // *bous- // *bus-** дуть, раздувать) – чеч. **busa** – надуть, накачать, прачеч. ***beusan // *bousan // *busan.**

Англ. **dough** – тесто (и.-е. ***dheigh-** форма, формование; лат. figura < *dhighura – тело, фигура) – чеч. diegh – тело < ***dagh-** тело, фигура. С обратным порядком согласных ср. герман. gaduri – в теле, и.-е. ***ghedh** – остов, ствол, дерево – чеч. ***ghad** – стебель, ствол дерева; туловище, стан.

Англ. **chin** – подбородок (и.-е. ***k'enu-** подбородок, chin) – чеч. **ch'eng** – подбородок < **ch'an-ig;** сюда же англ. chink – щель, расщелина – чеч. **ch'eng** – почка растения, нечто разделяющееся.

Англ. **doll** – кукла < диал. doll – рука – чеч. **duol** – локоть как мера длины, мн. dalarš. Связь значений *рука – кукла* объясняется тем, что кукловоды при театральных постановках надевали куклы на руки. Самым ярким доказательством этого является испанское miñeca, которое обозначает одновременно и куклу, и руку [8, 171]. По той же семантической модели образовано и русского *кукла*, от устаревшей ныне основы *кука* – кулак, родственной слову *кукиш* – кулак с оттопыренным большим пальцем [10, 434].

Англ. **eye** – глаз; смотреть < др.-англ. éage – чеч. **ħaga** – позавидовать, ħiega – завидовать; ħaža – взглянуть, посмотреть (< *ħaga), ħieža – глядеть, смотреть (< *ħiega).

Англ. **gut** – кишка; узкий проход или пролив – чеч. **gjota** – прямая кишка.

Англ. **feather** – перо (< др.-англ. feder, др.-нем. fedar, и.-е. ***petar**) – чеч. **bedar** – одеяние < bader – оперение, инг. badarg – перо, глухой вариант представлен в чеч. patar – лист.

Англ. **feel** – осязание, ощущение (и.-е. ***pal-** палец, слав. *palъ – палец) – чеч. **p'elg** – палец из p'al-ig с уменьш. суффиксом -ig.

Англ. **foot** – нога, pl. feet (и.-е. ***phed- // *phod** – нога) – чеч. **phid** – икра ноги – из phied < phad. Родственно англ. food – пища < мясо, мясистая часть ноги, feed – пища, питание, еда.

Англ. **hand** – рука, кисть (др.-англ. hand, hond, др.-в.-нем. hant, др.-сев. hond, гот. handus, *of uncert. orig*. [11, 209] – чеч. ***kand-** пучок, кисть, гроздь, горсть < *kan-da – рука суть – в чеч. kuondar – 1. куст; 2. крона; кабар. *куэнд* – куст, родственно чеч. kāna – горсть, kan – пучок, кисть, гроздь, початок кукурузы, ka – рука, кисть. С иным расширителем -r этот же корень представлен в чеч. kara – в руки; kāra – рукавица; перчатка, индо-иран. ***kar-** рука; работа; др.-англ.

here, гот. harjis – войско (< дружина, фаланга, горсточка воинов, когорта). К связи значений *рука – войско* ср. также англ. arm – рука – army войско, чеч. t'am – рука – t'uom, эрг. t'amuo – война.

Англ. **hock** – сустав задней лапы, **hook** – крюк (< и.-е. ***keug- // *koug- // *kug-** крюк; нога) – чеч. **kuog** – нога.

Англ. **horn** – рог, **hair** – волосы – чеч. **kur** – чуб, вихор; высокая прическа; рога оленя – из kar, ср. мн. karraš. Отсюда с расширителем **-t** образовано и.-е. ***kart-** рог, череп, голова; роговой, крепкий, англ. hart – олень (от «рогатый, сохатый»), др.-англ. **heor(o)t** – рог; олень – прачеч. ***kart**, чеч. **korta** – голова; вершина. Сюда же относятся по корню англ. corner – угол, hair – волосы.

Англ. **kit** – сумка, вещмешок; бочонок (< и.-е. ***gud-** живот) – чеч. **kit** – бурдюк, живот < ***kat**, ср. мн. kattaš.

Англ. **mane** – грива (< и.-е. ***men** – шея) – чеч. **min-dä'ak** – vertebra of the neck – шейный позвонок, загривок < ***mani**.

Англ. **moss** – мох, рус. мох – чеч. **mas**, диал. **mos** – волос; перо, оперение.

Англ. **mouth** – рот, уста; говорить торжественно, изрекать – чеч. **muott** – язык, речь, **muott bijca** – говорить (на языке).

Англ. **paw** – лапа; рука – старочеч. **pha** – рука, лапа, в таких словах как **phuoš** – рукав, **phars** – рука, предплечье, **phola** – ремесло < **pha-lu** – рукомесло, рукоделие.

Англ. **spur** – шпора (< и.-е. *(s)**pher-** лодыжка) – чеч. **ħorka** – лодыжка, щиколотка < ***pharku**.

Англ. **tame** – приручать < др.-англ. tam – ручной (гот. ga-tamjan – укрощать, одомашнивать, др.-инд. damayati – приручать, перс. dam – домашнее животное, и.-е. ***t'em-** // ***dem-** рука; приручать) – чеч. **t'am** – рука; крыло < ***dam**, ср. родственные лак. *тIиму* – крыло, кабар. *дамэ*, адыг. *тамэ* – крыло.

Англ. **toe** – палец ноги (др.-англ. tah – палец ноги, др.-сев. **ta** – палец на ноге, и.-е. *ta- - id.) – чеч. **t'a** – конечность; нога; рука, лапа; лепесток. На наш взгляд, родственно др.-исл. stod – место, стан, др.-сканд. stodh – столб, колонна, нов.-в.-нем. Stadt – город, лат. statio – стоянка, и.-е. ***stat-** стойка, стояк, стан, стать (сущ.) – чеч. **t'uod** – рука, нога, лапа от прачеч. ***t'ad**, образованного сращением основы **t'a-** отросток, конечность, рука, нога с классн. экспонентом **-d**. Теоретически восстановленная форма t'ad находит подтверждение в чеч. выражении **тIēда** *пIиелг ма тохалахь* – не прикасайся даже пальцем (руки), где *тIеда* (род. п.) от *тIад-ин.*

Англ. **wrong** – кривой, англос. wrencan – скручивать, др.-исл. vrangr – кривой, косой, ср.-н.-нем. vrange – дуга – чеч. диал. (кистин.) **varang** – плечо; ключица.

Названия животных /Animals/

Англ. **ass** – осел, ср.-англ. asse – чеч. **ēsa** – теленок, телка < āsi.

Англ. **bumble**-bee – шмель – чеч. bumbari – шмель, шершень.

Англ. buck – 1 [бак] самец (оленя, антилопы и т.д.); денди, щеголь, buck – 2. козел (гимнастический снаряд) – чеч. **buož** – козел < *диал*. buog, buoža – мужчина, мн. buožarij, buožaber – мальчик, буквально – ребенок мужского пола.

Англ. **bull** – бык – чеч. **bula** – дикий бык, зубр.

Англ. **cat** – кошка – нах. ***gad // *gat** – кошка в чеч. dingad // dingat – *зоол.* – ласка, этимологически «быстрая, динамичная кошка».

Англ. **cow** – корова (ученые связывают с рус. govno, арм. ku – помет, навоз, и.-е. ***qou, *qu-** коровий навоз; корова) – чеч. **qo** – коровий помет, туш. qujnon (род. п.) < *qouvnon.

Англ. **elk** – лось (< и.-е. ***el-**) – чеч. ***la- // lu** – олень, косуля, инг. lijg.

Англ. **fish** – рыба (< fisk < *pijsk) – чеч. **pijsk-ch'āra** – род рыбы, pijsk – плавник; весло, лопасть. Рыба получила название по плавникам.

Англ. **hog** – свинья – чеч. **ħaqa** – свинья. Соответствия не регулярны.

Возможно, английское слово является заимствованием.

Др.-англ. **pad** – лягушка [6: 447), швед. padda – жаба, и.-е. ***phed-** нога – Нах. ***pĥad** – нога, икра ноги; лягушка > чеч. pĥid – лягушка, диал. pĥied – лягушка, pl pĥad-arčij . Соотношение с фонетически закономерным англ. foot – нога (см. *выше*) требует дальнейшего исследования.

Англ. **pussy-cat** – чеч. **pisu** – киска, кошка.

Англ. **porc** – свинина (и.-е. ***porko** – поросенок) – чеч. **khersig < *pkhars-ig** – поросенок < ĥars-ig – розовотелый, светлокожий. Родственно чеч. *хьаьрса* – русый, краснощекий, светлокожий.

Англ. **stag** – самец-олень; холостяк – чеч. **sai** – олень < sag, по диалектам sag // stag // tag – мужчина < самец оленя. Развитие значения: самец (оленя) > мужчина, муж является закономерным, ср. энецк. *мар* – самец дикого северного оленя – чеч. **mar** – муж; перс. *маьр – уст*. мужчина, человек – при *маьрал* – горный козел.

Англ. **steer** – бычок (< и.-е. ***tauro-** бык) – чеч. **stu** – бык, род. п. **ster-an**, мн. ster-čij < starčij, прачеч. *sta-r – бык.

Англ. **stirk** – телка – чеч. **star-gha** – бычок, уменьш. от *sta-r – бык (> stu, *мн*. starčij > sterčij).

Англ. **swine** – свинья – чеч. **c'un** – грязь, навозная жижа < *c'win (ср. dwina – t'win > t'un- wet, влага). Возможно, того же корня рус. *свинец* – пачкающийся (грязный) металл. Справедливости ради надо отметить, что соответствие англ. **sw** – чеч. ***c'w** нерегулярное.

Имена существительные /Nouns/

Ash – пепел [др.-англ. asce – пепел, нем. Asche, герм. *askon, лат. ara, хетт. hašša – очаг, др.-инд. asa – пепел, и.-е. ***as-** очаг; гореть] – чеч. āša – зола, *аьшкал* – совок для выгребания золы из печи.

Bale *поэт*. – бедствие, зло – чеч. **bāla** – беда, бедствие, напасть.

Balm – бальзам, болеутоляющее средство; утешение – чеч. **belĥam** – припарка, болеутоляющее средство.

Beam – балка, брус, дерево [др.-сакс. bom, др.-в.-нем. baum (< *baghum), гот. bagms] – чеч. **bōgham** – бревно, столб < *baghum.

Bin – закром, ларь; бункер; мусорное ведро; мешок или корзина для хмеля – чеч. **bien** – гнездо, логово.

Bow – лук (оружие) < boga – чеч. **буог-Іаддаргіа** – лук < чеч. **buog** – рог, рогуля, рогатуля, лук < **bag**, родственно чеч. **bāža** – рогуля, рогатуля < *baga

Brazen – медный, бронзовый, brass – латунь, медь – чеч. **borza** – бронза, род. п. борзан.

Brain – мозг < то, что находится внутри кости – чеч. **b'āran** – ядро ореха; костный мозг.

Brine [brain] – морская вода; рассол; *поэт*. слезы – чеч. **биерам** – рассол; *иронич*. слезы.

Bunch – связка, пучок, пачка of unknoun origin [11, 54] < ***bunk**, bunchy – выпуклый, горбатый, растущий пучками – чеч. **буог // буонг** – связка, пачка; ком чего-то свернутого (в руке); нарост, шишка, выпуклость.

Chill – холод – чеч. **čilla** – зной, холод, инг. čilla – пыль, dust, cf. čim ashes; snow-flake and *geim- winter, зима.

Comb – гребень, расческа; скребница – чеч. **кІамбан** – чесать, гам скребница, инструмент для трепанации черепа.

Corn – зерно; крупинка – чеч. **кІорни** – детеныш; цыпленок, цыпочка, **кІа**– зернышко.

Door – дверь – чеч. **duo** – плетеная дверца сапетки, мн. дуор-чий.

Drizzle – изморось – чеч. **dierz** – изморось.

Earth – земля – чеч. **urd** – участок пахотной земли (< ***ard**), мн. ardash.

Ford – брод; *уст*. река, поток – чеч. **huord** – море.

Gate – ворота; калитка; горный проход – чеч. **gattie** – узкое место, теснина.

Holm – речной островок, холм – чеч. **hollam** – надмогильный холм, стела.

House – дом [др.-англ. hus от герман. ***husam** (неизвестного происхождения) – чеч. **husam** – house.

Ice – лед – чеч. **jis** – иней.

Kit – сумка, вещмешок; бочонок – чеч. kit – бурдюк.

Lam, lim – глина; жидкая грязь – чеч. **lam** – разжеванная для ребенка пища.

Lame – хромой – чеч. **lami** – лестница, ступенька.

Lump – глыба, ком, крупный кусок; опухоль, шишка; бугор, выступ; большое количество, куча, слав. *лам – каменоломня, лом – чеч. **lam bu** – гора.

Land – земля – чеч. **latta** – земля (< *lant).

Loan [loun] – заем; давать взаймы, ср.-англ. lene, др.-англ. lan – чеч. **lan** – залог, ср. лена кара – под залог.

Lock – замок, затвор, – чеч. **lag** – 1. шея, 2. косточка плода с ядром; 3. курок; затвор.

Locket – медальон < lock – чеч. **lag-pillig** – медальон, кулон, **lag-žaina** – кулон, медальон, ср. logžad – кадык, Адамово яблоко, logquor – кадык, букв. **шейная груша**.

Marge – полоса, край, граница, др.-англ. gemearc – страна, местность [5, 138] – чеч. **муохк** – страна, местность, край, земля, *диал*. муорк от махк // марк.

Др.-англ. **mece** – меч (герман. *maki, *meki) – чеч. **mokha** – нож– из *макху*, *мекха* – борона (с зубьями) от *макхи*.

Mud – грязь, слякоть, muddy – запачканный, грязный – чеч. **moda** – грязь, моди(йн) – грязный, запачканный.

Nap – 1. дремота, короткий сон – чеч. **1. nab** – сон.

Nap – 2. ворс, пушок, nappe – покров – чеч. **2. nab** – жировой слой; железа.

Navy – флот, nave; архит. корабль – чеч. **nuoi** – лодка, корабль; корыто < *naw.

Neck – шея, перешеек, узкий проход; nek – горный проход, перевал; nick – зарубка, насечка; трещина, щель; сужение, шейка – чеч. **ниекъ, никъ** – дорога.

Need – нужда – нах. *нид > инг. нидз > чеч. **ницI** – вынуждение, насилие.

Net – сеть; паутина, node узел; нарост, утолщение – чеч. **нуод** > нуьйда – пуговица.

Nettle – крапива – чеч. **nitt** – крапива.

Nook – угол; закоулок; бухточка – чеч. **nuog** – изгиб, поворот; коленце.

Pap – кашка, пюре, **pappy** – мягкий, сочный – чеч. **bappa**– детск. еда.

Perch – жердь, насест, высокое или прочное положение – чеч. **барч** – верх, верхнее место.

Pestle [pesl] – пестик; толочь – чеч. **пиест, пистиг** – пестик, трамбовка.

Pip – косточка, зернышко плода – чеч. **пор** – бук, буковый орешек, пепнаш – буковые орешки (анд. *пипи*, бежт. *пипе*, лезг. *пип*, будух., хинал. *пип* – бук).

Punch – коренастый *или* полный человек небольшого роста, коротышка – чеч. **пIунчI(а)** – *разг*. самодовольный болтунишка, хвастун, трепач.

Pup – щенок, волчонок, лисенок; тюленёнок; разг. самонадеянный молодой человек, молокосос – чеч. **пIупI-буож** – разг. самонадеянный молодой человек, хвастун, бахвал.

Sedge – *бот*. осока (англос. secg – осока, тростник, др.-в.-нем. saga – пила, лат. secare – резать, лит. ašaka, лтш. asaka – рыбья кость, блр. *сока, рус. осока*, укр. *осока*) – чеч. **шач** – осока (< *сач < *сак). Внутр. форма – острое, колючее растение. К фонетике ср. чеч. *хьач* – слива от *хьак, кач* – воротник от *как*.

1. Shag – хохолок, crest – чеч. **k'уž** – хохол (< k'azh < k'ag), k'āzha – петля; пятка < **k'aga** – закругление, изгиб, k'āžar яхана мача – стоптанная, перекосившаяся обувь, k'ažar – коса, k'ież-ieха – закатываться (от смеха), k'ież-jaqqa – прокипятить (< взбить пенку, гребень); **shaggy** – косматый; грубый, шершавый, шероховатый – шога – грубый, шершавый, шероховатый.

2. Shag – танцевальный шаг – чеч. **k'āža** – петля; пятка < k'aga – закругление, изгиб, kuog – нога, ступня, шаг < *kag.

3. Shag – баклан хохлатый, marine bird [Perhaps from its shaggy crest] – чеч. **k'už** – хохол (< k'až < k'ag), pl k'ažžash, k'už bolu mea – хохлатая курочка, k'āžar – коса.

Shape [sheip] – форма, очертание, вид; образец, модель, шаблон – чеч. **kiep** id.

1. **Scar** – шрам, рубец; оставлять след – чеч. **č'quor** –пробор.

2. **Scar** – утес, скала – чеч. **čxar** – глыба, валун.

Set – набор, комплект; саженец; молодой побег; укладка волос – чеч. **šed, šad** – узел, сучок.

Sheaf [shi:f] – сноп, вязанка; связка – чеч. **c'ov** – сноп.

Size [saiz] – клей – чеч. **saz** – тягучее вещество, **saz-latta** – вязкая глина, sac'q'ar от sac'c'ar < *sadz.

Sky [skai] – небо (др.-сев. skiuja – облако, др.-инд. chaya – свет; тень, авест. saya – тень, и.-е. ***(s)k'ai-** свет, блик, тень, ***kaik-** слепой) – чеч. **k'ai // k'aidarg** – бельмо (инг. кIай – бельмо, чеч. кIайн, инг. кIай, ц.-туш. кIуйин – белый). Типологически ср. рус. бельмо – белый, а также выражение – пядь; промежуток времени; размах рук; привязывать, затягивать – чеч. **pxa-n** – жила, резинка.

Stage – подмостки; стадия, ступень – чеч. **t'egha –** ступенька < t'aghi.

Stave – бочарная клепка; перекладина приставной лестницы; палка, шест – чеч. **t'ai** – перекладина, мост, диал. **t'iv**.

Stem – ствол, стебель; черенок, рукоятка; род, племя – чеч. **tum** – стержень, початок кукурузы, мн. **tamarš**.

Step – шаг; след ноги – чеч. **t'ap** – след ноги, **t'epaza van** – бесследно исчезнуть, **t'āpa** – плоский; стопа.

Stomach [stamэk] – желудок; живот – чеч. диал. **дамагI** – толстая кишка.

Stone – камень; косточка (сливы); зернышко (плода); градина – чеч. тIуо – камень, щебень; град, род. п. тIуон.

Stop – остановка; прекращение; пауза, перерыв – чеч. **тап-аьлла Iан** – замереть, затихнуть, тап-аьлла дIасаца – прекратить движение.

Store – 1. запас, резерв; припасы, имущество; большое количество, изобилие; магазин, лавка; 2. снабжать, наполнять; отдавать на хранение; вмещать – чеч. **taruo** – состояние, богатство; возможность, *тарйан* – вмещать, помещать, устроить, *ма-торру* – по возможности, по мере сил.

Story – история, предание, сказка; выдумка, ложь – чеч. **туьйра** < туори – сказка, басня.

Stove – печь, печка; кух. плита; теплица; сушилка – чеч. **tov** – жара, зной; горящие угли, **tovha** – камин, **tovni** – теплица, инкубатор.

Stub – пень; короткий тупой обломок; корешек – чеч. **tup** – кол, прикол, пень; станина; стан, штаб > tüppalg – пенек; катушка.

Study – изучение; научная работа; глубокая задумчивость; изучать, исследовать; рассматривать, обдумывать – чеч. **tida** – внимательно наблюдать; толковать, давать объяснение, диал. tuda (отсюда tidam, tudom наблюдение).

Sturdy – сильный, крепкий, здоровый – чеч. **t'urt'a** – кличка сильного, крепкого, здорового (Хатуева Ваху Алавдиновича [ибн Хьату ибн Канта ибн ВахIаб // Вагап] из Урус-Мартана родная мать Закият звала именем **T'urt'a**).

Sun – солнце; солнечный свет, лучи; восход или закат солнца; поэт. год, день – чеч. **sa** – свет, род. п. син.

Thorn – колючка, шип [и.-е. ***tur-n-// *tэr-n-** острие, шип, колючка, терн: герм. *turn- колючка, острие, слав. *tьrnъ – шип, колючка, терн (ст.-слав. *трънъ*, рус. *терн*, др.-польск. tarn), др.-инд. taravari – резак-меч, арм. thur, пушту *тура* –меч, сабля] – чеч. **tur** – сабля, меч (инг. *тур*, ц.-туш. *тур*, лак. *тур* – шашка, лезг. *тур* – меч, рутул. *тур* – сабля). Первонач. форма – **тар*, ср. чеч. мн. *тарраш*. Ср. типологически нах. ***maq** – колючки, тернии; усы; ячмень; нож – и.-е. ***meik-** меч; нах. ***ou** – колики; шампур, вертел – и.-е. *ou- колючий злак, овес (слав. *oves, лат. avena). См. другие названия оружия под *мокха, ваба, диг, гиерз, варзап.*

Type – тип; род, класс, группа; модель, образец – чеч. **taipa** id.

Weapon – оружие (др.-англ. *waepon*, гот. *wepn*, др.-норв. *wapn*, герм. **wapan* – оружие < палица, булава) – чеч. **vāba** – вага (шест для поднятия тяжестей); лом (инструмент) < ***vaban**. Сюда же груз. *weeba* – огромный, громадный, сван. *waaba* – громадина. С культурно-исторической и типологической точек зрения, ср. чеч. *гиерз* – оружие – иран. **gurz* – булава, молот, чеч. *хIуож, вуож* – вага – герм. **waga*, чеч. *макх-* нож – герм. **maki* – меч, чеч. *диг, дагар* [dagar] – топор, секач – англ. dagger – кинжал.

Word – слово (= лит. vird – слово) – чеч. **vird** – славословие, форма прославления, **vird daqqa** – славить, поминать добрым словом.

Wound – рана (др.-англ. wund, др.-в.-нем. wunta, др.-сев. und) – чеч. **un** – болезнь, недуг, зараза, эпидемия (инг. u, авар. unti, бежт., гунз. unti – боль, гинух. unti – болезнь). В германских языках w- – протеза. Зубной *t // d* в этих основах, вероятно, является окаменелым классн. показателем *da* (ср. чеч. ud du, диал. un da – болезнь, недуг суть), который в чеченской лексеме, в отличие от *ghad, phid*, до сих пор не слился с корнем.

Имена прилагательные /Adjectives/

All – все, весь – чеч. **jollu** – все, весь < ***jallu**.

Др.-англ. **basu** – багровый, красный (ср.-ирл. *basc* – красный, др.-инд. *bhas-* – свет, сияние, греч. *phoos* – свет) – нах. ***bas** – цвет > чеч. **buos** – цвет, *basar* – краска.

Big – большой; громкий; взрослый – чеч. **boqqa** – большой, взрослый.

(ср. также big talk – хвастовство – чеч. doqqa q'amel; big – важный – чеч. doqqa dog doluš – важный).

Brown – бурый, коричневый, загорелый – чеч. **buora** – коричневый, бурый.

Cool – прохладный – чеч. ***šijla*** – холодный.

Daedal [di:dəl] – затейливый, искусный – чеч. **didi** – красивенький.

Dark – темный – чеч. диал. **dark** – туман > daxk > чеч. duoxk, pl daxk-arš.

Dead – мертвый; сухой, увядший, death – смерть – чеч. **detta** – спекшийся, свернувшийся (о крови).

Др.-англ. **eadhe**, др.-в.-нем. odhi – легкий (?) – чеч. atta – легкий, нетрудный (инг. atta, ц.-туш. at't'an – легкий, удобный). Исторически – форма род. п. лексемы *ad // **at'** – (правая) рука, соотносительная с чеч. t'a – конечность, ättu – правый, удобный, сподручный, itt – десять.

Eager – стремящийся; нетерпеливый – чеч. **hiega** – жаждать; завидовать (to be eager to do something сильно желать сделать что-либо – чеч. dan ħägna хила).

Good (др.-англ. gaderian, англ. gather – собирать, др.-в.-нем. *gat – подходящий, рус. *годный*, подходящий, *год* – лето, самое основное, подходящее время года, латыш. gadigs – сильный) – чеч. **ghoddax** – со всей силы, корпусом (< ghad – стан, корпус, туловище < gha- то же, gheħ – fitting, suitable, normal).

Hard – твердый, крепкий < роговой (англ. hart – олень < рогатый, др.-в.-нем. hart – твердый, крепкий, гот. hardus, греч. kratus, и.-е. ***krat-** – твердый, крепкий) – чеч. **kuorta** – голова < прачеч. ***kart** – 'рог, череп, голова.

Haste – спешка < *kaste – чеч. **kesta** – скоро < *dial*. kaste

Др.-англ. **Icge** – страстный (др.-сев. eikinn – дикий, свирепый, иран. *aka – злой) – чеч. **aqa**[1] – дикий.

High – высокий (др.-англ. heah, гот. hauhs – высокий, рус. *куча*, словен. kuča – клок волос, и.-е. ***kauk** – изгиб, изгибаться, образовывать выпуклость < ***kaku**) – чеч. **kōča** – на шею, на загривки (< ***kač-u < *kak-u**), kač – воротник; меховой воротник; грива; верх. Исходная форма – ***kak** – холка, грива, загривок, гребень.

Keen – острый – чеч. **k'uon** – острый, горький, **k'ov** – зубец, угол, **t'e-k'uo-van** – заострить внимание.

Lame – хромой – чеч. **lami** – лестница, ступенька.

Less – меньший, least – мельчайший, lost – потерянный, и.-е. ***leis- // *leus- //**

lous- мелкий, маленький, крошечный, крупчатый, рассыпчатый – чеч. **луьста** – густой, частый (< **лустин // *листун < *луст-* // *лист- < нах. ***leus- // *lous-** // ***lus-*** веять, просеивать, рассеивать, разбалтывать, раскачивать; метать, мотать), чеч. lust – овечий помет, осет. list-æg – мелкий, дробный, listæn – подстилка (из сена, соломы).

Little – маленький, незначительный (гот. luttilo – маленький, короткий) – чеч. **ladam** – малость, кусочек < **lad** – кусочек, кроха.

Low – низкий – чеч. **loha**, cf snow – снег – чеч. nieh – сор, мусор < мелкий, молотый.

Marital – супружеский, брачный; мужнин, принадлежащий мужу – чеч. ***marin** > meran – мужний.

Mellow – спелый, зрелый; смягчаться – чеч. mela – слабый, теплый.

Muddy – запачканный, грязный от mud – грязь, слякоть – чеч. **modin** – грязный, запачканный от **moda** – грязь.

Nice – хороший; правильный; аккуратный, точный, nicety – точность, пунктуальность, аккуратность, to a ~ точно, впору, как следует = чеч. **nijsa** – точный, правильный, прямой, **nisjella** – красивая, симпатичная.

Small – маленький; разбавленный, слабый (о напитках) – чеч. **mela** – слабый < **mali, muolxa** – мелкий измельченный; порошок.

Smoke – дым; копоть; туман – чеч. **moqa** – серый, бледный.

Soon – быстрый, скорый, ранний **< san- < *sa** – душа – чеч. **siha** – быстрый, вспыльчивый, психованный < **sa** – дух, душа, род. п. sin, ср. англ. soul – душа < и.-е. ***savol**. Семантически это подтверждается следующими примерами: рус. быстрый восходит к *бусрый, родственному кимр., брет. buan – быстро (< *buhan < *busan), вост. фриз. busen – бушевать, busterig – бурный, швед. busa – бросаться вперед, норв. диал. boysa – вырываться, baus – горячий, яростный, др.-в.-нем. bosi – злой, ср.-в.-нем. bus – надутость, вздутие, чеч. busa – надуваться (< *busan), рус. *бушевать, бухнуть* – набухать, надуваться. Но самым интересным во всем этом является то, что чеч. b-usa – надуваться является одним из вариантов классного глагола d-usa, также широко представленного в индоевропейских языках, ср. и.-е. ***deus- // *dous- // *dus-*** дуть, раздувать, слав. *duxъ, пранах. *deux- // *doux- // *dux- духота, теплота.

Sour – кислый – чеч. šovr – сырный рассол.

Tall – высокий; чрезмерный; хвастливый – **tall** – (пирамидальный) тополь < высокое, стройное дерево, **talu** – огромный, **tuola** – превзойти.

Tearing – неистовый, бешеный < tear – **dera** – разъяренный, злой < dari.

Thick – толстый, жирный; густой, плотный (др.-сев. thykkr, нем. dick, норв. tjukk, др.-ирл. tiug – толстый, плотный, густой, of unknoun origin) – нах. ***д-укъин*** (чеч. дукъа, инг. дикъа, ц.-туш. дукъин). Родственно чеч. *дукъдан* – делать густым, *дукъа* – затыкать, авар. *б-акьва-* густой, лакск. *б-укьва-*, *д-укьра-* густой, *дукъ* – гуща.

Weighty – тяжелый, weigh – весить (и.-е. ***uegh-*** вес, тяжесть) – чеч. **veza** – тяжелый < **vazi < *vagi** – тяжелый, весомый, важный.

Wise – мудрый; осведомленный, знающий, wizard – колдун, маг – чеч. **voiza** – известный, **huma-doiza** – знающий.

Warm – теплый – чеч. **ghurma** – жаркое, ср. к фонетике вуон // гIуон –плохой, вуорта // гIуорта – шея.

Woolly – покрытый шерстью – чеч. **välla** – заросший, волосатый.

Глаголы /Verbs/

Англ. **bake** – печь, выпекать, др.-англ. bacan – чеч. **baga** – гореть, выгорать, др.-чеч. bagan.

Англ. **may**, др.-англ. magan – мочь, гот. magan – чеч. **magan** – мочь;

Др.-англ. **ge-thiedan** – переводить (др.-исл. thyda – объяснять, обозначать, др.-в.-нем. Diuten – объяснять, переводить, лат. studere внимательно изучать, рус. *рассудить, рассуждать* – чеч. **tida^{n}** – толковать, объяснять (диал. tuda

– толковать, объяснять, ц.-туш. tit'an – резать, решить) от чеч. tieda – резать, анализировать.

Др.-англ. **wael** – поле, усыпанное трупами, sweltan – умирать (др.-исл. val – умирать, valr – мертвый на поле боя, и.-е. ***uel-** умирать) – чеч. **vala^{n}** – умереть, умирать.

Нем. **wagen** – сметь (рус. *отвага, отважиться*) – чеч. **vaћan** – сметь, отважиться.

Др.-англ. **vegan** – вести (гот. *du-wigan, ga-wigan,* германн. *wigan – везти; вести) – чеч. **viga^{n}** – вести.

Англ. **win** – одолевать, завоевывать; добывать (руду), др.-англ. wund – рана (и.-е. ***uen- // *ua-** бить, ранить, и.-е. ***uen-** побить, убить, победить) – чеч. **v-ie^{n}** – убить. См. *б-иен, д-иен.*

Др.-англ. **weorc, werc** – работать (герм. *werg – поворачиваться, слав. *verg // *verz – крутить, вязать, плести, и.-е. ***uerg-** работать, поворачивать(ся), крутить, вертеть, вязать, плести) – чеч. **v-ierza^{n}** – повернуться, обернуться, превратиться.

Англ. **take** – брать, захватывать, отнимать, фотографировать (др.-англ. taken < и.-е. ***dek- // *tek-** брать; резать > рожать) – чеч. **daqqa**. См. vaqqa.

Др.-англ. **wesan** – быть (гот. **wisan**, gawisan – быть, оставаться, **и.-е. *ues-** жить, пребывать, оставаться на одном месте, ночевать) – чеч. **visa^{n}** – остаться; оставаться жить.

Англ. **am** – есть < др.-англ. eam < *esam – быть (др.-инд. asmi, ст.-слав. есмь; 3-е лицо: англ. is – есть, лат. est – есть, рус. есть, и.-е. *es- быть, иметься, существовать) – чеч. **jisan** – остаться; оставаться жить.

Англ. **be** – быть – чеч. **bu** – есть, имеется от ba.

Англ. **beat**, (др.-англ. beatan – бить, ударять, **и.-е. *bhi-**) – нах. ***biettan** – бить, стучать, колотить.

Англ. **build** – строить. Вероятно, связано с чеч. **billa** – класть (камень, стену), авар. *Лъезе* – положить, класть; ставить, ахв. *билъу*, карат. *б-илъалъа*, тинд. *билъилъа*, диал. *билъеду*, багул. *билгьила*, диал. *билгьа* – положить, арч. bil'a – положи, el'l'as – класть.

Die – умереть, скончаться; исчезать (англос. doian, и.-е. ***dheu-** исчезать, умирать) – чеч. **dien** – убить, **dai'an** – убивать.

Dig – копать; вонзать, тыкать – чеч. **dijgha** – вонзать, втыкать.

Do – делать, др.-англ. don – чеч. **dan** – делать, производить, duo – делаю.

Drag – тащиться, волочиться – чеч. **t'argha** – шерсть < то, что выдергивается, выщипывается.

Eye – глаз < **eage** – чеч. **ћaga** – возжаждать, позавидовать, **ћiega** – жаждать, завидовать, **ћaža** – посмотреть, **ћieža** – смотреть.

Go – идти, ходить; уходить – gha – пойти (vagha – пойти, ghaћ – если пойдешь, ghaћara – сходил бы), ghuo – иди.

Англ. **hang** – висеть (др.-англ. hangian, др.-сев. Hanga – вешать, др.-в.-нем. hangen) – чеч. **qāza** – висеть (< *qanza^{n} < прачеч. *qangan – висеть, ц.-туш. qac'a^{n}, лак. *къанцIа*, авар. *гьанцIа* – вешалка, крючок). К семантике ср. лит. kabeti – висеть при kabe – крюк.

Германн. **-jan** – каузативный суффикс глаголов (тох. А ya – делать, хетт. i-ja-mi – я делаю; **и.-е. *ia-, *ie-** делать) – нах. ***ja^{n}** > чеч. j-an – делать, производить, рождать, инг. je, ц.-туш. ja^{n}, лак. an – делать; родить).

К семантике суф. -jan в германских языках ср. *fulljan – делать полным, др.-англ. derjan – вредить от teran < *deran – рвать, др.-англ. bugjan – сгибать при чеч. *хьулйан* – скрывать, окунать, погружать (= переполненным делать) от **пхьул-* полный, переполненный и *йан* – делать, *дарйан* – разбередить, растравить (= растравленным делать) от *дāри* – раздраженный, растравленный и *йан* – делать, *буог-йан* – сгибать (= изогнутым делать) от *буог-* изогнутый и *йан* – делать.

Lie – лежать (< lien < licgan) – чеч. **liega** – падать, ложиться.

See – видеть, смотреть < sehen < segen – чеч. **siegan** – светить, сиять, ср. др.-англ. sengean – жечь [4, 58].

List – наклоняться, крениться – чеч. **liesta** – раскачиваться, колыхаться, колебаться.

Look – смотреть; осматривать; следить глазами – инг. **laqa** (b'ärg) – просканировать, окинуть взглядом.

Loop – узел, пучность – чеч. **loppag** – волдырь, пузырь.

Loosen – ослаблять, развязывать; расшатывать; вызывать действие кишечника; отпускать, открывать задвижку, loosener – слабительное, looseness – слабость; понос – чеч. **lāsa, lovsa**, инг. luvsa – просеивать, раскачивать, расшатывать, разбалтывать, чеч. лойсакх – яйцо-болтун, ср. также lose [lu:z] (lost) – терять, упустить, вызывать потерю; пропустить; забывать.

Milk – молоко (и.-е. ***melk-** milk) – чеч. **malan** – выпить, **mijla** – пить.

Melt – таять, плавиться, смягчаться, mild – мягкий, кроткий, слабый; тихий, мягкий (о человеке) – чеч. **maldan** – ослаблять, делать мягким, теплым.

Put – положить, поставить, **put up** – строить, воздвигать (др.-англ. *putian // potian, ср.-англ. potte, др.-англ. pytan, ср.-англ. pitte) – прачеч. **buottan** – накладывать, нагромождать, строить, воздвигать стену, чеч. **buotta**, *pres*. **buttu**, многокр. вид прачеч. bittan, чеч. bitta. Семантически ср. чеч. billa – класть, класть стену, воздвигать, строить при англ. build – строить.

Seek – посещать, искать, ср.-англ. seken, др.-англ. (for)secan – чеч. **sieqa** – следить, выслеживать, высматривать; охотиться.

Seethe – кипеть, бурлить – чеч. **c'ijdan** – кипятить, доводить до кипения, каления.

Seep – протекать, капать, просачиваться, др.-англ. sipian – чеч. **sip** – мочеточник, трубочка в люльке, ср. еще англ. sife – сито.

Sew [sэu] – шить, сшивать – чеч. **šu, šuw** – шов.

Sow – сеять – чеч. **se** – росток, поросль.

Squawk – пронзительно кричать (о птице) – чеч. **qaiqa** – звать, призывать.

Squeeze [sqwi:z] – сжимать, сдавливать – чеч. **q'ijzuo** – щемить, жалить.

Steal [stole; stolen] – воровать, красть; украдкой, др.-а. stalon – крали, гот. stelum /Ильиш:58/ – чеч. **tāla // tāluo** – грабить, разбойничать, обирать, **tālor** – грабеж, разбой. Родственно чеч. tiluo – обдирать, щипать, снимать верхний слой.

Swat – удар, шлепок, хлопок; ударять, хлопать, swot – тяжелая работа; зубрежка; зубрить, долбить – чеч. **vatuo**.

Sway – качаться, колебаться – чеч. **vieguo**.

Swear – клятва; богохульство, ругательство; ругаться – чеч. **шовр**: в **довшовр –** ссора, распря, свара.

Swell – возвышение, выпуклость; опухоль; надуваться – чеч. **vāla** – взойти, вырасти, **vula** – напрячься.

Swill – полоскать, обливать водой; помои, пойло – чеч. **vila** – мыть, **dilar** – помои.

Swollen [swэulэn] – вздутый, раздутый – чеч. **vula** – напрячь, зарядить.

tack – стежок; наметка; сметывать на живую нить, tag – соединять, связывать – чеч. **taga, tiega** – шить, сшивать.

Tie – завязывать; связь; узы; галстук; завязка, шнурок < tiegan – чеч. **tai** – нить, **tiegan** – шить, стегать, сшивать; гот. **ga-tiedan** – объяснять – чеч. **tiedan, tidan** – толковать, объяснять.

Till – возделывать, обрабатывать [др.-англ. tilian, герман. *tilojan] – чеч. **tiluo** – ощипывать, очищать, обдирать.

Tear – рвать, разрывать; поранить, оцарапать; неистовствовать, бушевать – чеч. **dāra** – резать, порезать, darxuo – раненый.

Toss – бросать, кидать, метать – чеч. **tasa**^{n} – бросать, кидать, метать, **tos(u)** – бросаю.

Wade [weid] – переходить вброд; пробираться, идти – чеч. **vuoda** – пойти, идти.

Wag – взмах, кивок; махать, качать; waggle – помахивать, покачивать – чеч. **viega, vieguo** – трясти.

Wage – 1. заработок; уст. возмездие, wage – 2. вести (войну), проводить (кампанию); бороться за что-л. – чеч. **vaqqa // daqqa** – зарабатывать; завоевывать, **vieqa // dieqa** – мстить.

Wake – будить, пробуждать, возбуждать; опомниться – чеч. **sam-vaqqa** – разбудить, **karzax vaqqa** – возбудить, взвинтить, **körtax vaqqa** – опомниться, спохватиться.

Walk – идти дальше – чеч. **v-alha** – идти, течь, tho dölha – мы идем, dogha dölha – дождь идет.

Ware[weэ]–остерегаться;берегись!Warily–осторожно,warn–предупреждать, предостерегать – чеч. **vare jan** – быть бдительным, быть осторожным, быть начеку, **varijlaћ!** – междометие предупреждения, предостережения от **vare jielah** – делай варе!

Wash – мыться, обмывать; плескаться, омывать – чеч. **vaša** – промокнуть.

Weaken – слабеть – чеч. **vieqa // jieqa** – становиться ясным, светлым; рассеиваться, развеиваться (об облаках), j**aq-jal**a – обезжириться.

Др.-англ. **wecgan** – трясти, качать (гот. wagjan – трясти, in-wagjan – возбуждать, волновать, швед. vicka – качаться, мотаться, нем. wiegen – качать(ся), словен. vegati – колебать, качать(ся), иран. *waig-, авест. vaeg- – махать, и.-е. ***ueig-** дрожать, трястись, колебаться, двигаться) – чеч. **viega** – дрожать, трястись.

Wigging – разнос, нагоняй – чеч. **vieguo** – встряхнуть, дать взбучку.

Wiggle – покачиваться, извиваться, ерзать – чеч. **vieguo** – трясти, трусить.

Wise – мудрый; осведомленный, знающий, wizard – колдун, маг – чеч. **voiza** – известный, **djunenna voiza** – всемирно известный, **huma-doiza** – знающий, осведомленный.

Wish – желать, хотеть; не хватать – чеч. **ieša** – желать, нуждаться, не хватать.

Другие части речи

Англ. **We** – мы (гот. wei-s – мы, др.-инд. vay-am, др.-рус. вие, лит. vedu – мы (оба), и.-е. ***uei-**) – чеч. **wai** – мы.

Англ. **he** – он, гот. himma daga – today, др.-сев. hinn, др.-в.-нем. hiu tagu – this day, герм. Xi- (< PIE ***k(e)i-**, ***ke-** этот) – чеч. **qi**^{n} – другой, основа косв.п. qie-chu, qu – этот, qu dijnah – в этот день, qara // ho-qa-ra – эти, these (Erg).

Англ. **here** – здесь – чеч. **quza** – здесь, ср. hear – слышать, гот. hausjan: герм. hauzjan (E Etym, 212) – чеч. **xaza** – id.

Англ. **how** – как (др.-англ. hu – как, др.-сакс. hwo, др.-в.-нем. wuo – как; др.-англ. hwa – кто, ср.-англ. hwo, hoo, др.-швед. ho – кто) – чеч. **hu**^{n} – что (инг. fu, ц.-туш. wuh). Ср. также таб. fu – что.

Англ. **hue** – выкрик – чеч. **huj** – анафема, проклятие; заклятие, huj-žuj a docuš – ни слуху ни духу (инг. vij, авар. *гьа*, цез. *хIо*, хварш. *гььун*, табас. ху, агул. *хIуI, хуIй* – клятва, лак. *-вуй* – аффикс, выражающий формы проклятия).

Англ. **hurrah** – *межд*. ура! (от герман. hurren – быстро двигаться, hurra – быстро вперед) – чеч. **ur** – междометие, которым погоняют телят, заставляя быстро двигаться.

Англ. **gee** [dzi:] (и.-е. ***g`eu-** спешить: др.-инд. ju – быстрый, спешащий; подгонять, торопить; курд. *ca* [джа] – ну-ка, а ну-ка; давай-ка!, *zu* – быстрый, скорый, *zuzu* – быстро, побыстрее, поскорее – чеч. **že** – живо! живее! (инг. *жи, жи-варий,* ц.-туш. *дже* – ну, ну-ка; мигом!)

Англ. **ware** – *охотн*. берегись! (герм. ware – предосторожность, бел. *варе*! – берегись!, сербохорв. вари – берегись!) – чеч. **vare** – междометие предостережения: «Смотри, будь осторожен!», варианты: **varlaћ!, varijlaћ**!

Англ. **woe** – междометие, выражающее испуг, горе (др.-англ. *wa*, гот. *wai*, лат. *vah, vae*, рус. *увы*, греч. *уа, уай* – увы, о, горе, лит. *vaje* – ой, ох, ах, авест. *vayoi*, шугн. *вай* – межд. ой, ох батюшки!) – чеч. **vā! // vāi!** – междометие, выражающее испуг, горе, отчаяние (*в основном используется женщинами*).

1. Take – брать, взять, захватить, овладеть, выиграть; отнимать, вычитать;

фотографировать', take off – снимать; чеч. **dakkha** – забрать; снять.

2. Toss – качать(ся), ворочаться, швырять (монету).

toss – подкидывать подбрасывать откидывать мешать; **to toss and turn** – ворочаться; **with a toss of her head, she …** – откинув голову, она; **to toss a coin** – подбрасывать монету; **to toss up to do** – подбрасывать монету, чтобы; **to win // lose the toss** – выиграть // проиграть подбрасыванием монеты.

toss – бросать, кидать, метать – чеч. **tasa**^{n} – бросать, кидать, метать, tos(u) – бросаю.

toss – бросание, кидание, метание – чеч. **tasar** – бросание, кидание, метание.

The toss of the coin – жеребьевка – чеч. *кхаж тасар* – 1. жеребьевка, 2. выборы.

КIел хIума таса – постелить подстилку

1. Ахча таса – бросать, швырять деньги (во время танца)

2. Ахча таса – послать деньги (+ переводом), перевести деньги

Зирх таса – откладывать яйца (о насекомых), метать икру (о рыбе)

1. Кехат таса – послать письмо

2. Кехат таса – бросить карту

Корта таса – кивнуть головой

Куьйгаш таса – взметнуть руки, всплеснуть руками // куьйгаш тийса – размахивать руками, вскидывать руки, жестикулировать; дуьхьал куьйгаш тийса – отмахиваться руками, заслоняться руками.

КIа таса – бросить зерна (курам)

КIур таса – задымить // кIур тийса – дымить

Тесна латтанаш – заброшенные земли

Туй таса – сплюнуть // туйнаш тийса – плеваться, брызгать слюной

ТIетаса – накинуть набросить

1. Хьалатаса – 1. подкинуть, подбросить

2. Хьалатаса – подвесить, повесить

ХIу таса – бросить семя

1. ЦIе таса – поджечь, подпалить, буквально швырнуть огонь

2. ЦIе таса – бросить жену, дать развод

ЦIерга таса // тийса – бросить // бросать в огонь, в пекло

ДIатаса – забросить

ДIатаса – зацепить, прицепить

3. Англ. **get** – получать, доставать, добывать, достигать; постигать (< др.-англ. **gietan**) – чеч. **qieta** – удариться, столкнуться, встретиться; схватить, заразиться (< нах. ***qietan**).

To get an illness – заболеть – чеч. **tsamgar qieta** // lazar *qieta*, čoħlazar *qieta*.

I don't get you – я вас не понимаю – чеч. **so ħoh ca qieta** – я тебя (Вас) не понимаю.

I cannot get at the meaning – я не могу понять смысла – чеч. **so mä'nah ca qieta** – я не понимаю смысла.

To get it right – понять правильно – чеч. **nijsa qieta** – понять правильно.

Go and get your breakfast – позавтракай сейчас же – чеч. **ghuoi, ħain ju'čuh qieta hincceħ.**

To get a glimpse of smb. – мельком увидеть кого-л. – чеч. **b'earg qieta** – увидеть, заметить мельком.

Get at – а) добраться, достигнуть; б) дозвониться по телефону – чеч. **telefon d'aqieta** – дозвониться по телефону.

Get in нанести удар – чеч. **huma qieta** – получить удар, получить тумака, достаться от кого-л.

Get together – собираться, встречаться – чеч. **vovšahqieta**, čhanaqieta – собраться, встретиться /*вовшахкхета, цхьанакхета* – собраться, встретиться/.

Get-together – 1. встреча, сбор, совещание; 2. вечеринка – чеч. **vovšahqietar** –встреча, чеч. **tsħanaqietar** – собрание.

4. Характерной типологической особенностью английского и чеченского языков, в отличие от русского, является широкое использование лексемы **thing** – вещь (чеч. хIума) для образования новых слов и словосочетаний, ср. например:

a lot of things – дуккха а *хIумнаш*,
a strange thing – тамашийна *хIума*
anything – цхьа а *хIума, хIумма* а
(eat) tasty things – *мерза хIумнаш* (йаа)
he is a mean thing – и боьха *хIума* ю
I can't hear a thing – суна *хIумма* а ца хеза
It's good thing to have a big sister – йоккхахйолу йиша хилар дика *хIума* ду
nothing – *хIумма* а
playthings – ловзо*хIумнаш*
take off your things – дIайаха тIера *хIумнаш*
things of eat – яа*хIумнаш*
to know a thing or two – цхьацца *хIумнаш* хаа, мелла а *хIумнаш* довза.

Выводы

В английском и чеченском языках много общего как в лексике, так и грамматике. В данной статье, ввиду ограниченности ее объема, мы рассмотрели только около 240 словарных сходств. Некоторые лексические параллели в древнеанглийском и нахском языках, такие, как: англ. **bacan** – печь – чеч. **bagan** – гореть; **beatan** – чеч. **biettan** – бить; **licgen** – чеч. **liegan** – ложиться, падать; **magan** – чеч. **magan** – мочь; **vigan** – чеч. **vigan** – вести; **visan** – чеч. **visan** – оставаться (ночевать, жить и т.д.) – поражают своим сходством в форме и семантике – так мало они изменились за тысячелетия. Другие же слова претерпели незначительные закономерные изменения, легко устанавливаемые этимологическим анализом основ. Ср. например: **taken** – брать – чеч. **daqqan** – брать, забирать, зарабатывать, отнимать; **waken** – просыпаться – чеч. **vaqqan** – будить; **tidan** – чеч. **tidan** – объяснять, толковать; **tossan** – чеч. **tasan // tosan // tossan** – бросать, швырять; **do** – чеч. **dan, do** – делать; **go** – чеч. **gho** – иди; **jan** – чеч. **jan** – делать, производить; **be** – чеч. **ba, bu** – быть.

Такое количество и качество сходств между этими языками может свидетельствовать только об одном – о генетическом родстве английского и чеченского языков.

Литература:

1. Вагапов А.Д., Цацаева А. Англо-чеченский разговорник. Введение. – Грозный, 2003.
2. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Ч. 1. – Вестник ЧИПКРО, № № 1-3. – Грозный, 2004. № 2. – Грозный, 2005.
3. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Ч.2. – Lingua-universum, № № 3-6. – «Пилигрим», Грозный, 2008. – № 2-3. – Грозный, 2009.
4. Вагапов А.Д., Ахмадова З.М. Нохчийн меттан урокехь дийнатийн, ораматийн цIерш Iамор.
5. Ильиш А.С. История английского языка. – М., 1968.
6. Линский С.С. История английского языка. – М., 1963.
7. Маковский М.М. Сравнительный словарь индоевропейской символики. – М., 1996.
8. Маковский М.М. Этимологический словарь немецкого языка. – М., 2004.
9. Маковский М.М. Большой этимологический словарь английского языка. – М., 2005.
10. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского. – М., 1972.
11. The Concise English Etymology Dictionary. – Oxford, 1963.

Чеченский язык

Ислам Сайдаев

Об этимологии слова «маршо» и названии города Урус-Мартан

В советский период основным направлением развития исторических исследований в Чечено-Ингушетии было обоснование присутствия на Кавказе русского населения. В этот период сочинялись мифы, многие из которых живы и по сей день. Одним из подобных мифов было объяснение происхождения названия села Урус-Мартан (ныне города) от некоего русского мужика Мартынова, который якобы первым поселился на этой территории.

На самом деле между древними руссами и кавказцами существовали плотные взаимосвязи, вплоть до поклонения одним божествам. Однако этимология названия селения Урус-Мартан никакого отношения к русскому мужику Мартынову не имеет, как и одноименная река Мартанка.

Согласно работе Ахмада Сулеманова, этимология названия этого населенного пункта восходит к следующим корням, цитирую: «Хьалха-Марта (Урус-Мартан) – районный центр Урус-Мартановского района, расположен в 35 км к юго-западу от Грозного, на одноименной реке Марта (Марта-хи, река Мартанка).

На предгорной равнине известны два крупных селения – Урус-Мартан и Ачхой-Мартан. В народе селение Ачхой-Мартан называется Іашхой-Марта и ТІехьа-Марта, а Урус-Мартан – Хьалха-Марта. Название Іашхой-Марта объясняется тем, что, по преданию, оно было основано представителями чеченского тайпа Іашхой (община, род), потомки которых и ныне живут в этом селе отдельным кварталом.

Фарта, Марта (Мартанка, Фартанга) – названия двух рек, на которых расположены села. Слова *хьалха*, *тІехьа* в народных названиях этих сел в буквальном переводе означают «передний» и «задний».

Но эти же слова в народе употребляются и в значении «восточный» и «западный», как слова *хьала* – «вверх» и *охьа* – «вниз», которые обозначают также «южный» и «северный». Поэтому в смысловом переводе Хьалха-Марта (Урус-Мартан) означает Восточный Мартан, ТІехьа-Марта – Западный Мартан.

В Восточном Мартане в XIX веке была построена русская крепость, которая получила название Урус-Мартан (Оьрсийн-Марта). Это название в русских источниках было перенесено и на село Хьалха-Марта. В настоящее время чеченцы пользуются двумя названиями – Урус-Мартан и Хьалха-Марта, употребляя первое в официальных документах.

Слово «марта» до сих пор сохранилось в языках чеченцев и ингушей. Особенно часто оно встречается в лексиконе жителей Аргунского ущелья. Так, в речи представителей старшего поколения и в наши дни можно услышать выражения: мангалан марта (обед косарей), готанан марта (обед пахарей), кошан марта (могильная трапеза, пища для роющих могилу), пхьор-марта (ужин) и т.д.

Обычно пища, определяемая словом «марта», отличается обилием. Населенный пункт Урус-Мартан расположен на реке под названием Марта. Западная река Марта, на которой лежит Ачхой-Мартан, имеет и другое название – Фартанга. Слово «фарта» на местном диалекте чеченского языка означает «обильная». Слово «марта» часто употребляется и в значении, близком к русскому языку «тризна». Исходя из этих материалов, можно сказать, что предки чеченцев, называя эти реки, употребили слово «марта» в значении, близком или тождественном русским словам «изобильная», «благодатная». Такое определение названия оправдывается и тем, что по этим рекам располагались наиболее плодородные и удобные для обработки земли». [1]

Замечательный русский поэт М.Ю. Лермонтов в своей знаменитой поэме «Измаил-Бей» пишет о чеченцах:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война…

Множество раз я задумывался над тем, почему в этих стихах автор называет богом чеченцев свободу, что на чеченском языке звучит, как **маршо**. Известно, что чеченцы Богом называют **Дели**. К примеру, в выражении **«Дала некъ нис бойла»** – букв.: «Пусть Бог выпрямит твой путь» (аналог русского выражения «Счастливого пути») или **«Дела реза хьулда хьуна»** – «Пусть Бог будет тобою доволен», которое говорится при выражении благодарности (аналог русского «Спасибо»).

Слово ***маршо*** в чеченском языке имеет значение «свобода», это слово так же применяется в выражениях, наподобие «Счастливого пути» – **Дала некъ нисбойла**. Только вместо **Дела** – «Бог» здесь применяется слово **маршо** – «свобода».

К примеру:

Марша гIойла – Идите с миром!
Марша догIийла – Добро пожаловать!
Марша Iайла – Оставайтесь с миром!
Маршалла – Привет, приветствие! [2]

Здесь **маршо** означает «свобода», дословно: «Свободного пути», «Иди свободным», «Приходи свободным». По этой причине сложилось мнение, что чеченцы обожествляли свободу. На самом же деле чеченцы не обожествляли свободу, а под словом ***маршо*** – «свобода» изначально имелось в виду слово ***Мертшо*** – «Бог».

Доказать эту версию происхождения слова ***маршо*** (свобода) от ***Мертшо*** (Бог) можно, обратившись к грузинскому языку, который является родственным чеченскому. В грузинском языке до сих пор сохранилось слово «Бог», сходное с чеченским «маршо». Несмотря на то, что грузины – христиане, поклоняющиеся богочеловеку Иисусу Христу (пророку Исе – мир ему), все же в своих молитвах на грузинском языке они не говорят «Иисус», имея в виду Бога, а говорят: **Мерто**. Такое же слово, обозначающее Бога, сохранилось и у чеченцев-кистинцев, живущих в Грузии, они говорят: **Мертшо**. Таким образом, древнее название Бога – **Мерто** трансформировалось через **Мертшо** – в **Маршо,** и у чеченцев приобрело значение – «свободный, вольный», «свободный, божий человек».

Именно в таком значении слово ***маршо*** имеет логичное объяснение в выражении **Марша гIойла** – «Иди с Богом», или **Марша вогIийла** – «Приходи с Богом» и т.д.

Таким образом объясняется не только изначальный смысл и происхождение таких топонимических названий чеченских сел, как Урус-Мартан и Ачхой-Мартан, так и реки Мартанки – что значит «Божьи места» или, возможно, «благословенные места». Известно, что в древности многие народы поклонялись деревьям, подобные культы существовали и на Кавказе. В частности, в Панкисском ущелье Грузии до сих пор существуют «Священные рощи», в которых запрещают рубить деревья. Роща на чеченском языке обозначается словом ***марашка*** – к примеру, в таких топонимических названиях, как: **Марашка хех** – «пещера у рощи ». [3]

Река в древних верованиях всегда ассоциировалась с переходом в иной мир. В греческой мифологии Харон (др.-греч. Χάρων – «Яркий») считался перевозчиком душ умерших через реку Стикс (по другой версии – через Ахерон) в Аид (подземное царство мертвых). Так что, река Мартанка могла быть названа таковой, что считалась священной, ибо текла через священную рощу. У чеченцев в выражении **«Дала геч дойла»** также заложен смысл перехода по мосту (через реку) в иной мир, где **геч** – «мост». То есть река как раздел между этим и загробным миром.

Именно этот смысл был вложен в стихотворение Лермонтова, где сказано:

– «Им бог – свобода», который, вероятно, знал изначальное значение слова ***Маршо,*** или ***Мершо***, аналогичное грузинскому ***Мерто*** – «Бог».

Однако сказанное не означает, что этимология чеченского ***маршо*** – *свобода* или *Мертшо – Бог*, восходит к грузинскому языку.

На то, что ***Мертшо*** имеет чеченскую этимологию, указывают следующие примеры:

Если проследить далее этимологию слова ***Мертшо,*** или ***Маршо,*** мы, удивлению, обнаружим, что оно восходит к древним мифам, в том числе греков и даже шумерийцев.

Мардук в шумеро-аккадской мифологии – верховное божество вавилонского пантеона, верховный бог Междуречья, бог-покровитель города Вавилона. Он почитался как владыка богов, бог мудрости, мирового порядка, а также считался богом солнца и света. Сравните с чеченским **Малх** – «солнце», **Марта** – «восход (солнца)».

Как ни удивительно, но все эти названия божеств восходят к простому чеченскому слову «мара» – нос. Казалось бы, что может быть общего между носом и божеством? Однако не спешите с выводами!

Мара в чеченском языке означает не только «нос», но и ***майра*** – «храбрый», то есть тот, кто встречает врага, не поворачивая спину, как говорится: «нос к носу».

Это слово в таком значении, вероятно, появилось еще в доисторический период, когда люди наблюдали поединки животных. Животные, в свою очередь, воспринимались как божества – к примеру, славянский бог межи Чура, олицетворением которого был медведь (срав. с чеченским **ча** – «медведь»), у финикийцев Ваал в образе быка и т.д.

И сегодня мы можем наблюдать: когда животные вступают в схватку за самку, перед боем они обычно обнюхивают друг друга. Тот же, кто побеждал врага, не поворачивая своего носа, отвоевывал самку и становился «альфа-самцом», или «мужем».

В подтверждение сказанному приведу следующую цепочку слов из чеченского языка:

Майр – муж; супруг
Майра – храбрый; храбро
Майралла – храбрость, мужество, отвага.
Майравоцург – незамужняя (не имеющая мужа) [4]
Мар – муж, супруг
Мар – пирамида (символ божественной власти).
Мара – нос; объятие; лодка, судно
Марадолла – обнять
Маракхета – обняться (при встрече)
Марахдакка – отомстить; отплатить (расплата за поражение в бою, за обладание самкой) [5]

Мариехьйолу – замужняя (срав. англ. married woman – замужняя женщина; замужем – married; замуж – marry) [6]

В древних мифах, особенно в греческих, «боги» выступают как воины, ведущие между собой борьбу за земных женщин, от которых впоследствии произошли такие греческие мифологические герои, как: Геракл, Ахилл, Тесей и т.д.

Пример следующих чеченских слов говорит о том, что изначально от слова ***мар*** – нос, через ***майр*** – муж, произошли слова ***маршо*** – свобода и ***Мертшо*** – Бог.

В римской религии Марс – один из древнейших богов Италии и Рима – входил в триаду богов, первоначально возглавлявших римский пантеон.

В Древней Италии Марс был богом плодородия; считалось, что он может либо наслать гибель урожая или падеж скота, либо отвратить их. В его честь первый месяц римского года, в который совершался обряд изгнания зимы, был

назван мартом. Позднее Марс был отождествлен с греческим Аресом и стал богом войны.

Марс – серп (серп как символ войны и смерти)
Марса – вспыхнуть; взъерошиться, взбаламутиться
Марсадаккха – вспыхнуть; взбаламутить
Марсадаккхар – разжигание
Марсадала – вспыхнуть; разжечь [7]
Марсадалар – вспышка; разжигание. [8]
Марсар – вспыхивание; розжиг
Марсхьакхар – жатва серпом
Март – смерть; место жертвоприношения; алтарь
Малх – солнце; марта – восход (солнца), как известно, в старину на Кавказе существовал культ поклонения солнцу.

Отсюда религиозный пост носит название ***марха*** – «пост, воздержание» (сравнить с грузинским ***мархва*** – «пост») [9]

С войной и божеством войны Марсом – красной планетой – связана и этимология слов, обозначающих нечто красное, а также олицетворяющее войну: огонь, смерть.

Например:
Маржан – коралл (красный камень) [10]
Марца – спалить, опалить
Марчо – саван [11]
Матр – закат (солнца); угасание; смерть
Матьяр – порча; гниение [12]

Источники:

1. Сулейманов А. Топонимия Чечни. С. 419.
2. Исмаилов А. Дош. Русско-чеченский словарь. – Соьлжа-гIала, 2009. С. 216.
3. Сулейманов А. Топонимия Чечни. С. 17.
4. Исмаилов А. Дош. Русско-чеченский словарь. С. 213.
5. Там же. С. 214.
6. Там же. С. 215.
7. Там же. С. 215.
8. Там же. С. 216.
9. Там же. С. 21.
10. Там же. С. 215.
11. Там же. С. 216.
12. Там же. С. 217.

Культура

Муслим Гапуев

Курчалоевский соловей

В этом году выдающемуся чеченскому певцу и композитору Султану Магомедову исполнилось бы 75 лет.

Генетика считается наукой изученной. Но, думаю, Лута Магомедов из селения Курчалой, имевший очень красивый голос, и предположить не мог, что его второй сын Султан, появившийся на свет 4 мая 1937 года, унаследует от него «музыкальный» ген. Но именно так и произошло: мальчик начал петь раньше, чем говорить, и петь очень красиво.

Лута Магомедов, благодаря своему мощному и выразительному голосу, наряду с основателем Курчалоевского медресе Насу Ахматовым, был самым востребованным человеком на различных религиозных, праздничных и траурных мероприятиях. Забегая вперед, скажу, что талант Луты и Насу, так востребованный в народе, по достоинству «оценила» и власть, «наградив» каждого десятью годами лагерей. И только смерть Сталина принесла им амнистию, не изломав вконец судьбы.

Султан Магомедов.

Первые уроки пения Султан получил от отца еще до депортации – Лута брал его с собой на многие мероприятия. Поэтому мальчик с детства имел высокие вокальные ориентиры. Это очень важно, когда изначально видишь перед собой высоко поднятую творческую планку и стремишься к ней. В этом плане Султану сильно повезло. Зато не повезло в том, что он так и не сумел получить музыкального образования. Хотя, с другой стороны, нужно ли гениям образование? Ведь Моцарт в свои пять лет тоже не имел образования, когда начал писать симфонии. И Телониус Монк великим джазовым музыкантом стал без музыкального образования. Лучано Паваротти тоже нот не знал. Список можно продолжить. Многим бездарностям и наличие нескольких дипломов не помогает. А Султан без всякого познания нот сочинял не только песни, но и более сложные музыкальные произведения. И к образованию Султан стремился, но в его судьбе этого пункта заложено не было. Во время депортации у чеченцев были иные проблемы. По возвращению же домой у него появилась семья, дети. Да и популярность Магомедова росла как на дрожжах – тут уж совсем было не до учебы. А необходимость образования для музыкантов и исполнителей Султан понимал.

…Понимают ли это нынешние новоявленные «звезды»? Уровень музыкальной культуры нынче сильно упал по сравнению с прежними временами. Беседуя об этом со мной, народный артист ЧР Имран Усманов вспоминал, как в 1976 году его, только окончившего музыкальное училище, тогдашний министр культуры

Чечено-Ингушской АССР Ваха Ахмедович Татаев для продолжения учебы послал в Ростовскую консерваторию. Прежде было четкое понимание того, что одним из важных факторов величия народа являлась высокая культура этого народа. И культуру всячески поднимали.

С этой целью и был, в частности, создан в 1934 году Чечено-Ингушский ансамбль песни, мелодии и танца, чуть позже переименованный в Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и танца. О непростой судьбе этого ансамбля можно много рассказывать. Достаточно сказать, что большая часть коллектива с началом Великой Отечественной войны ушла на фронт добровольцами. Несмотря на то, что 25 человек ансамбля погибли на полях сражений, это не смягчило участи ансамбля во время репрессий.

Первая творческая фаза ансамбля завершилась в соответствии с нравами того времени: 23 февраля 1944 года ансамбль пригласили на шефский концерт, посвященный Дню Красной Армии, по окончании которого все артисты были задержаны работниками НКВД; у них отобрали весь артистический реквизит, включая костюмы, кинжалы, бустамаш (газыри). Затем, одетых в легкие костюмы людей, погрузили в товарные вагоны и отправили в казахстанские степи. И это в февральские морозы. Так власть за хороший концерт отблагодарила чеченских артистов.

Второе рождение ансамбля состоялось в 1957 году (кстати, на базе этого ансамбля был впоследствии образован Государственный ансамбль танца «Вайнах»). В Алма-Ате, после жесткого отбора (не в этом ли кроется формула успеха), был сформирован Чечено-Ингушский ансамбль песни и танца. Солистом ансамбля был и Султан Магомедов, который в свои двадцать лет уже был довольно известным и зрелым певцом. В скором времени Магомедов стал выходить на первые роли в ансамбле. Концерты стали строиться под него. Султан обладал удивительно красивым и поставленным голосом, который можно охарактеризовать как лирический тенор. Пение – это, кроме вокальных данных, еще и поставленная техника дыхания. Без правильной постановки голоса опытными преподавателями освоить самому это практически невозможно. И было удивительно, что Султан поет так красиво, не имея музыкального образования. Но Султан был щедро одарен природой, помимо мощного и красивого голоса, еще и творческой интуицией. Воистину, Султан Магомедов был самородком. Неспроста в народе его прозвали «курчалоевским соловьем».

После реабилитации чеченцев и ингушей одними из первых домой, по решению руководства республики, вернулись артисты Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца. Это должно было способствовать обеспечению праздничного настроения возвращающимся людям и поднятию культурного уровня населения в целом.

И артисты ансамбля работали, не покладая рук. В кузове старенького грузовичка ГАЗ-51 мужской состав ансамбля, а в продуваемом со всех сторон, не менее старом, автобусе «Кубань» – женская половина – изъездили всю Чечено-Ингушетию вдоль и поперек.

Успех ансамбля был феноменальным. Коллектив часто выступал перед тружениками села, рабочими коллективами. Концерты проходили в маленьких районных или сельских клубах, в школах, заводских домах культуры. Все желающие, естественно, не могли попасть на концерт, и люди толпились в коридорах и на улице, пытаясь хотя бы таким способом быть причастными к празднику. Я встречался с некоторыми зрителями концертов начала шестидесятых. Улыбки озаряли лица уже престарелых людей только от одного воспоминания того праздника. Надо сказать, что и атмосфера тогда в самом чечено-ингушском обществе была эйфорическая. Хотя проблем у людей хватало, но со своей реабилитацией вайнахский народ связывал большие надежды. Народный артист Чеченской Республики, солист хора ансамбля песни и танца Саид Шаипов вспоминал: «Мы уже ездили с концертами по соседним республикам, а в скором времени исколесили всю территорию

На фото: вокальная группа Чечено-Ингушского ансамбля песни и танца. Слева направо: Сергей Руцкой, Султан Магомедов, Алихан Имагожев, Саид Шаипов, Зелимхан Дудаев, Супьян Цугаев. 1970-е... Живы, молоды, талантливы...

Советского Союза. Хотя материально-техническая база ансамбля оставляла желать лучшего, на концертах наши артисты творили чудеса. Залы всегда были заполнены до отказа». Слава шла далеко впереди ансамбля. Весть о том, что приезжают чеченские артисты, вызывала воодушевление в российских городах (сейчас в это трудно поверить, но это факт). Люди шли на концерт чечено-ингушского ансамбля, зная, что увидят настоящую экспрессию, будь то танцы или песни. А Султан Магомедов завораживал слушателей своим голосом раз и навсегда. Было как-то даже, что ансамбль в одной из воинских частей Дальнего Востока, по просьбе командования части и личного состава, трое суток выступал перед военнослужащими. Султан пел большинство песен на чеченском языке, но это не мешало людям понимать его – язык чувств и эмоций един для всех. Хотя как-то после одного из концертов за кулисы прошла женщина и попросила написать перевод текстов песен Магомедова, мотивируя свою просьбу тем, что такой голос может петь только высокую поэзию.

Надо сказать, что помимо Султана в ансамбле блистали и Шита Эдисултанов, и Зулай Сардалова, и Валид Дагаев, и Умар Димаев, и Саид Шаипов, и вернувшийся из Москвы, где успешно окончил Московский музыкально-педагогический институт имени сестер Гнесиных, Мовлад Буркаев и многие другие талантливые артисты. Правда, репертуар ансамбля на первых порах был довольно скудным – мало было хороших чеченских песен. Вот тут и проявился второй, не менее выдающийся, чем голос, дар Магомедова – композиторский. Написанные им в ту пору песни, такие, как «Ломахь кхиъна зезаг» («Горный цветок») на стихи Шаида Рашидова, «Вай даймохк» («Земля отцов») на стихи Магомеда Дикаева, «Лямнашкахь» («В горах») на стихи Абузара Айдамирова, «Маьлхан нохчийчоь» («Солнечная Чечня») на стихи Хусейна Сатуева, «Езар» («Любовь») на стихи Раисы Ахматовой, «Зезаг» («Цветок») на стихи Магомеда Сулаева, «Нохчийчоь» («Чечня») на стихи Билала Саидова, стали жемчужинами чеченской музыкальной культуры.

В 1961 году в Москве проходила декада Чечено-Ингушской литературы и

Султан Магомедов и Магомед Дикаев.

искусства. Участвовать в культурном форуме пригласили и Чечено-Ингушский государственный ансамбль песни и танца.

Надо сказать, что это было не первое выступление в Москве чеченских артистов. В 1939 году в Кремлевском Дворце Съездов уже выступал коллектив из Чечено-Ингушетии. На концерте присутствовал Сталин и все Правительство СССР. Тогда в ансамбле солировал заслуженный артист РСФСР Ибрагим Батаев из селения Кулары. О популярности Батаева говорит тот факт, что в конце 30-х годов в Москве была выпущена пластинка с его записями. В то время это было событие едва ли не государственной важности.

Саид Шаипов вспоминал, как, находясь в депортации, после работы люди набивались в комнату к счастливому обладателю патефона и слушали допоздна, заряжаясь энергией перед новым рабочим днем, именно ту грампластинку Батаева, волшебным способом провезенную в теплушке для скота в Среднюю Азию. Трудно себе представить, чтобы к кому-нибудь из нынешних новоявленных чеченских «звезд» отношение людей было бы столь трепетное.

На декаде чечено-ингушской литературы и искусства в 1961 году на артистов негласно была возложена очень ответственная миссия: показать стране, что вайнахи такой же народ, как и все остальные представители страны Советов, которому не чужды ни радости, ни горести, со своей самобытной культурой, танцами, песнями. Все же не будем забывать, что многие годы в головы обывателей вбивалось негативное отношение к чеченскому и ингушскому народу.

Перед отъездом в Москву Султан написал кантату «Привет Москва», поразив многообразием своего таланта всех своих коллег. Безусловно, столь сложное многочастное произведение, не имея музыкального образования, мог написать только выдающийся музыкант. На ноты произведения Магомедова, в частности ту кантату, перекладывал Александр Михайлович Халебский – один из немногих чеченских композиторов тех лет (хотя сам чеченцем, как вы понимаете, не являлся). Отец Александра Михайловича был, кстати, одним из основателей Чечено-Ингушского ансамбля песни, мелодии и танца. Эти имена, наряду со многими другими, мы не имеем права забывать. Это часть культуры, а соответственно, и часть истории чеченского народа.

Но вернемся к декаде чечено-ингушской литературы и искусства. Кроме кантаты «Привет Москва», Султан специально для московских концертов написал несколько песен, включая и знаменитую «Асламбек Шерипов» на стихи Магомеда Дикаева, музыку для хорового пения и «Входной марш». Под этот марш артисты ансамбля в черкесках, подтянутые, молодые, красивые строем вышли на сцену Кремлевского Дворца Съездов. Это было эффектное зрелище. Зал буквально взорвался аплодисментами. Сразу после «Входного марша» коллектив ансамбля, а это около ста человек, исполнил песню «Приезжайте

к нам на Кавказ», принадлежащую творческому союзу Магомедов – Дикаев. Участник тех концертов, Саид Шаипов вспоминает: «Зрители так тепло нас принимали, что у нас, у артистов, постоянно возникало чувство гордости за свой народ». Ансамбль с большим успехом выступил также в респектабельном зале имени Чайковского и Доме Красной Армии.

Популярность Магомедова в Чечено-Ингушетии стремительно росла. Но, несмотря на это, Султан оставался простым и общительным человеком, легко сходящимся с людьми. В нем не было никакого зазнайства. А скромность очень ценится в народе. Талант, помноженный на человеческие качества, – вот формула любви и уважения народом Султана Магомедова. Чувство долга и патриотизма также было ему близко. По натуре своей Султан был общительным и веселым человеком. Его дочь Зара вспоминала, что в их доме всегда были гости, а двери были открыты даже ночью. Бывало, что Султана часто приглашали спеть на различных торжествах. И он, невзирая на усталость, недомогание или даже болезнь, ехал на мероприятие – отказать людям Султан не мог. И так практически без единого выходного. Петь приходилось без усилителя с микрофоном. Зимой выступали в холодных клубах в легких черкесках, когда, по словам очевидцев, и в тулупах было холодно. Такой ритм жизни позже отразится на здоровье. Свою лепту в подрыв здоровья вносили и переезды в открытом транспорте, который зачастую подводил в самом неподходящем месте. Саид Шаипов вспомнил, что как-то их ГАЗик сломался ровно посередине реки Басс. Из оцепенения артистов вывел задорный клич Султана: «Ну, кто смелый – навались!». И, закатив брюки, первым кинулся в ледяную январскую реку выталкивать грузовик. Султан во всех начинаниях был первым.

Беречь себя Султан так и не научился. Он никогда ни на что не жаловался, в том числе и на здоровье, когда болезнь впоследствии стала брать верх над ним.

Султан Магомедов был патриотом своего народа. В свое время его приглашали на самом высоком уровне учиться и работать в Азербайджан, но покинуть свою малую родину Султан не захотел, хотя материальные и бытовые условия в Баку были несоизмеримо лучше, чем в Грозном. Султан очень любил свой народ и пел для него. Люди же отвечали ему взаимностью. Но, как ни парадоксально, народный певец звания народного артиста ЧИАССР так и не получил – чиновники напомнили ему про религиозную деятельность его отца и ограничились заслуженным артистом ЧИАССР. Лишь недавно, по представлению министра культуры ЧР Дикалу Музакаева, Султану Магомедову было присвоено звание народного артиста Чеченской Республики (посмертно).

Султан Магомедов два раза избирался в районный Совет народных депутатов, а без уважения и доверия людей это вряд ли было бы возможно. Друзей у Султана было много, потому что он был из тех людей, что отдадут последнюю рубашку. На людей, совершавших по отношению к нему несправедливость, зла не держал – качество, присущее только сильному и великодушному человеку. Но вот кого он точно не переносил, так это бездельников. Сам он не мог сидеть без дела и рядом находящихся заводил своим примером. Надо сказать, что и подход к работе в то время был более основательный, чем теперь. Режиссер Ильяс Татаев в свое время рассказывал про съемки фильма «Эхо гор». По сценарию, чабан – Султан Магомедов – гонит на пастбище отару овец, а рядом бежит верный ему волкодав. Но как же тяжело, как выясняется, далась эта непринужденная сцена. Вначале волкодав отказывался подпускать Султана к отаре. Певцу пришлось целую неделю прикармливать собаку, зато в нужной сцене она выглядела преданной. В наше суматошное время такой основательный подход к делу трудно представить. Может, поэтому творчество артистов прежних лет нам интереснее, что все было настоящим, без нынешней рафинированности и поверхностного отношения. А о больной сегодня теме – фонограмме – раньше даже и не слышали.

Султан Магомедов… Как же он много сделал для музыкальной культуры чеченского народа! Им написано более 150 песен, кантат, маршей. Много

сделано им и для ингушской культуры. Вспомним хотя бы знаменитую «Песню Назрановской девушки» на стихи Саида Чахкиева. Немало песен написано им на стихи Джамалдина Яндиева и других ингушских поэтов. К сожалению, две войны полностью уничтожили архив Султана Магомедова, нанеся тем самым невосполнимый ущерб культуре вайнахского народа. Правда, работники Центра народного творчества ЧР под руководством известного композитора и исполнителя, заслуженного работника культуры ЧР Рамзана Даудова по крупицам собирают чеченскую классику, в частности записи Султана Магомедова. Наличие в коллективе высококлассных специалистов и энтузиастов своего дела вселяет уверенность в успешной работе этих людей.

Всякий великий талант, платя дань веку, творит и для вечности. Со временем, я уверен, произведения Магомедова будут изучать в школе. А сейчас мы, к сожалению, пожинаем плоды двух войн – нынешняя молодежь начисто лишена представления о многих классиках чеченской культуры, в том числе и о творчестве Магомедова.

Величие народа определяет уровень культуры этого народа. Трудно сказать, была бы Америка великой страной, не имей она Элвиса Пресли или Фрэнка Синатру. Ведь не только наличие ядерного оружия и золотого запаса позволяет считать ее таковой. Но незнание своей культуры, скорее, не вина, а беда молодежи. К сожалению, сейчас даже при желании трудно достать записи с уже ставшими чеченской классикой музыкантами. Их попросту нет. А ведь было время, когда Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» (ныне ФГУП «Фирма Мелодия») издавала записи мастеров чеченской сцены на дисках-гигантах и миньонах. Так, в свое время на виниловых носителях был издан тот же Султан Магомедов, Марьям Айдамирова, Валид Дагаев, Рамзан Паскаев, Умар Димаев, Саид Шаипов, Джунид Дикаев и другие.

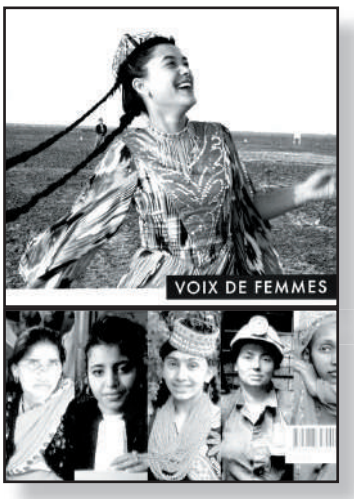
Для чеченских музыкантов (особенно певцов) Магомедов является ориентиром, как эталоном из Палаты мер и весов. Понятно, что таким талантом Всевышний наделяет только избранных, но стремиться к творческой планке, так высоко поднятой Султаном Магомедовым, должны все исполнители.

…1980 год – год Московской Олимпиады – должен был принести, казалось, только положительные эмоции. Дочь Султана, Зара, вела тогда дневник – записывала в него свои девичьи переживания. Первая, болью отозвавшаяся в ее сердце запись, была сделана 26 июля – на следующий день после смерти Владимира Высоцкого, еще одна 20 августа – после смерти Джо Дассена. 8 декабря трагически погиб экс-«Битл» Джон Леннон. Зара любила музыку и потому переживала по поводу смерти этих музыкантов. Она не знала, что до смерти самого любимого ее музыканта – отца – осталось менее двух недель. Султан болел, но болезнь его не предполагала летальный исход. Но от многолетней работы на износ организм истощился, и 20 декабря 1980 года великого чеченского певца не стало. Ему не было и 44 лет.

Последняя написанная Султаном незадолго до смерти песня на стихи великого чеченского поэта Магомеда Мамакаева называлась «Лебединая песня» («ГIургIезийн илли»). Гении всегда все знают наперед…

На похороны в селение Курчалой съехалось, казалось, все население республики – Султан воистину был народным певцом. Он раздал без остатка свою жизнь людям в виде своих песен. Жизнь Султана Магомедова была короткой, но людская память в веках будет помнить его.

Книжные новинки



Женские голоса в мировой поэзии

В этом году во Франции читатели смогли познакомиться с поэтической антологией «Женские голоса». В настоящий сборник вошли стихи женщин из стран Европы, Азии, Северной и Южной Америк, Африки, Австралии и Новой Зеландии, переведенные на французский язык. Следует отметить, что подготовлена к публикации и отпечатана книга была в Турции, а ее главным редактором является известный турецкий журналист Э. Тургут. На страницах этого большого иллюстрированного издания представлены (наряду со стихами поэтесс, чье творчество уже много веков является классикой в таких странах, как: Япония, Индия, Франция, Испания и др.), в разделе, посвященном России, лирика чеченских поэтесс Раисы Ахматовой и Лулы Куни.

Роза Берсанова

Поэзия высокой пробы

В Республике Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ) в июле этого года вышел сборник стихов самобытного чеченского поэта Руслана Умаева «Запоздавший гость». Руслан Умаев является уроженцем села Борагангечу Хасавюртовского района ДАССР. Творчество поэта хорошо известно с 70-х годов прошлого века в обеих республиках. Он неоднократно публиковался в различных периодических изданиях республики, был участником литературного объединения «Родник» в Дагестане.

Когда я впервые познакомился со стихами Руслана Умаева, то очень сожалел о том, что наша встреча состоялась слишком поздно. Хотя тут не было моей вины. Я жил в Грозном, а он – хасавюртовец. К тому же Руслан Умаев редко, даже слишком редко, печатается. Не потому, что его стихи игнорирует периодическая печать, просто он очень строг к самому себе, к своему творчеству. Однажды написанная им вещь долго отлеживается в ящике письменного стола, «дозревает».

Отступило мое одиночество,
И не страшен молчания гнет.
Мы проверку проходим на прочность –
Жизнь – такая игра – кто кого перегнет.

Это его кредо. Жизненная позиция. Вот почему он, человек, немало исходивший жизненных дорог, только сейчас (наконец-то!) решился представить на суд читателей свой первый поэтический сборник. Сборник, хочется верить, обрадует многих почитателей поэзии. Он станет для них открытием имени талантливого (не боюсь это во всеуслышание говорить) поэта Руслана Умаева. Еще добавлю: молодого и самобытного поэта. Вчитайтесь в эти строчки, и вы убедитесь, что это настоящая поэзия:

Как сегодня я жил и что делал вчера,
Где обидел, солгал, променялся за так?
Нужен свет. Нужен свет!!!
Не включается бра. И табак на исходе.
И дело табак.

«И табак на исходе. И дело табак!» Да это же классические стихи!

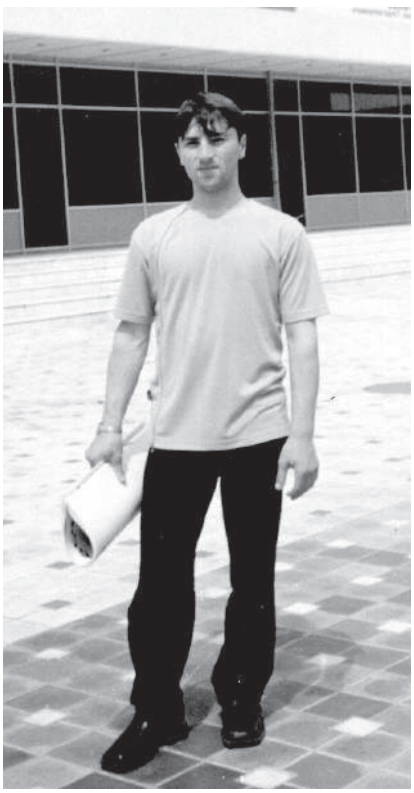
Стихи Руслана Умаева очень образны. Его экспрессия всегда неожиданна для читателя. Такой и должна быть настоящая, лишенная дилетантизма, поэзия. А мы имеем дело именно с ней.

Поэтому хочется цитировать и цитировать стихи Руслана Умаева. Но мы сэкономим печатную площадь и откажемся от излишних морализаций и сентенций... И последнее. Кому-то покажутся высокопарными слова, вынесенные мною в заголовок. Но мне в стихах Руслана Умаева видится именно такая поэзия – поэзия высокой пробы.

Алвади Шайхиев, член Союза писателей СССР

К нашим иллюстрациям

Вызов для художника



Сайхан Дибиров родился 25 сентября 1983 года в старинном чеченском селении Кошкельды. Рисованием увлекся с детства – и это увлечение его отцом, Джабраилом Вахидовичем Дибировым, директором Детской художественной школы с. Кошкельды, приветствовалось. Да и в обычной средней школе он всегда принимал активное участие в оформительской работе на различных общественных мероприятиях. В 1996 году Сайхан поступил в Республиканское училище искусств, которое окончил в 2001 году на «красный» диплом по специальности «художественная обработка металла». В том же году он решил продолжить свое образование и поступил в Лицей изобразительных искусств при Краснодарском государственном университете культуры и искусства. Отучившись, через три года вернулся домой и устроился на работу преподавателем ДХШ в родном селе. Твердо усвоив, что путь к мастерству лежит через длительный, трудный, но увлекательный процесс ученичества, Сайхан снова садится за студенческую скамью – теперь поступив уже в Чеченский государственный педагогический институт на факультет изобразительного искусства, который, кстати, также оканчивает с отличием в 2011 году. Прежде он много работал с пластическим материалом, с акварелью, гуашью, но в настоящее время его любимый материал – масляные краски, что, как ему представляется, позволяет лучше выразить свои ощущения и впечатления, видение окружающего мира, реализовать свой внутренний творческий потенциал. Его любимые классические художники – Айвазовский, Шишкин, Левитан. Тому, что для Сайхана (да и многих других чеченских художников) жанровый выбор, как правило, остановился на пейзаже, есть простое объяснение – это компромисс художника, исповедующего мусульманскую религию, которая запрещает изображать живые существа, с неодолимой любовью к изобразительному искусству. Такой выбор, с одной стороны, ограничивает возможности и пространство для творчества, но с другой – содержит в себе вызов, который Сайхан с достоинством принимает. В свободное от работы время он пишет этюды, находится в постоянном поиске новых идей и вдохновения. Однако и простые человеческие радости ему не чужды. Его мечта – отправиться в путешествие в города и страны, ставшие своего рода меккой для художников со всего мира. Его любимая музыка – классическая. Он не боится обращаться за советами к старшим и принимать их – в первую очередь, от своего отца, который ненавязчиво заметит, что сыну удалось сделать, а что не очень, но даст лишь один совет: «Работать, работать и еще раз работать».

С сентября месяца прошлого года Сайхан работает преподавателем рисунка на художественном отделении Чеченского государственного колледжа культуры и искусства. Он часто участвует в республиканских выставках последних лет, и в том числе в нынешнем 2012 году – которые регулярно проводятся в Чеченском педагогическом институте, в Союзе художников республики, музее Аллеи славы.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1стр. – «Осень в горах», 2 стр. – «Нохчийчоь», 3 стр. – «Зиярт», 4 стр. – «Домбай».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Алвади Шайхиев (1947 г. р.). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Асламбек Якубов (1958). Окончил ЧИГУ. Пишет стихи. Был членом литературного объединения «Прометей». Работал на разных должностях в Министерстве Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации. В настоящее время возглавляет пресс-службу Министерства труда, занятости и социального развития ЧР.

Арби Вагапов (1951). Окончил факультет физики РГУ в 1977 г. и филологический факультет ЧИГУ в 1985 г. Ученый, кандидат филологических наук, доцент. В периодической печати публикуется с 1985 г. Автор около 70 научных работ: «Толковый словарь чеченского языка» (2001), «Англо-чеченский словарь» (Лондон, Нью-Йорк, 2004), «Словарь синонимов» (2006), «Словарь географических терминов» (2007), «Словарь неологизмов» (2007), «Этимологический словарь чеченского языка» (2009) и др.

Мовла Гайраханов (1968). Окончил Саратовский технический университет. В настоящее время проходит службу в Управлении Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков по Чеченской Республике. Корреспондент издания «Советник президента» (Москва). Дебютировал на страницах журнала «Вайнах» в 2008 году.

Муслим Гапуев (1965). Родился в г. Грозном. Окончил нефтепромысловый факультет Грозненского нефтяного института. Писать рассказы начал после окончания первой войны 1994-1996 гг. Его статьи, очерки, рассказы публикуются на страницах республиканских газет и журналов.

Руслан Юсупов (1955). Филолог по образованию. Много лет проработал в сфере журналистики. Победитель целого ряда профессиональных конкурсов республиканского, регионального, и международного уровня. Лауреат премии «Интеллектуального Центра Чеченской Республики», обладатель «Золотого пера» на международном конкурсе журналистов им. А.А. Кадырова. Стихи пишет со школьных лет. Печатался в газетах и журналах. Выпустил 2 поэтических сборника «Дорога из ада» и «Огонь души». Член Союза писателей России. Награжден медалью Лермонтова за пропаганду миротворческих идей в литературе.

Ислам Сайдаев (1972). Родился в г. Грозном. В 1995 году окончил филологический факультет ЧИГУ. Журналист. Автор работ по проблеме противодействия экстремизму и терроризму. Пишет стихи с 1991 года, публицистические статьи, а также статьи, посвященные истории родного края и народа. В настоящее время работает начальником отдела по связям с общественными и религиозными организациями Департамента национальной политики Министерства по национальной политике, печати и информации ЧР. Публикуется впервые.

Марьям Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», газете «Вести республики».

Сулиман Мусаев (1972). Окончил филологический факультет ЧГУ в 1994 году. Редактор отдела прозы литературно-художественного журнала «Вайнах». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 года. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации – в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборнике«Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (М., 2009). Участник семинара молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик, май 2008 г.), VIII, IX и X форума молодых писателей России в Липках (2008-2010). Лауреат премии «Магистр литературы» в номинации «Малая проза» (2009).

Шамсудин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). С 1969 по 2008 год работал главным врачом Шатойской госсанэпидстанции. Заслуженный врач ЧР, член Союза писателей РФ (1992).